

А.Р. Наврузов

«Джаридат Дагистан» —
арабоязычная газета
кавказских джадидов

Islam in Russia and Eurasia

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

Daghestani Scientific Center

Institute of History, Archeology and Ethnography

Amir Navruzov

“Jaridat Daghistan”: Arabic-speaking Newspaper of the Caucasus Jadids

Mardjani Publishing House

Moscow
2012

Ислам в России и Евразии

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Дагестанский научный центр
Институт истории, археологии и этнографии

А.Р. Наврузов

«Джаридат Дагистан» —
арабоязычная газета
кавказских джадидов

Издательский дом Марджани

Москва
2012

УДК 070.482(470.67)(091)"191"
ББК 76.023(2Рос.Даг)53
Н15

Рекомендовано к изданию Ученым советом Института истории,
археологии и этнографии Дагестанского научного центра
Российской академии наук 07.04.2006 г.

Издание осуществлено при финансовой поддержке гранта Президента
Республики Дагестан в области общественной деятельности за 2012 г.
по проекту «Основные вопросы идеологического противостояния
представителей традиционного ислама и салафитов в Дагестане
на современном этапе и пути их решения»

Ответственный редактор: доктор ист. наук, профессор А.Р. Шихсаидов

Рецензент: научный сотрудник Базельского ун-та, Швейцария, доктор
исторических наук К.П. Сидорко

Наврузов А.Р.

«Джаридат Дагистан» — арабоязычная газета кавказских джаидов = "Jaridat
Daghistan": Arabic-speaking newspaper of the Caucasus jadids / А.Р. Наврузов;
Российская акад. наук, Дагестанский науч. центр, Ин-т истории, археологии
и этнографии. — М.: Изд. дом Марджани, 2012. — 240 с. — (Ислам в России
и Евразии = Islam in Russia and Eurasia, ISSN 2070-9269). — Парал. тит. л.
англ. — ISBN 978-5-903715-69-5.

ISSN 2070-9269
ISBN 978-5-903715-69-5

Данное исследование является монографическим вариантом диссертации
«Газета "Джаридат Дагистан" (1913–1918) как историко-культурный
памятник», где автор на основе полного перевода опубликованных в первой
дагестанской арабоязычной газете статей впервые характеризует идейную
направленность, структуру, содержание и тематический облик «Джаридат
Дагистан» как уникального историко-культурного памятника и ценнейшего
источника по истории мусульманского просветительства начала XX века
в Дагестане и на Северном Кавказе.
Книга предназначена для научных работников, преподавателей, студентов,
а также широкого круга читателей.

ISSN 2070-9269
ISBN 978-5-903715-69-5

© А.Р. Наврузов, 2012
© ИИАЭ ДНЦ РАН, 2012
© Издательский дом Марджани
© Кагаров Э.М., серийное оформление

Оглавление

7	Предисловие
9	Введение
15	ГЛАВА I. Исторические предпосылки издания и структура газеты
15	§ 1. Основные задачи и назначение газеты
19	§ 2. Общие сведения о газете
21	2.1. Официальный раздел
23	2.2. Неофициальный раздел
23	2.3. Литературный раздел
24	2.4. Раздел писем
26	2.5. Объявления
27	2.6. Научный раздел
29	ГЛАВА II. Тематическая характеристика статей
29	§ 1. Образование и просвещение
29	1.1. Уровень духовного развития народов Дагестана, проблемы и трудности развития и пути их преодоления
38	1.2. Состояние наук и положение ученых в Дагестане Роль и предназначение ученых
43	1.3. Критика существующих методов обучения и задачи по их реформированию
57	1.4. Проблема языка обучения в школах Дагестана
67	1.5. Женский вопрос
74	§ 2. Адааты
88	§ 3. Астрономия
94	§ 4. География
97	§ 5. Медицина и здравоохранение
102	§ 6. Климат и развитие сельского хозяйства в Дагестане
108	§ 7. Общая история и история ислама
122	ГЛАВА III. Богословские и правовые проблемы ислама в газете
122	§ 1. Уплата <i>заката</i> с бумажных денег — ассигнаций или банкнот
129	§ 2. О пятничной молитве и повторении полуденной молитвы после нее
136	§ 3. О <i>хутбе</i> не на арабском языке
143	§ 4. О вакфах и их использовании
148	§ 5. О посте
152	§ 6. Суфизм
155	6.1. О Хидре
157	6.2. <i>Ал-иджтихад</i> и традиция
162	6.3. <i>Маулид</i>
166	Заключение
174	Приложения

Contents

7	<i>Amri R. Shikhsaidov</i> . Preface of the Editor
9	Introduction
15	Chapter I. Historical Background of the Periodical Edition and Its Structure
15	§ 1. Chief Goals and Audience of the Newspaper
19	§ 2. General Information of the Periodical
21	2.1. Official Section
23	2.2. Unofficial Section
23	2.3. Fiction Section
24	2.4. Letters to the Newspaper
26	2.5. Advertisement
27	2.6. Scientific Section
29	Chapter II. Thematic Characteristics of the Articles
29	§ 1. Education and Enlightenment
29	1.1. The Modern Stage of Cultural Progress, its Problems and Difficulties, Means to Overcome Them
38	1.2. The State of Sciences and Scholars in Dagestan. Function and Goals of Scholars
43	1.3. Criticism of the Education Means and Ways to Reform them
57	1.4. Language of Education in the Dagestani Schools
67	1.5. The Women's Question
74	§ 2. Dagestani Custom ('Adat)
88	§ 3. Astronomy
94	§ 4. Geography
97	§ 5. Medicine and Public Health
102	§ 6. Climate and Agriculture
108	§ 7. World History and History of Islam
122	Chapter III. Dogmatic and Legal Issues of Islam Discussed in the Newspaper
122	§ 1. Payment of <i>Zakat</i> from Banknotes and Assignations
129	§ 2. On the Friday Noon Prayer and Its Repeat
136	§ 3. On the Sermon (<i>Khutba</i>) in Arabic
143	§ 4. On Waqf Endowments and their Use
148	§ 5. On Fasting
152	§ 6. Sufism
155	6.1. On the Prophet Khidr
157	6.2. Decision Making (<i>Ijtihad</i>) and Legal Tradition (<i>Taqlid</i>)
162	6.3. Celebration of the Prophet's Birthday (<i>Mawlid</i>)
166	Conclusion
174	Appendices

Предисловие

Дагестанская историография располагает уже рядом ценных исследований, посвященных арабскому языку, рукописным коллекциям, процессу становления здесь арабоязычной литературной традиции. На этом фоне полное отсутствие до настоящего времени исследований по арабоязычной прессе становится особенно ощутимым. Прежде всего речь идет о роли издававшейся в Дагестане в 1913–1918 гг. газеты «Джаридат Дагистан» в общественно-политической и культурной жизни.

Книга А.Р. Наврузова посвящена именно этой газете как историко-культурному памятнику, ее роли в ходе всестороннего и объективного освещения внутри- и внешнеполитической жизни региона, в истории мусульманского просветительства и истории культуры народов Северного Кавказа.

Автор книги провел огромную источниковедческую работу, изучил все экземпляры газеты, дал качественную и количественную характеристику статьям, систематизировал и перевел их на русский язык и впервые создал, таким образом, материальную базу для всесторонней и объективной оценки одного из самых уникальных памятников культуры. Работа А.Р. Наврузова положила конец нигилистическим характеристикам «Джаридат Дагистан», существовавшим в научной и научно-популярной литературе и представила эту газету как выдающийся фактор, сыгравший огромную роль в просвещении мусульманского населения края. В распоряжение исследователей представлен огромный, фактически не исследованный материал, который может быть использован при изучении истории и культуры народов Дагестана первой четверти XX века.

В книге глубоко раскрыт ряд актуальных вопросов: исторические предпосылки создания газеты; роль Бадави Саидова и Му-

хаммад-Мирзы Мавраева в создании и функционировании газеты; структура газеты и ее основные разделы; тематическая характеристика статей (образование и просвещение, адатно-правовые нормы, история, история науки, география). Особое значение имеет раздел о богословских и правовых проблемах ислама на страницах газеты. Убедительно показана роль известного дагестанского ученого Али Каяева (1878–1943) в становлении облика «Джаридат Дагистан» как крупного историко-культурного памятника.

Представляется, что работа А.Р. Наврузова будет полезна как для специалистов, студентов, так и для всех тех, кто интересуется историей культуры народов Дагестана.

*А.Р. Шихсаидов,
главный научный сотрудник Института ИАЭ ДНЦ РАН,
доктор исторических наук, профессор*

Введение

Заметную роль в развитии культуры народов Дагестана, как и всех народов Кавказа, сыграла периодическая печать. Среди них газеты «Тифлисский листок», «Заря Дагестана», «Кавказ», «Голос Кавказа», «Каспий», сборники — «Сборник сведений о кавказских горцах», «Кавказский сборник», «Сборник для описания местностей и племен Кавказа», «Кавказский календарь» и многие другие издания¹.

В начале XX в. в связи с общественно-политическим подъемом в стране в Дагестане усиливается интерес к периодической печати. Некоторая часть либеральной буржуазии, стремившаяся направить это общественно-политическое движение в нужное ей русло и отстаивать свои интересы, пытается создать свои органы печати. Отражением этого стремления явилась газета «Дагестан», которая начала выходить в феврале 1906 г. в Порт-Петровске на русском языке. Натолкнувшись на препятствование со стороны местной черносотенной реакции, газета в 1907 г. прекратила свое существование.

Еще меньше просуществовала газета «Дагестанский вестник», которая начала выходить в 1907 г. в г. Дербенте. Эта газета была призвана выражать интересы приспособляющегося к условиям капиталистического развития местного дворянства. Она не пользовалась популярностью. Не сумев собрать подписчиков, газета в том же году закрылась.

С 1909 г. в Темир-Хан-Шуре начали выходить «Дагестанские областные ведомости» — официальное издание администрации области.

Большой популярностью среди горцев пользовалась первая дагестанская прогрессивная газета «Заря Дагестана», издававшаяся в 1912–1913 гг. в Петербурге С.И. Габиевым. Газета имела в Дагестане и за его пределами сеть корреспондентов и сотни под-

¹ История Дагестана. М., 1968. Т. 2. С. 347.

писчиков. Она получала материальную и моральную поддержку передовых представителей местной интеллигенции. В частности, большую помощь оказывали «Заре Дагестана» У. Буйнакский и М. Дахадаев.

Газета живо откликалась на события в Дагестане, на доходчивом языке информировала горцев о важнейших событиях внутренней и международной жизни России. «Заря Дагестана» разоблачала злоупотребления царской администрации, выступала с резкой критикой системы военно-народного управления, адатных судов, таких обычаев, как кровная месть, калым и др. Она настойчиво и последовательно пропагандировала идеи просвещения, призывала горцев приобщиться к передовой русской культуре.

Царское правительство преследовало «Зарю Дагестана» и ее издателя. Много раз газета конфисковывалась властями, подвергалась штрафам, и, наконец, ее издание было запрещено.

Дагестанская действительность широко освещалась и в выходившей в этот период (1912–1914 гг.) «Мусульманской газете», издателем которой также был С.И. Габиев¹.

История дагестанской арабоязычной литературы привлекает в последнее время внимание ученых-востоковедов Дагестана и ряда других регионов России. Вместе с тем арабоязычная публицистика совершенно не изучена, хотя она занимала заметное место в общественной и культурной жизни Дагестана, особенно в начале XX века.

Значительную роль в этой области играла газета «Джаридат Дагистан» («Газета Дагестан»). Она была ориентирована на всестороннюю и объективную характеристику Дагестана того времени, освещение внутри- и внешнеполитической жизни, культурного уровня, многосторонних контактов дагестанского народа.

Газета на арабском языке «Джаридат Дагистан» издавалась в 1913–1918 гг. Будучи общественно-политическим изданием, возникшим в один из самых противоречивых периодов в истории Дагестана и Северного Кавказа, она просуществовала сравнительно долго — более шести лет, став долгожительницей из всех дагестанских газет досоветского периода.

Все, кто стоял у истоков создания этой газеты и активно сотрудничал с ней, были репрессированы. В советское же время, из-за незнания арабского языка, газета не была доступна исследователям. Написанная на литературном арабском языке, она, к сожалению, не вполне доступна массовому читателю и сегодня.

¹ История Дагестана. М., 1968. Т. 2. С. 348–349.

В разные годы делались попытки дать характеристику идейно-политической направленности газеты, ее роли в общественно-политической жизни Дагестана и Северного Кавказа — накануне и в ходе двух русских революций — Февральской и Октябрьской.

Дж.Н. Ахмедов в своей работе «Периодическая печать Дагестана (1900–1940 гг.)» пишет, что в газете «Джаридат Дагистан» в основном дублировались материалы «Дагестанских областных ведомостей» — органа областной царской администрации¹. Там же он отмечает: «...первые газеты выражали интересы имущих классов ... очень мало сделали в улучшении жизни народа, в пропаганде просвещения...» Он относит газету «Джаридат Дагистан» на арабском языке к реакционной прессе, которая является органом помещичье-клерикального блока и проповедует самые реакционные взгляды².

В книге «Национальная печать Северного Кавказа (1917–1937 гг.)» отмечено, что «Джаридат Дагистан» на арабском языке наряду с другими газетами повела на своих страницах яростные атаки на революционные силы с целью укрепления власти буржуазии и помещиков³, что совершенно не соответствует действительности.

Автор, к сожалению, давая такую оценку газете, не подкрепил ее фактами из подлинных источников.

В справочнике «Печать Дагестана» повторяется оценка о том, что «“Джаридат Дагистан” выражала интересы имущих классов»⁴.

Во втором разделе второго тома «Истории Дагестана» отмечается, что еженедельная газета «Джаридат Дагистан» на арабском языке «по своему содержанию мало чем отличалась от официоза администрации области «Дагестанских областных ведомостей»⁵. Не подтверждается также фактическими данными утверждение о том, что «Джаридат Дагистан» была печатным органом «Общества исламистов»⁶ и органом милликомитета⁷.

Отрицательно характеризуется газета в книге «Зеркало времени», где говорится, что «феодально-клерикальные круги, нарож-

¹ Ахмедов Дж.Н. Периодическая печать Дагестана (1900–1940 гг.). Махачкала, 1963. С. 31

² Там же. С. 180.

³ Ахмедов Дж.Н. Национальная печать Северного Кавказа (1917–1937 гг.). Махачкала, 1983. С. 25–26.

⁴ Печать Дагестана / Ред.-сост. А.А. Алиханова. Махачкала, 1983. С. 49.

⁵ История Дагестана. Т. 2. С. 348; История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. — 1917 г.). М., 1988. С. 498.

⁶ История Дагестана. Т. 3. С. 22.

⁷ Там же. С. 44.

давшаяся национальная буржуазия широко использовали газету «Джаридат Дагистан» в своих националистических целях» и что через нее в Дагестан проникали панисламистские и пантюркистские идеи, распространяемые муссаватистскими кругами Стамбула, Баку, Крыма и Казани¹. Хотя в другой своей книге «Большевистская печать Дагестана» автор изменил свою оценку газеты и пишет, что «на ее страницах все чаще стали появляться статьи и сообщения, более или менее объективно отражающие положение в стране, печатались просветительского и научного характера статьи прогрессивной части дагестанской интеллигенции...». Более того, там же отмечается, что «Джаридат Дагистан» поместила обширную статью из газеты «Правда» в переводе с русского на арабский язык об итогах Апрельской конференции большевиков².

Единственно верная, на наш взгляд, оценка газеты как просветительской дана в работе Ю.В. Меджидова и М.А. Абдуллаева «Али Каяев», где, используя некоторые переводы номеров газеты «Джаридат Дагистан», они характеризуют ее «как ведущий печатный орган арабоязычной интеллигенции Северного Кавказа...»³.

В другой работе «Общественно-политическая мысль в Дагестане в начале XX в.» М.А. Абдуллаев справедливо характеризует «Джаридат Дагистан» как «основной очаг мусульманского просветительского движения в Дагестане»⁴.

В указанных выше работах Ю.В. Меджидова и М.А. Абдуллаева дается объективная оценка и характеристика газеты, но подробного анализа ее деятельности нет, такая задача, по их собственному признанию, ими и не ставилась.

Газета «Джаридат Дагистан» изучалась в 1970 г. младшим научным сотрудником отдела восточных рукописей ИИЯЛ им. Г. Цадасы Дагфилиала АН СССР Лемешем Н.Е. Им был составлен «Библиографический обзор газеты «Джаридат Дагистан» за 1913–1918 гг.»⁵ на 90 листах. Описанием охвачены 42 номера газеты. Составлено 5 указателей.

В 1973 г. сотрудником этого же отдела А.А. Кандауровым был сделан обзор и выборочный перевод статей газеты «Джаридат Да-

¹ Бутаев М.Д. Зеркало времени. Махачкала, 1964. С. 18.

² Бутаев М.Д. Большевистская печать Дагестана. Махачкала, 1988. С. 256.

³ Меджидов Ю.В., Абдуллаев М.А. Али Каяев. Махачкала, 1993. С. 42.

⁴ Абдуллаев М.А. Общественно-политическая мысль в Дагестане в начале XX в. М., 1987. С. 125

⁵ Лемеш Н.Е. Библиографический обзор газеты «Джаридат Дагистан» за 1913–1918 гг. Рукоп. фонд ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 206.

гистан» за 1913 г. на 145 листах¹. В числе переведенных находятся и две статьи А.А. Акаева (1870–1931) из газеты «Джаридат Дагистан», которые опубликованы в книге «Литературное и научное наследие Абусуфьяна Акаева»².

Следует признать, что при наличии определенного интереса к «Джаридат Дагистан», ряду статей и высказываний — ценный памятник, написанный на арабском языке, не переведен на русский язык, не введен в научный оборот, не исследован в полном объеме, не оценена его роль в истории мусульманского просветительства и истории культуры народов Дагестана и Северного Кавказа вообще, то есть не стал еще предметом специального исследования. Выполненное нами исследование в какой-то степени устраняет этот пробел.

Цель данной работы — изучение газеты «Джаридат Дагистан» как историко-культурного памятника Дагестана. Основными задачами исследования являются:

- введение в научный обиход уникального источника арабоязычной публицистики как историко-культурного памятника Дагестана;
- определение идейной направленности газеты «Джаридат Дагистан», ее структуры и содержания;
- анализ и тематическая характеристика статей научного раздела газеты;
- характеристика общественно-политических взглядов и творческого наследия Али Каяева (1878–1943) в период 1913–1918 гг. на страницах газеты;
- введение в научный оборот новых источников по истории мусульманского просветительства в Дагестане и на Северном Кавказе.
- определение роли и значения газеты «Джаридат Дагистан» в истории общественно-политической и просветительской мысли народов Дагестана и Северного Кавказа в период 1913–1918 гг.

Данное исследование впервые характеризует в полном объеме идейную направленность, структуру, содержание и тематический облик «Джаридат Дагистан» как уникального историко-культурного памятника и ценнейшего источника по истории мусульманского просветительства. Оно выполнено на основе полного перевода опубликованных в газете статей (издание этих переводов — самостоятельная задача).

¹ Кандауров А.А. Обзор газеты «Джаридат Дагистан» за 1913 г. Рукоп. фонд ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 253.

² Кандауров А.А. Продвижение вперед — залог будущего развития; *Его же*. Газета — развлечение или нет? // Литературное и научное наследие Абусуфьяна Акаева. Сост. Г.М.-Р. Оразаев. Махачкала, 1992. С. 141–144.

В данной работе исследован 241 номер газеты «Джаридат Дагистан», которые собраны в разное время сотрудниками Центра востоковедения ИИАЭ во время археографических экспедиций.

В основном это подшивка газет, принадлежавшая дагестанскому ученому Гасану Гузунову (1854–1943). Одна газета за № 33, 1913 г. принадлежала жителю Кумуха Юсуфу Султан-Мурадову. Еще 11 недостающих экземпляров газеты — № № 6, 14, 21 за 1913 г.; № 23 за 1914; № 30 за 1915 г.; № № 3, 4, 5, 6, 7, 8 за 1917 г. — были любезно предоставлены в дар Институту ИАЭ известным знатоком арабоязычной литературы М.Г. Нурмагомедовым (1909–1997). Кроме того, 8 копий отсутствующих номеров, а именно № № 20, 27, 32, 35, 36 за 1913; № 19 за 1914 г.; № № 4, 22 за 1916 г., сняты с подшивки Чаранова Чарана Магомедовича — главы администрации с. Могох Гергебильского района, которую он с радушием предоставил для пользования согласно *васият* — завещанию своего отца.

Также в исследовании использован номер газеты за № 22, 1917 года, находящийся в ЦГА РД.

Не исследованы ввиду их отсутствия 24 номера газеты: за 1913 г. — № № 1, 7, 14; за 1914 г. — № 52; за 1916 г. — № № 36, 52; за 1917 г. — № № 1, 2, 22, 37, 39–52. Но и имеющиеся в нашем распоряжении номера позволяют составить достаточно полное представление о газете.

Глава I

Исторические предпосылки издания и структура газеты

§ 1. Основные задачи и назначение газеты

Общественно-политическая обстановка в царской России в период издания газеты «Джаридат Дагистан» и предшествующий период, а она начала издаваться 7 января 1913 года, характеризуется заметным подъемом рабочего движения, особенно с 1912 года, со времени Ленского расстрела. В крупных промышленных центрах начались массовые стачечные выступления. В связи с ростом рабочего движения царское правительство издало в 1912 году страховые законы. Это было большой уступкой со стороны самодержавия, несмотря на их ограниченный характер¹.

В рассматриваемый период в стране произошел подъем национально-освободительного и аграрного движения. Формы его проявления были различными — от массовой подачи жалоб и массового отказа нести повинности нередко зависимым крестьянством целых округов до массовой вооруженной борьбы.

В Дагестане борьба раятского населения против беков и царской администрации приняла массовый характер². В условиях обострения классовой борьбы и нового революционного подъема царское правительство, напуганное ростом национального самосознания масс, было вынуждено пойти на новые уступки и компромиссы. Одной из таких небольших уступок было решение Дагестанской областной военной администрации издавать газету на арабском языке как перепечатку на арабском языке издававшейся тогда на русском языке газеты «Дагестанские областные ведомости» — официального органа Дагестанской областной военной администрации.

Согласно законам царского правительства, каждый сельский словесный суд Дагестанской области должен был осуществлять

¹ История Дагестана. М. Т. 2. С. 278–280.

² История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. — 1917 г.). С. 478–489.

подписку на официальную газету. Среди официальных газет в г. Темир-Хан-Шуре и была газета «Дагестанские областные ведомости», где публиковались распоряжения и приказы царского правительства, которые оно хотело довести до сведения людей на территории области. Однако царское правительство не могло обязать сельское население Дагестана подписаться на нее, так как большинство его не знало русского языка. Издание же официальной газеты на дагестанских языках никак не входило в планы военной администрации. Был и другой язык, который был распространен в большей или меньшей степени повсеместно в селах Дагестана — арабский, который под видом заботы о благе мусульман Дагестана военная администрация хотела использовать для сдерживания растущего самосознания мусульманских народов Дагестана и проведения своего влияния среди них.

По имеющимся исследованиям Ю.В. Меджидова¹, публикации Ильяса Каяева — внука А. Каяева², а также согласно воспоминаниям известного знатока арабского языка и арабоязычной литературы М.Г. Нурмагомедова инициатива издания газеты принадлежала Бадави Саидову (1877–1927), служившему начальником канцелярии военного губернатора Дагестанской области.

В № 1 за 1918 г. газеты «Джаридат Дагистан» в передовице под названием «Биография газеты», посвященной началу шестого года ее издания, указывается, что первым из правителей Дагестана, кому пришла в голову идея издания газеты на арабском языке, был военный губернатор Дагестанской области³.

Эта версия (об инициативе генерала Вольского в издании газеты на арабском языке. — А. Н.) кажется нам наиболее правдоподобной и верной. Генерал Вольский, а не Бадави Саидов, как это сказано у Ю.В. Меджидова, будучи ставленником царской администрации, усматривал в этом выгоду для государства, а именно — «представить в розовом свете политику царского самодержавия в кругах арабомусульманской интеллигенции и привлечь, тем самым, на свою сторону эту влиятельную среди горцев прослойку населения»⁴.

Генерал Вольский отдает распоряжение начальнику канцелярии Бадави Саидову издавать ее с тем, чтобы она была переводом с русского «Дагестанских областных ведомостей». А также приказывает сельским словесным судам подписаться на нее.

¹ Меджидов Ю.В., Абдуллаев М.А. Указ. соч. С. 43.

² Каяев И. Али Каяев — выдающийся дагестанский ученый // Молодежь Дагестана. 1998. № 43. С. 9.

³ Биография газеты // Джаридат Дагистан. 19 января 1918. № 1. С. 1.

⁴ Меджидов Ю.В., Абдуллаев М.А. Указ. соч. С. 43–44.

Бадави Саидов ответил на его распоряжение согласием и начал работу по ее изданию, но поставив условием, что она будет не переводом с русского, а самостоятельной газетой. И публиковал в ней только те приказы царского правительства, в которых была необходимость для народов Дагестана¹. Он же был официальным редактором газеты до 19 января 1918 г.

С 7 января 1913 г. по 31 января 1914 г. газета издавалась на средства царской администрации. Когда же газета оказалась убыточной и не оправдала возложенных на нее областной военной администрацией надежд, она перестала ее финансировать.

С 31 января 1914 г. по 19 января 1918 г. газета издавалась на личные средства Бадави Саидова, а с 19 января 1918 г. еще и при финансовой поддержке Мухаммад-Мирзы Мавраева (1878–1964).

То, что редактором газеты был Бадави Саидов и что она находилась под его опекой и заботой, а также то обстоятельство, что она издавалась на литературном арабском языке, — все это повлияло на то, что газета не стала объектом пристального внимания цензуры, которая свирепствовала в тот период и закрывала газеты за любое проявление свободомыслия. Поэтому газета не только смогла сохраниться в течение относительно долгого времени, но и публиковать на своих страницах статьи по самым животрепещущим вопросам жизни народов Дагестана, давать объективную оценку политике царской администрации в Дагестане до революции, а также положению в Дагестане в послереволюционный период.

Большой удачей для газеты явилось то, что к работе в ней был привлечен Али Каяев (1878–1943) (в газете он подписывался как ‘Али ал-Гумуки, ‘Али б. ‘Абдулхамид, ‘Али б. ‘Абдулхамид ал-Гумуки. В дальнейшем для удобства мы будем называть его Али Каяев), который выполнял фактически всю работу по подготовке издания к печати. Об этом свидетельствует и большая часть статей, опубликованных им в научном разделе газеты, а также его критические ответы и рецензии от имени редакции, помещаемые в конце статей.

Али Каяев работал в газете с 7 января 1913 г. — до конца 1918 года: сначала в качестве неофициального, а с 19 января 1918 г. — официального редактора. С этого времени газета называется «Дагистан».

Необходимо отметить и третье лицо, роль и поддержка которого были значительными в издании газеты «Джаридат Даги-

¹ Биография газеты // Джаридат Дагистан. 19 января 1918 г. № 1. С. 1.

стан», — это Мухаммад-Мирза Мавраев, в паровой типолитографии которого она издавалась и к которому как к своему другу в январе 1918 г., в один из самых тяжелых периодов газеты, за помощью обращается Бадави Саидов. К чести М.-М. Мавраева, он откликнулся на его просьбу и взял на себя решение проблем по изданию газеты в необходимые сроки, как финансовых, так и организационных.

Газета с благодарностью была принята жителями Дагестана, которые подписывались на нее, присылали многочисленные статьи и благодарственные письма (о них подробнее в Разделе писем настоящей работы — § 2:2.4). На нее осуществлялась подписка не только сельскими словесными судами Дагестана, но и многочисленными читателями Дагестана, Чечни, Черкесии, Притеречья, Кубани, Ставрополья, Туркестана, Азербайджана.

§ 2. Общие сведения о газете

Газета на арабском языке «Джаридат Дагистан» четырехполосная, размером 42х29 см.

Первую полосу, или, вернее, половину ее размера (полосы), занимает титульный лист. В верхнем правом углу указан порядковый номер газеты. В этой же строке — год издания — Юлианский и лунный (*хиджра*), затем — место издания — Темир-Хан-Шура (ныне Буйнакск). Ниже, крупным планом, по-арабски, почерком дагестанский *наسخ* дается само название газеты. Под названием следует строка, указывающая, что газета является еженедельной и издается по понедельникам¹ на русском² и арабском языках.

Затем ниже, в двух столбцах, обведенных орнаментной рамкой и расположенных с правого и левого края газеты, дается информация следующего характера:

«Редакция газеты, канцелярия губернатора в г. Темир-Хан-Шуре Дагестанской области. Двери редакции открыты для каждого желающего переписываться с ней. Редакция принимает заявки на подписку и объявления каждый день с 10 часов утра до 2 часов дня, кроме праздников.

«Объявления» — плата за строку одного объявления, помещенного в газете, — 15 коп; за 2 (два) или 3 (три) объявления сразу — соответственно 20 и 25 копеек. Стоимость одного экземпляра газеты — 5 коп.; 3 рубля за год, 1 руб. 50 коп. — на полгода, 5 руб. — на арабском и русском вместе.

Каждый, кто не получил своевременно газету, должен без промедления известить об этом редакцию и потребовать ее у нее. А в

¹ С 22-го номера за 1913 г. по многочисленным просьбам подписчиков газета начала издаваться по субботам, об этом в № 19 от 13 мая 1913 г. есть соответствующее объявление редакции.

² На русском языке газета «Джаридат Дагистан» не издавалась.

отношении того, кто не сделает это сразу, редакция вправе оставить без внимания подобные требования.

Редакция принимает только ту корреспонденцию, где указаны имя отправителя, его адрес и т.д., и оставляет за собой право внесения поправок, в т.ч. право сокращения материала корреспонденций и т.д.».

С 1 июня 1917 г. № 21, цена стала 4 рубля за год; 2 рубля за полгода; 1,5 рубля за 4 месяца, 1 руб. 20 коп. за 3 месяца; стоимость 1 экземпляра и строки объявлений остались прежними;

С 19 января 1918 г. стоимость газеты стала 6 руб. за год, за полгода 4 рубля; плата за строку объявлений 30 копеек.

Между столбцами, на одном с ними уровне, изображен герб Дагестанской области, утвержденный 5 июля 1878 года, в виде связанных в нижней части двух венков, внутри которых в прямоугольной рамке, в виде круглой скобки снизу, различаются открытые ворота крепости с возвышающимися над ней четырьмя башнями — двумя высокими по обе стороны ворот и двумя пониже — поодаль.

На уровне высоких башен между ними находится полумесяц. Над ним — профиль головы льва с открытой пастью и высунутым языком. На уровне верхних концов венков над рамкой расположена царская корона. С 15 июня 1917 г., т.е. с 23-го номера газеты, рисунок с башнями, львом и короной уже отсутствует.

В нижней части пространства, под эмблемой, между столбцами под двумя линиями указаны число, месяц, год издания газеты — сначала по Григорианскому летосчислению, ниже — по мусульманскому (*хиджра*).

В самом низу титульного листа, под жирной чертой, имеется справка о том, что все приказы, распоряжения и объявления, напечатанные в официальном разделе газеты, по своему статусу изданы самими правителями согласно статье № 543 II тома свода законов Дагестанской области. Согласно приказам первых лиц Дагестанской области и др. они имеют законную силу после опубликования в этом разделе, а что касается того, кто проявит попустительство в этом, считается это небрежностью с его стороны, и не принимаются никакие извинения (здесь оправдания) о якобы незнании его об этом.

С 3 января 1915 г., т.е. с первого номера третьего года издания, строка под названием газеты изменилась, и с этого времени она стала «еженедельной арабской газетой, издаваемой по субботам».

С 19 января 1918 г. газета была уже частной, а не государственной и стала называться «Дагистан». Титульный лист также

изменил свой вид. Строка под названием газеты указывала, что газета является еженедельной, литературной, научной, общественно-политической.

Ниже, в одной большой рамке, следовал текст: «Редакция принимает статьи, приходящие к ней, в которых усматривает общественную пользу, без оплаты с условием, что отправитель указывает свое имя и адрес. У нее право исправления того, что она считает нужным. Редакция не возвращает неопубликованные статьи авторам, не принимает корреспонденции, присланные без марки. Не принимает подписку на срок менее чем полгода. Это адрес редакции тем, кто хочет переписываться и подписываться на газету (по-арабски)». Затем дается адрес по-русски: «Город Темир-Хан-Шура. Дагестанская область. М.-М. Мавраеву. Редакция «Газеты «Дагестан»». Также на последней (четвертой) странице газеты после объявлений в левом нижнем углу указываются: редактор газеты по-русски и по-арабски, место печатания газеты: паровая типолитография М.-М. Мавраева, г. Темир-Хан-Шура.

2.1. Официальный раздел

Здесь публиковались приказы, распоряжения, объявления официального характера, имевшие место быть изданными как на территории Дагестанской области, так и за ее пределами (в пределах России), обязательные для исполнения после опубликования их в газете. Это было основным побудительным мотивом и основной причиной издания газеты на арабском языке со стороны царской администрации. Это с одной стороны.

С другой — находясь в составе царской России, нельзя было быть не в курсе приказов и распоряжений по Дагестанской области, издававшихся царской администрацией. Их публиковали все газеты, в т.ч. и «Джаридат Дагистан». К чести Бадави Саидова, он поставил задачей публикацию и разъяснение событий, фактов, приказов и распоряжений, которые имели непосредственное отношение к Дагестану, а не просто их перепечатку из «Дагестанских областных ведомостей». Среди них, например, «Закон о прекращении зависимых отношений поселян к бекам в Дагестанской области и Закаталах»¹, о реализации планов создания института

¹ Закон о прекращении зависимых отношений поселян к бекам в Дагестанской области и Закаталах // Джаридат Дагистан. 1913. № 35. С. 2–3.

мировых посредников и назначения таковых¹, ряд материалов по преобразованию словесных и народных судов по адату в общероссийские и о связанных с этим мероприятиях, таких, как приказ губернатора Вольского о введении письмоводительства на русском языке в судах Дагестана², об образовании новых территориальных округов и о формировании новых органов местного управления в них; о создании общероссийских судов и назначении судей в них вместо судов по адату³ и другие.

Отражение событий на страницах газеты имело объективно-прогрессивное значение. Газета просвещала народы Дагестана, причем делала это на близком и относительно доступном им арабском языке.

Газета «Джаридат Дагистан» старалась объективно информировать читателей о всех изменениях в общественно-политической жизни страны. В частности, газета приветствовала победу Февральской буржуазно-демократической революции 1917 г. и свержение царя⁴, на ее страницах публикуются многочисленные материалы о раскладе общественно-политических сил, партий и движений в этот период⁵, провозглашении Дагестанского Временного и постоянного исполнительного комитетов⁶ (полный текст провозглашения Дагестанского Временного исполнительного комитета см. в Приложении). Как видно из материалов газеты, она была ориентирована и выражала в основном интересы трудовых крестьянских масс, к пробуждению которых к активной общественно-политической жизни она стремилась⁷. Вопросы ликвидации частной собственности и превращения ее в общественную, ликвидации аренды, наследования земли, передачи ее в руки тех, кто ее обрабатывает, — вот основные задачи и темы, которые часто обсуждались на страницах газеты и решение которых крестьянские массы возлагали на Учредительное Собрание⁸.

Али Каяев, освещая внутриполитическую обстановку в России и Дагестане, публикует многочисленные материалы и о деятельности большевиков. Так, в частности, он переводит из газеты «Правда» и публикует некоторые материалы Апрельской

¹Официальный раздел // Джаридат Дагистан. 1913. № № 43, 46, 47. С. 1.

²Официальный раздел // Джаридат Дагистан. 1914. № 8. С. 1.

³Официальный раздел // Джаридат Дагистан. 1914. № № 10, 15, 16, 17. С. 1.

⁴Великий переворот и изменение основ управления государством // Джаридат Дагистан. 1917. № № 11, 14. С. 1.

⁵Официальный раздел // Джаридат Дагистан. 1917. № № 24, 25, 28. С. 1.

⁶Официальный раздел // Джаридат Дагистан. 1917. № № 12, 30. С. 1.

⁷Официальный раздел // Джаридат Дагистан. 1917. № 20. С. 1–2.

⁸Официальный раздел // Джаридат Дагистан. 1917. № № 24, 26, 29. С. 1–2.

конференции большевиков¹ — о приходе их к власти, о формировании правительства во главе с Лениным², о подписании условий³ и утверждении Всероссийским Съездом Советов мирного договора с Германией⁴.

2.2. Неофициальный раздел

В этом разделе публиковались сообщения из стран Европы, Ближнего и Среднего Востока, новости, полученные из-за рубежа по телеграфу, в т.ч. перепечатки из других газет, таких как «Дагестанские областные ведомости», «Терек», «Русское слово», «Терские ведомости», «Петербургские ведомости», «Голубой журнал», «Тифлисский листок», «Народная воля» и др. Здесь же помещались местные новости неофициального характера в пределах страны и области.

2.3. Литературный раздел

Здесь публиковались статьи литературоведческого характера, например были даны обзор истории арабской литературы и ее периодизация от Аббасидов до настоящего времени⁵, состояние арабского языка и литературы в этот период, развитие прозы⁶ и поэзии⁷ в эпоху Аббасидов, серия статей на нравственную тематику Ибн Хазма. Так, в № 23 газеты автор пишет, что человек должен думать о жизни, событиях, которые происходят с ним. После смерти остаются только его деяния, и было бы хорошо, если бы гово-

¹ Партийная конференция большевиков // Джаридат Дагистан. 1917. № 22. С. 1–2.

² Положение русского государства и правительства сегодня // Джаридат Дагистан. 1917. № 38. С. 1–2.

³ О подписании условий мирного договора с Германией // Джаридат Дагистан. 1918. № 4. С. 2.

⁴ Об утверждении Всероссийским съездом Советов мирного договора с Германией // Джаридат Дагистан. 1918. № 6. С. 2.

⁵ 'Али ал-Гумуки. Исторический очерк из книги «Сокровища литературы» // Джаридат Дагистан. 21 сентября 1913. № 38. С. 4.

⁶ 'Али ал-Гумуки. Арабский язык и литература в эпоху правления Аббасидов и после. Проза в эпоху Аббасидов // Джаридат Дагистан. 28 сентября 1913. № 9. С. 4.

⁷ 'Али ал-Гумуки. Поэзия в эпоху Аббасидов // Джаридат Дагистан. 5 октября 1913. № 40. С. 4.

рили о нем только хорошее¹. В № 24 газеты некто ругает другого, что тот потратил свою жизнь на изучение грамматики, составление комментариев к книгам. «Повернись к жизни! — призывает он его. — Твоя жизнь не вечна! Ты уже потратил молодость на это!» Или в № 25 автор приводит сатирическое стихотворение на тему лицемерия: «Религия не для показухи, — говорит он. — Ты открыл магазин для продажи вещей, а не для продажи религии»² и т.д.

В этом разделе встречаются стихи арабских и дагестанских авторов, например стихи о любви к Родине и привязанности к ней (без автора)³, «Бейты о шейхах тариката и их последователях» из книги «Сады прекрасных сердец» — стихи на суфийскую тематику шейха Хасана Ризвана ал-Хусайни, суфия из Египта⁴, или стихи Абу Бакра ал-Йамани «О дьявольских проделках» — о хитроумных уловках, к которым прибегают люди в правовых вопросах, о ростовщичестве, о том, как Аллах Всевышний запрещал давать деньги в рост⁵, стихи 'Абдуллаха из Согратля о Мухаммаде, Коране и сунне⁶ и др.

Публиковались пословицы, поговорки, например «Турецкие пословицы о женщинах»⁷, «Турецкие пословицы»⁸.

2.4. Раздел писем

Через этот раздел была налажена теснейшая связь газеты со своими читателями. Редакция оперативно реагировала на все их нужды, запросы, пожелания, выражая в конце статьи свое мнение по тому или иному вопросу. Очень много было писем-статей с благодарностью за издание газеты на арабском языке. Приведем некоторые из них.

¹ *Ибн Хазм*. Трактат о нравственных качествах // Джаридат Дагистан. 8 июня 1913. № 23. С. 4.

² *Ибн Хазм*. Трактат о нравственных качествах // Джаридат Дагистан. 15 и 22 июня 1913. № 24, 25. С. 2–3.

³ Стихи о любви к родине // Джаридат Дагистан. 29 апреля 1913. № 17. С. 4.

⁴ *Хасан Ризван ал-Хусайни*. Бейты о шейхах тариката // Джаридат Дагестан. 3 мая 1914. № 17. С. 4.

⁵ *Абу Бакр ал-Йамани*. О дьявольских проделках // Джаридат Дагистан. 6 мая 1913. № 18. С. 3.

⁶ *'Абдуллах ас-Сугури*. Стихи о Мухаммаде, Коране и сунне // Джаридат Дагистан. 17 августа 1913. № 33. С. 4.

⁷ Турецкие пословицы о женщинах // Джаридат Дагистан. 21 января 1913. № 3. С. 4.

⁸ Турецкие пословицы // Джаридат Дагистан. 25 февраля 1913. № 8. С. 3.

Так, Абусуфьян Акаев писал: «Одним из плодов усилий нашего губернатора является арабская газета, которая призвана распространять знания среди нас. Мы должны благодарить Его Превосходительство и оценить его усилия. Да продлит Аллах срок его пребывания губернатором и умножит его успехи в распространении знаний и наук среди нас»¹.

Или письмо Мухаммада Дибирова из Темир-Хан-Шуры², в котором он просит редактора газеты «Джаридат Дагистан» опубликовать его письмо в газете и выражает благодарность военному губернатору генерал-лейтенанту Вольскому за открытие газеты, желает ему здоровья и благополучия.

В своем письме Хаджи Кунш из Ругуджи³ пишет: «Мы благодарим губернатора нашей области за издание им арабской газеты, которая является основной причиной и величайшим средством прогресса для нас, дагестанцев, нашего подъема к высотам знаний и совершенству, нашего знакомства с изменениями, происходящими в мире, а также знакомства с нациями и народами и политикой государств».

Хаджиали, сын Мухаммада из Согратля⁴ (тухум из Гапшимы), пишет: «Не секрет для всякого здравомыслящего человека, что потребность наций и отдельных лиц в газетах, в чтении их подобна потребности в еде, соли и еще сильнее...»

Через газету была налажена обратная связь редакции с читателями. Так, спустя год после начала издания газеты, когда она испытывала большие трудности, Бадави Саидов как редактор обращается к своим читателям: «Газета — пионер прогресса, без ее чтения не может обойтись тот, кто хочет быть в курсе событий эпохи, диких бытия и извлекать уроки из них. И поэтому предъявляет спрос на нее тот, кто стремится к культуре и науке. Мы сделали эту нашу газету на арабском языке, который знают большинство ученых Дагестана и не могут читать на другом языке, кроме него, несмотря на трудность его и несмотря на то, что газета нуждается в больших затратах и не несет их ни один, ни второй.

Если бы не помогло нам государство и не снабдило тем, в чем нуждаемся из затрат, то мы бы потерпели большие убытки в про-

¹ Абусуфьян ал-Газаниши. Продвижение вперед — залог будущего развития // Джаридат Дагистан. 15 апреля 1913. № 15. С. 4.

² Мухаммад Дибиров. Выражения благодарности губернатору Дагестана генерал-лейтенанту Вольскому // Джаридат Дагистан. 28 января 1913. № 4. С. 4.

³ Хаджи Кунш-ар-Ругуджи. Выражение благодарности // Джаридат Дагистан. 19 марта 1913. № 11. С. 3–4.

⁴ Хаджи 'Али б. Мухаммад ал-Абши ас-Сугури. Письмо к простым мусульманам // Джаридат Дагистан. 19 марта 1913. № 11. С. 3.

шлом году и были бы вынуждены остановить ее издание в этом... Мы просим господ благородных ученых помочь нам в этом нашем деле и побудить людей подписаться на газету и писать в нее каждому, кто может помочь людям советом и наставлением, кто пробудит их от их спячки, в которой они еще пребывают. Двери газеты открыты для таких людей все время. Лучший из людей тот, кто помогает людям, и мир тому, кто идет верным путем»¹.

2.5. Объявления

В этом разделе, обычно располагавшемся в левом крайнем столбце газеты на четвертой странице, печатались объявления о пожертвованиях. Например, некий «Джабраил Дахадаев из Унцукуля преподнес в дар гимринской школе Макка Шариф, которая открыта в Темир-Хан-Шуре, 1000 рублей и обещал еще 2000 рублей на расходы, как благодеяние. Аллах Всевышний принял его милость и сделал это уроком для подобных ему богатых людей»².

В газете помещались объявления о продаже книг, календарей, как, например, такое: «В конторе Мухаммада Мирзы Мавраева продается календарь на 1914 г. (Юлианского летосчисления), соответствующий 1332 г. по хиджре, по цене 30 копеек. Этот календарь очень точный, на нем написаны дни года хиджры на арабском, а дни солнечного года на русском языках. Числа, обозначающие мусульманские дни и русские праздники, выделены красными чернилами»³.

Или объявление о находке: «Хаджи Мухаммад сын 'Али из Гимры нашел на дороге, что между г. Темир-Хан-Шурой и с. Каранай деньги на сумму от 50 до 100 руб. Пусть потерявший эти деньги ищет их в с. Гимры»⁴.

Объявление о разыскиваемых беглецах выглядело так: «Бежали Истакай сын Арсланали, житель села Алисултан-Янгиюрт, и Абудурауф сын Абулатифа Таркинского из Темир-Хан-Шурина округа, сосланные в с. Каякент. Необходимо их разыскать и прислать обоих к правителю Нижнего Кайтага»⁵. Объявление о происшествии: «15 января Бинт Динмухаммад, супруга писаря

¹ Саидов Б. Джаридат Дагистан. 8 февраля 1914. № 5. С. 2.

² Объявление // Джаридат Дагистан. 16 ноября 1918. № 37. С. 4.

³ Объявление // Джаридат Дагистан. 23 ноября 1913. № 47. С. 4.

⁴ Объявление // Джаридат Дагистан. 18 октября 1918. № 36. С. 4.

⁵ Объявление // Джаридат Дагистан. 4 февраля 1913. № 5. С. 4.

начальника местечка Сирха Даргинского округа, шла на рынок и встретила по дороге Фирдаус Динмухаммад, у которой в руках было 2 кинжала и два ружья из оружия ее гостей, которые она взяла у них на сохранение, пока они вернутся с рынка. Они обе остановились на дороге поболтать о своих делах. Одно из ружей в руках последней выстрелило и тяжело ранило в живот ее подругу»¹.

Порой на страницах появлялись объявления о лечебной практике: «Зубной врач и стоматолог ‘Убайдуллах сын Хаджи Абдурахмана из Кумуха прошел освидетельствование в “Обществе зубных врачей” Тифлиса и Владикавказа на предмет лечения и изготовления зубных протезов. Ему вручен диплом — “Аттестат” и разрешение протезировать в том городе, где он захочет. Все знают, что он занимается протезированием в своем доме в Кази-Кумухе и установил плату за протезирование одного отдельного зуба 4 рубля и 2 рубля — не отдельного. Оплата за обычный (съёмный в любое время) протез 30 руб., а протез более высокого качества 45 руб.»²

Или объявление хирурга Будэ сына ‘Али из Согратля: «Больные и раненые в нашей стране (здесь в Дагестане. — А. Н.) занимаются самолечением или лечением у врачей невысокого уровня. А зовут опытных и искусных врачей и хирургов только после того, что произошло и когда больной на грани смерти. И становится очень трудно исправить то, что “вытворено” такими врачами. И пусть знают поэтому люди, что каждый, кто хочет позвать меня для лечения своей болезни или раны, пусть позовет меня до того, как начнут лечиться у таких (горе. — А. Н.) врачей и усугубят болезнь или рану, особенно если эта рана на голове. Пусть знают люди также, что я лечу бедных и несчастных бесплатно, во имя Аллаха Всевышнего»³.

2.6. Научный раздел

Этот раздел был наиболее интересным для читателей. Здесь печатались статьи научно-просветительского характера. Газета в этом плане являлась своеобразным учебным пособием и источником, откуда читатели могли черпать информацию научного характера

¹ Объявление // Джаридат Дагистан. 4 февраля 1913. № 5. С. 4.

² Объявление // Джаридат Дагистан. 25 февраля 1913. № 8. С. 4.

³ Объявление // Джаридат Дагистан. 29 апреля 1913. № 17. С. 4.

по самым различным вопросам светской и духовной жизни. Многие из них продолжают оставаться актуальными и по сей день.

Спектр охватываемых проблем этого раздела был очень широк и разнообразен — статьи по образованию и просвещению, исламу, истории ислама, суфизму, литературе, географии, медицине, климату, экологии и развитию сельского хозяйства в Дагестане, астрономии, философии и т.д.

В этом разделе, кроме Али Каяева, который, наряду с написанием статей, отвечал от имени редакции на вопросы читателей, давал комментарии по той или иной проблеме, также публиковались очень многие из дагестанцев. Ниже мы попытаемся дать обзор наиболее важных, с нашей точки зрения, статей этого раздела. Для удобства пользования статьи будут систематизированы по тематическому признаку.

Глава II

ТЕМАТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СТАТЕЙ

§ 1. Образование и просвещение

1.1. Уровень духовного развития народов Дагестана, проблемы и трудности развития и пути их преодоления

Прежде чем перейти к анализу статей, посвященных проблемам образования и просвещения в Дагестане за период с 1913 по 1918 г. и нашедших отражение на страницах газеты «Джаридат Дагистан», остановимся на термине «просветительство». Как правило, просветительство воспринимается как целостное явление в общественной мысли и литературе, имеющее антифеодалную направленность, когда бы оно ни возникало. Большинство ученых относит восточное просветительство ко второй половине XIX в. Как общественное явление оно выступало «антагонистом абсолютного подчинения человеческого разума религиозной вере и воли человека предписаниям религиозных институтов. Оно могло появиться только тогда, когда потребности общественного развития уже предопределили будущее верховенство научного рационализма, свободы личности и индивидуального творчества, но когда все еще господствовали религиозная схоластика в ее застойном виде и религиозные институты. Такое положение было характерно для эпохи разложения феодализма в Европе, для стадии перехода общества к капитализму»¹.

Таково же положение было и на Арабском Востоке, где единой опорой феодализма были ортодоксальные мусульманские юриди-

¹ Левин З.И. Развитие общественной мысли на Востоке. Колониальный период. М., 1993. С. 64.

ческие толки, которые сложились в Средние века и не соответствовали запросам и устремлениям XIX века. «Освещенные религией средневековые философские, естественно-научные и социологические воззрения, вопросы о политическом строе, о правах человека, о семейном укладе — все необходимо было пересмотреть. Поэтому возникла настоятельная потребность приспособить религию к задачам Нового времени, осветив ею новые идеи века. Так родился модернизм в исламе, который оказал большое влияние на арабское просветительство»¹.

Начало XX века явилось новым этапом в истории развития общественно-политической, в том числе просветительской, мысли народов Дагестана. Как отмечается исследователями, просветительство зародилось в Дагестане в последней четверти XIX века, и его возникновение связано с проникновением капиталистических отношений и мусульманских реформаторских идей, а также с утверждением влияния русской культуры.

М.А. Абдуллаев отмечает, что в дагестанском просветительстве наметилось 2 течения, которые оформились в начале XX века. «Первое было связано с мусульманской реформацией, которое в России (и в Дагестане) было известно в основном как джадидизм (араб.: «новый метод»). Второе течение исходило из европейско-русской культуры»². Представителями дагестанского просветительства были Гасан Алкадари, Гасан Гузунов, Юсуп Муркелинский, Али Каяев, Манай Алибеков, Абусуфьян Акаев, Нухай Батырмурзаев³, Абдурахим Талибов⁴.

В начале XX века мусульманское просветительство получило широкий размах, расшилась его проблематика, выросла его теоретико-идеологическая функция.

В пропаганде просветительских идей значительную роль сыграла газета «Джаридат Дагистан» («Газета Дагестан»). Газета предоставляла свои страницы исламским модернистам, выступавшим

¹ Долинина А.А. Очерки истории арабской литературы нового времени. Египет и Сирия. М., 1968. С. 7–8.

² Абдуллаев М.А. Указ. соч. С. 122.

³ Кассиев Э.Ю. Дагестанская литература на пути к социалистическому реализму. Махачкала, 1982. С. 28; Абдуллаев М.А. Мыслители Дагестана XIX — нач. XX в. Дагучпедгиз, 1963. С. 188–197; Акаев Абусуфьян. Автобиография / Пер. с тюрк. яз. Г.М.-Р. Оразаева; пер. с араб. яз. А.Р. Шихсаидова // Литературное научное наследие Абусуфьяна Акаева: Сборник статей и материалов / Сост. Г.М.-Р. Оразаев. Махачкала, 1992. С.124–133; Абдуллаев С.М. Хасан Алкадари. Жизненный путь, воззрения, историческое наследие. Махачкала, 1994.

⁴ Алибекова П.М. Жанровые и идейно-художественные особенности романа Абдурахима Талибова «Пути праведных»: Дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 1999.

с реформаторских позиций против религиозного консерватизма, общей и культурной отсталости¹.

В литературе указывается, что восточные просветители были убеждены, что успехи Запада обусловлены прежде всего развитием научного знания. Поэтому для них наиважнейшим делом были пропаганда современных знаний и идеи ведущей роли человеческого разума, оценка с точки зрения разумности всех понятий, норм и институтов, вера в прогресс и убежденность, что он движется современным знанием и европеизацией. Они стремились превратить безликую массу подданных в сообщество личностей, живущих своим умом, а не предписаниями древних или средневековых авторитетов. Это было характерно для светских и для религиозных реформаторов и модернистов².

На страницах «Джаридат Дагистан» имеется большое число статей, в которых отразились просветительские идеи, высказываются мнения о необходимости исламского модернизма.

Вот как обращается к читателям газеты «Джаридат Дагистан» Яхья аш-Шафари из Черкесии: «... О читатели этого моего письма, воздержитесь от порицаний и выговоров, а побуждайте массы к изучению рационалистических наук, которые пробуждают нас от сна невежества и вводят нас в число наций, которые следуют цивилизации и ремеслам и достигают того, чего хотят...»³, или как пишет Тут ал-Баруки из Черкесии в статье «Отставание черкесов от своих современников»: «...Мы, сообщество черкесов, спали до сих пор в пещере невежества... Причина этого в том, что черкесы следуют своим предкам и обычаям... И не приходит ни одному из них в голову, что они созданы для своей эпохи, отличной от эпохи предков... Разве не удивительно, что мы не уделяем внимания тому, что соответствует нашей эпохе. Над нами смеются и издеваются. Разве не стыдно, что зря проживаем эпоху.

Нам, черкесам, следует отказаться от той чистейшей ереси, которой придерживались наши древние предки, которую отрицают современники и которая противоречит тому, что приводится в Коране и сунне...»⁴.

«В отличие от Западной Европы, где немало средневековых вольнодумцев и просветителей XVIII в. рассматривало религию

¹ Абдуллаев М.А. Указ. соч. С. 125.

² Левин З.И. Указ. соч. С. 71.

³ Яхья аш-Шафари ал-Черкеси. Решительные народы нас обогнали, а мы в невежестве утопаем // Джаридат Дагистан. 21 сентября 1913. № 38. С. 4.

⁴ Тут ал-Баруки ал-Черкеси. Отставание черкесов от своих современников // Джаридат Дагистан. 19 октября 1913. № 42. С. 4.

как изобретение шарлатанов, на Востоке передовые мыслители не выступали против религиозного мировоззрения и в попытках утвердить права научного познания, определяющую роль рационализма в жизни человека, в стремлении освободить его от гнета суеверий обычно не касались основ религиозной веры»¹.

В статье ² Масуда из Чечни среди «причин упадка мусульман русского государства, особенно мусульман Кавказа, и падения их с вершины расцвета на низшие ступени унижения в первую очередь называет неследование их (т.е. мусульман. — А. Н.) Корану... отвергание ими сунны Пророка».

Мухаммад Дибиров из Караха, рассуждая о причине падения нравов мусульман Кавказа, препятствующей им идти вперед, пишет: «И мудрецы после долгого раздумья решили, что она от придатков (наростов) вроде мифов и преданий древних народов, которые прилипли к исламской вере и вошли в ее учение, но не вышли из самого учения... Они не были внутри ислама, а произошли с течением времени и перемен, как это было и в других религиях... Эти наросты далеки по своей сути от заповедей исламского шариата»³.

«Общественное развитие Востока в XIX — начале XX в. показывало, что достижение национальных целей, экономический рост, всесторонний прогресс вообще прямо зависят от активности новой, отвечающей духу времени личности. Ее не было. Ее нужно было формировать»⁴.

Об этом пишет Хаджиали, сын Мухаммада из Согратля: «И нет среди нас того, энергия и пыл которого поднимается для исправления недостатков в принципах жизни, воспитании и обучении...»⁵.

С ним согласен Али Каяев: «А что касается простых людей, они не проснутся от своего невежества и не будут никогда сами идти прямым путем к своим интересам. У них должны быть рулевые, которые направляют их по правильному пути, руководители, вожди, которые поведут их к этим целям. И до тех пор, пока их ученые будут пребывать в состоянии, которое мы описали (невежества. — А. Н.), нельзя видеть их ни в качестве руководства, ни в качестве путеводства»⁶.

¹ Левин З.И. Указ. соч. С. 72.

² Масуд ал-Чачани. Причина нашего упадка и отсталости // Джаридат Дагистан. 5 октября 1913. № 40. С.

³ Мухаммад Дибиров ал-Карахи. Падение наших нравов // Джаридат Дагистан. 25 января. 1914. № 3. С. 3–4.

⁴ Левин З.И. Указ. соч. С. 74.

⁵ Хаджиали б. Мухаммад ал-Абши ас-Сугури. Письмо к простым мусульманам // Джаридат Дагистан. 19 марта 1913. № 11. С. 3.

⁶ Али ал-Гумуки. Когда дагестанцы проснутся от сна своей беспечности и возможно ли такое дело? // Джаридат Дагистан. 22 июня 1913. № 25. С. 3.

Аналогичную с приведенными выше суждениями двух авторов мысль высказывает Масуд из Чечни: «Неужели нет среди нас благородного человека, который направит людей во имя их интересов в обоих мирах (в этом и будущем. — А. Н.) и предостережет их от следования своим страстям и совершения грехов...»¹

Восточные просветители и реформаторы мечтали о свободном обществе всеобщего равенства перед законом как реализации естественного права человека. Они стремились воспитать в людях чувство индивидуальной ответственности за собственную судьбу и судьбу общества².

Например, Яхья аш-Шафари из Черкесии прямо обращается к *имамам*: «О, наидостойнейшие, благородные имамы, что удерживает вас от улучшения нашего положения? Вы не слышали, что ваши современники издеваются над нами и вами, говоря в отношении нас, что, как будет идти правильным путем нация, если у них имамы разрешают то, что запретил Аллах Всевышний и запрещают то, что разрешил Аллах Всевышний...»³

Просветители, мечтавшие о том, чтобы сделать восточное общество способным ответить на вызов Европы, описывали его как застойное, погрязшее в невежестве, как жертву суеверия и предрассудков. Али Каяев пишет: «...А что касается нас, дагестанцев, то мы прозябаем в полном невежестве об изменениях и потребностях времени, продолжаем пребывать в древнем состоянии, в каком мы застали наших отцов и дедов, корпящих над изучением книг по логике греков, их древней философии и астрономии, ставших сегодня вроде преданий и мифов древних народов; или усердно работающих над комментариями по догматике и богословию, величайший смысл работы которых сводится к тому, чтобы дать ответ предшествующим философам и объявить недействительными их теории, распространенные во времена создания этих книг...»⁴

Или в другой своей статье Али Каяев уверен, что «пробуждение дагестанцев от сна своего невежества и их прогресс в знаниях современности, из-за которых соревнуются их современники сегодня, дело возможное, очень легко достижимое. Однако нет у них (дагестанцев. — А. Н.) надежды свершения этого, считает он, пока

¹ Масуд ал-Чачани. Невежды учились, пока ученые считали их таковыми // Джаридат Дагистан. 22 апреля 1913. № 16. С. 3–4.

² Левин З.И. Указ. соч. С. 75.

³ Яхья аш-Шафари ал-Черкеси. Решительные народы нас обогнали, а мы в невежестве утопаем // Джаридат Дагистан. 21 сентября 1913. № 38. С. 4.

⁴ Али б. Абдулхамид ал-Гумуки. Чем заняты люди в наш век // Джаридат Дагистан. 21 января 1913. № 3. С. 4.

они будут оставаться придерживающимися своих старых традиций и пока их ученые, которые являются их руководителями, будут находиться в том состоянии невежества, которое наблюдают дагестанцы у них сегодня; и будут довольствоваться изучением всего того, что унаследовали от своих древних отцов; и изучением его из комментариев и субкомментариев; и если будут отстраняться от всего помимо этого; и находиться в полном неведении относительно изменения мира и обновления большей части его или всего его... И, действительно, необходимо во все времена быть готовым следовать эпохе и ее потребностям...»¹

Масуд из Чечни восклицает: «О, если бы я знал, до каких пор у нас будут продолжаться эта беспечность и невежество, это невнимание к нашим делам, интересам, их последствиям?»²

А в другом своем письме в редакцию Масуд из Чечни спрашивает: «До каких пор мы будем испытывать муки невежества и наказания глупости, будем испытывать замешательство и продолжать пятиться назад, пока не собьемся с пути и не натолкнемся на трусость и неудачу в том, что знаем и не знаем, и станем самой глупой нацией на земле в глазах других наций и народов из-за того, что отбросили знания и науки и самостоятельность каждого в своем мнении?...»³

Освобождение человека от пут невежества и суеверий было для просветителей началом и основой работы по воспитанию гражданина нового общества.

«В чем же причина нашей отсталости и убогости? И почему опередили нас другие нации и народы во всех источниках богатства, добившись их, а мы лишены всего этого?» — так начинает Али Каяев⁴. Рассуждая о том, от кого зависит улучшение положения простых дагестанцев, он спрашивает: «Есть ли среди наших разумных мужей и носителей званий и титулов те, кто испытывает боль от нашего сегодняшнего положения и использует свой ранг и положение, ум для улучшения состояния простых людей, исправления их недостатков, спасения их от стесненности и крайней нужды, направление их на решение своих проблем (простых людей. — А. Н.) в земном и потустороннем мире?» «Совсем нет! —

¹ 'Али ал-Гумуки. Когда дагестанцы проснутся от сна своей беспечности и возможно ли такое дело? // Джаридат Дагистан. 22 июня 1913. № 25. С. 3.

² Масуд ал-Чачани. Невежды учились, в то время как ученые считали их таковыми // Джаридат Дагистан. 22 апреля 1913. № 16. С. 3–4.

³ Масуд ал-Чачани. Письмо в редакцию // Джаридат Дагистан. 10 мая 1914. № 18. С. 4.

⁴ 'Али б. Абдулхамид ал-Гумуки. Наше положение наша беспечность // Джаридат Дагистан. 26 марта 1913. № 12. С. 4.

уверенно отвечает сам Каяев. — Господа, облеченные положением и силой, только бахвалятся этим и даже обращаются надменно со слабыми и несчастными вместо того, чтобы посочувствовать их положению и стремиться к устранению его». То есть, по А. Каяеву, надо начинать работу по воспитанию новых граждан с богачей, чтобы они не были так скупы. «Ученые и кадии, откажутся ли они от своих споров и диспутов с коллегами ради решения насущных проблем простых людей?» — спрашивает А. Каяев. — Или есть среди них те, кто побуждает массы идти в ногу с сынами своего века и состязаться с ними на поприще знаний, промышленности, торговли; или те, кто побуждает их к отказу от обета воздержания в мирской жизни, а направляет простых людей к увеличению средств существования и по такому пути, что утешатся от этого бедняки и несчастные и построят мечети для мусульман, школы, библиотеки для студентов и учителей?»

«Куда там! — отвечает сам А. Каяев. — Они находятся в состоянии косности и застоя, отрицают все новое, что они видят и слышат до того, как они ознакомились с сутью явления. Ни одному из них и в голову не приходит то, о чем мы упоминаем выше (исправление недостатков простых людей, направление их по правильному пути и т.д. — А. Н.). Более того, они считают это запрещенным и противоречащим шариату. Их проповедь ограничивается только стимулированием к воздержанию в мирской жизни и ограничением только прожиточным минимумом, предупреждением о тленности мира, его гибели, появлении Махди, антихриста и т.п. вздора». Духовенство, по мнению А. Каяева, — категория граждан, с которыми надо вести воспитательную работу, ибо оно само увязло в пороках, пребывает в невежестве и темноте и, конечно же, не может дать народу научные знания и передовую культуру. Но, как видно из статьи, А. Каяев сомневается в возможности перевоспитания духовенства. (О роли духовенства подробнее см. в следующем параграфе).

В системе просветительства ведущая роль отводилась морально-этическим факторам раскрепощения человека, формирования его представления об ответственности перед обществом через проповедь рационализма, просвещение и совершенствование личности ради социального, духовного и культурного обновления общества.

Али Каяев обращается к дагестанцам: «Давайте, братья, отбросим взаимную зависть, ненависть и вражду, чем мы сейчас страстно увлечены, и поучимся у других народов и наций и начнем исправлять то, что поднапортила эпоха в нашем характере и осно-

вах нашего образования и обучения, откажемся от книг и наук, не приносящих пользы, и направим наших студентов в этом направлении и воспримем те из шариатских наук, которые необходимы нам и от которых мы долго отстранялись, такие как тафсир, хадис и его основы, рационалистические науки, расширяющие широту нашего ума и на знании которых зиждется защита убеждений нашей веры... Давайте побудим наших богачей к возведению библиотек и школ и спонсорства в науку, выделению материальных средств для жизни студентов и удовлетворению их необходимых потребностей, чтобы они полностью посвятили себя учебе и не околачивались на рынках, выпрашивая у людей соль, дрова, муку и др., направим массы на их духовные, мирские интересы и поощрим их на обучение и воспитание своих детей и выучим их от невежества...»¹

В этой же статье Али Каяев указывает и на более реальные причины отставания дагестанцев. Так, он пишет: «Нет промышленности (здесь ремесел. — А. Н.) у большинства дагестанцев, в которых они достигли бы чего-либо. Нет наук, светочем которых они руководствовались бы во мраке невежества и в затруднительном положении. Нет торговли, увеличивающей размеры их богатства»².

В письме в редакцию Масуд из Чечни полагает, что нам надо раскинуть умом, осмыслить, что случилось с нами, в каком положении мы находимся, для выхода из которого предлагает найти действенное лекарство: «Первое — это исцеление знати, а затем направление усилий знати для исцеления простых масс, т.к. массы в руках знати. Когда будет излечено сердце, исцелятся и другие органы. Когда уладятся, исправятся дела у знати, исправятся и дела масс...»³

Эти идеи дагестанских просветителей о возможности улучшения жизни общества путем воспитания и нравственного совершенствования людей, особенно его богачей, верхушки, свойственные всем просветителям, были, конечно, утопичны.

Культурное развитие народов Востока в XIX–XX столетиях имело ту особенность, что просветители и реформаторы, решая вопрос о том, каким быть идеальному обществу, как сочетать восточный образ жизни и мыслей с европейским, старое, традиционное с новым, современным, обращались одновременно как к своему древнему или средневековому наследию, так и к бур-

¹ Али б. Абдулхамид ал-Газизумуки. Положение дагестанцев и их отставание от других // Джаридат Дагестан. 11 марта 1913. № 10. С. 4.

² Там же.

³ Масуд ал-Чачани. Письмо в редакцию // Джаридат Дагестан. 10 мая 1914. № 18. С. 4.

жуазной цивилизации Запада. Они, с одной стороны, старались сохранить свои обычаи, возродить культуру, пробудить интерес к национальной истории, а с другой — понимали, что Востоку жизненно необходима модернизация. И поэтому в просвещении они видели единственное средство формирования совершенной личности нового общества.

Тут ал-Баруки из Черкесии пишет: «...мнение наций разделилось, одни видят необходимость преподавания религиозных заповедей и обучения их нравственным качествам в школах, таких как в России, Англии, Германии и др. странах; другие — обучать на общественной нравственной этике и называют это уроком этики, как, например, во Франции. А мы же, так как у нас вера — магометанская, благородная, которая гарантирует всю культуру и совершенство нравственности, видим необходимость обучения наших студентов религиозным заповедям и их нравственным качествам наряду с просвещением их умов и расширением сферы их воображения и пробуждения их рассудительности о земных явлениях»¹.

Али Каяев на страницах газеты публикует очерк², где приводит 25 названий наук, которые изучают его современники, дает их названия по-русски и по-арабски. После каждого названия автор дает краткое определение того, что изучает данная наука, называет первых основателей этой науки — их имена, труды, отмечает, на какие языки труды переведены.

Ахмед Курди Закуев из Кумуха в своей статье пишет следующее: «...В целом можно сказать, что, если потерял что-то, занимают у другого. Нам же надо заимствовать знания и науку у европейцев, как русские. Как заимствовали европейцы знания и науки в мусульманских школах Андалусии, таких как Кордова, Севилья, Гренада и др.»³

Мы специально сделали пространные цитаты из газетных статей Али Каяева и других авторов, чтобы на конкретных примерах показать, как впервые в истории дагестанской литературной и общественной мысли так четко, конкретно, целенаправленно и убедительно зафиксированы мнения и убеждения передовых мусульманских деятелей об отсталости дагестанского общества и их озабоченность судьбой культуры и духовного развития дагестан-

¹ Тут ал-Баруки ал-Черкеси. Отставание черкесов от своих современников // Джаридат Дагистан. 19 октября 1913. № 42. С. 4.

² Али ал-Гумуки. Очерк названий наук (по-европейски и по-арабски), которые изучаются людьми сегодня // Джаридат Дагистан. 17 августа 1913. № 33. С. 4.

³ Ахмед Курди ал-Гумуки. Что представляют собой прогресс и цивилизация // Джаридат Дагистан. 3 марта 1913. № 9. С. 4.

цев, необходимостью совершенно новых подходов к овладению знаниями, грамотой, необходимостью приобщения к памятникам духовной культуры народов мира.

Введение в научный оборот новых материалов также диктовало сохранение этих высказываний в неизменном виде.

1.2. Состояние наук и положение ученых в Дагестане. Роль и предназначение ученых

Газета «Джаридат Дагистан» не ограничивается указанием на отсталость и слабое развитие дагестанского общества, она отмечает и причины этого явления. Одна из основных причин — отсутствие или упадок научных знаний. Это обстоятельство усугубляется экономическими факторами — всеобщей бедностью в Дагестане.

Али Каяев¹ одной из важнейших причин упадка науки называет бедность и стесненность жизненных условий ученых по отношению к другим сословиям — торговцам, ремесленникам. И это потому, что люди по природе своей созданы в любви к деньгам, их обилию и отдают предпочтение им.

Раньше, сто лет тому назад, по мнению автора, население проявляло интерес к науке, предпочитало ее всякому ремеслу. И это потому, что тогда это было наиболее выгодно и полезно. Тогда ученые, выполняя свои научные обязанности, зарабатывали больше, чем другие сословия, поэтому и жизненные условия у них были гораздо лучше.

Теперь это время прошло, изменился мир, и изменилось положение людей в мире. Торговцы и ремесленники странствуют по земле и возвращаются домой с большими деньгами и товарами, живут в роскоши, после того как были самым бедным народом на земле. Али Каяев для сравнения приводит пример: одно село не владело богатством большим, чем верхняя одежда, которую они, т.е. торговцы и ремесленники, носили, когда отправлялись в поездку. А ученые остались в прежнем положении, не владея ничем, кроме сельхозугодий и высохших лугов, которые не плодоносят и не освобождают от голода.

В нынешнее время, считает Али Каяев, люди стали предъявлять спрос к ремеслу, торговле и отвернулись от науки, так что она

¹ 'Али ал-Гумуки. Почему произошел упадок науки // Джаридат Дагистан. 30 января 1916. № 5. С. 4.

стала отмирать. Если бы изменилось положение, полагает он, и улучшились условия жизни ученых, люди тоже изменились и стали бы предъявлять спрос к тому, что отвергли, т.е. науке.

Кроме малого внимания людей к науке и пренебрежения ею целиком, Али Каяев в этой статье называет пренебрежение ученых к самим себе, их «наскакивание» друг на друга за должность *кадия* или *имама* за мизерную плату. Об этом же пишет Абдулмеджид Эфенди¹.

Так же их ограниченность, проявляющуюся, когда они выносят решение о запрете расходования *закатных* денег на нужды учителей, студентов и имамов. Несмотря на то, что они не являются бедными и несчастными, но, считает А. Каяев, есть статья *фикха*, включающая в т.ч. и категорию ученых в число тех, на кого следует расходовать деньги *заката* (во имя Аллаха).

Хаджи Идрис из Костека² советует, почему бы дагестанцам не соревноваться в обучении своих детей тому, что расширяет их кругозор в религиозных и земных делах, «почему дагестанцы рядятся в тогу науки», а не обращают внимания на проблемы общества?

Автор подчеркивает, что состоятельные дагестанцы не заботятся о положении бедных людей. Более того, не хотят обучать своих детей, говоря при этом, что не видят в этом пользы, как от других ремесел, которые, по их мнению, приносят пользу.

Затем, считает Хаджи Идрис из Костека, дагестанцы находят малой оплату труда *имамов*. В качестве примера он приводит такую цифру. В с. Костек труд *имама* оплачивается в 100 рублей. Если разделить эту сумму на число дней в году, то получается 28 копеек в день. Но даже, чтобы собрать эту небольшую сумму, жители села много спорят на этот счет. А между тем они хотят, чтобы *имам* посещал их больных, даже детей в колыбели, посещал их дома и могилы их покойников в конце каждого месяца, злословят за его спиной, а в глаза заискивают перед ним, радостно сообщая ему, что хотят видеть его *имамом* в будущем году.

Автор считает, что ученые в должности *имама* должны уметь защищать и ограждать себя от суесловия и лести. Тогда люди уважали бы ученых, повысился бы их авторитет.

Как признак упадка науки, Али Каяев³ называет то, что сегодня в Дагестане люди причисляют рационалистические науки —

¹ Абдулмеджид Эфенди. Почему мы отстали // Джаридат Дагистан. 27 июня 1913. № 30. С. 3.

² Хаджи Идрис ал-Кустак. О бедственном положении ученых // Джаридат Дагистан. 5 марта 1916. № 10. С. 4.

³ Али ал-Гумуки. Упадок науки и вырождение ученых // Джаридат Дагистан. 18 января 1914. № 2. С. 4.

арифметику, геометрию, географию, медицину и др. — к наукам безбожников, науками же мусульман являются *фикх* четырех *масхабов*, *тафсир* и *хадис* и их составляющие.

По мнению Абдулмеджида Эфенди¹, *кадия* города Дербента, причиной отставания ученых Дагестана от своих современников является малое изучение ими исторических наук, географии, пренебрежительное отношение к ним. В этом же ряду негативное отношение к математическим наукам. «Если же они нуждаются в подсчете чего-либо, то собирают камешки перед собой в руках. А между тем — это первейшая наука, в которой нуждается человек», — считает он.

В том же духе пишет Масуд из Чечни², считая, что иной раз некоторые ученые, а им следуют массы, сходят с истинного пути, утверждая, что нельзя заниматься рационалистическими науками и получать знания в школах христиан, кто, мол, подробно изучает их, тот сходит с истинного пути и проявляет неверие по отношению к Аллаху Всевышнему.

Автор статьи считает это утверждение ложным, вне всякого сомнения. Он знает многих мужей Дагестана по именам, которые досконально изучают эти науки, даже постигают их конечные глубины, но вместе с тем остаются наиболее придерживающимися религиозных дел и наиболее ревностными их исполнителями в сравнении с теми, кто эти науки не знает и никакой из них не занимался. Он знает также и других из них, которые занимаются науками, но не соблюдают пост, совсем не оплачивают *закат*, не молятся и т.д.

Это критерий, считает Масуд из Чечни, ложности утверждений тех, кто отвергает занятия рационалистическими науками, которые являются величайшим средством просвещения умов и воспитания нравов, несмотря на то, что в принципе они заимствованы у народов ислама и переложены из их книг.

В наше время невозможно жить без ремесел и промышленных производств, которые зиждятся на этих науках и совершенном овладении ими.

В конце статьи Масуд из Чечни пишет, что до него дошли вести от доверенных людей, из тех, кто совершил *хаджж* в Мекку и Медину, о том, что ученые и шейхи этих городов, имеющие полное представление о положении в нашей стране и о невежестве,

¹ Абдулмеджид Эфенди. Почему мы отстали // Джаридат Дагистан. 27 июля 1913. № 30. С. 3.

² Масуд ал-Чачани. Ложность утверждений ученых // Джаридат Дагистан. 20 мая 1913. № 20. С. 2–3.

бедности, нищете, отсталости и упадке во всех делах, вынесли *фетву* о необходимости заниматься рационалистическими науками и овладевать ими в русских школах с тем, чтобы сохранить нашу честь и престиж.

Муса из Сумбатля¹, отмечая, что ученые жалуются на плохое свое положение, подчеркивает, что массы предъявляют спрос к тем наукам, в которых они нуждаются и которые являются полезными. Люди нуждаются сверх всякой меры в науках и ученых в наш век, век знаний и науки, таких, как арифметика, геометрия, география, новая философия, новая химия, новая астрономия, здравоохранение, история, Коран, *хадисы* и их составляющие, этика, жизнеописание (*сира*) Посланника Аллаха и его праведных халифов и др.

По мнению Мусы из Сумбатля, у нас нет таких наук и ученых такого сорта не иначе, как самое малое количество — не превышает числа пальцев на руках. «А предел, который существует у нас из наук, представляет собой несколько правил из синтаксиса и морфологии вместе с известными доводами, исследованиями и пустыми спорами, которые упоминают авторы в своих книгах и которые, как оказывается, не имеют никакого отношения ни к синтаксису, ни к морфологии, ни к другим изучаемым наукам. Плюс к этому то, что включает «Шарх ал-Минхадж» шейха Ибн Хаджара ал-Хайтами по некоторым проблемам фикха».

Наши ученые, говорит автор, интересуются только написанием документов, если являются *кадиями*, или толкованием комментариев по проблемам книг, которые они читают, и написанием возражений на обратившихся к ним таких же, как они сами, авторов комментариев и толкований, если являются учителями. И они видят в этом предел того, что необходимо им сделать и обратить внимание, и не болит голова у них о простом народе.

Муса из Сумбатля критически относится к тем ученым, которые, «приписывают себе великие права, ожидают от людей возвеличивания и уважения», жалуются на свое тяжелое положение, на отсутствие научных и духовных обязанностей, чтобы зарабатывать на жизнь, и винят во всем этом также простой народ.

Дело обстоит как раз наоборот, считает автор статьи. Массы извиняют ученых, что они бросили народ в таком состоянии, из-за уважения ко всему, в чем ученые могут принести пользу. Но они не нуждаются в том, что у нынешних ученых есть из того, что они называют наукой.

¹ Муса ас-Сумбатли. Наши ученые и их жалобы // Джаридат Дагистан. 28 января 1917. № 5. С. 4.

Затем, отвечая некоторым ученым, которые утверждают, что не осталось научных функций у ученых, автор подчеркивает, что полезные научные функции, проявляющиеся не только в том, чтобы судить или духовно руководить, но и в написании исследований по важнейшим проблемам, — есть, они сохраняются и востребованы. Большинство наших сел, пишет он, если не сказать все, но достаточное количество из них, очень сильно нуждаются в учителях, которые обучали бы детей чтению, числу и вышеперечисленным рационалистическим наукам, вопросам *фикха* и т.д., тому, что необходимо человеку в его бытии, чтобы он следовал своему народу в жизни, культуре, нравственности.

Подобную же мысль проводит Али Каяев¹, считающий, что многие ученые Дагестана полагают, что основная цель занятия человека наукой — это «корпение» над решением проблем текстов, написание непонятных комментариев, глосс (комментариев на полях книги), думая, что если выполняют эти функции, то заслуживают вознаграждения Аллаха. И они считают себя «крупными учеными». Эти ученые пренебрежительно относятся к принципам «Повелевай творить добро», «Запрещай порицаемое», обучению невежды из масс предписаниям религии и сунны, удерживанию запутавшегося от ошибок и заблуждений и направлению его к тому, что является для него пользой в его религиозной и светской жизни, считая все это обязанностями ученых низшего звена — *имамов* мечетей и деревень.

И в результате мы видим этих «крупных ученых», считает Али Каяев, в мире комментариев, субкомментариев, докладов, диспутов, разъяснений и «закрывания ртов противникам». А простой народ — в невежестве, темноте и беспечности, ереси, совершении мерзостей и порицаемых проступков, преступлениях, разлагающих людей нравственно.

Али Каяев пишет, что если посмотреть на их субкомментарии, от которых нет никакой пользы, то видно, какое драгоценное время они потратили на собирание и упорядочение их, и сокрушается, что если бы они потратили одну сотую этого времени на улучшение дел простых людей, на разрешение их проблем, то у них было бы положение иное, чем сейчас.

В противоположность им другие люди находятся в мире наук, искусств, ремесел и заняты широкой торговлей: они живут в мире телефона и телеграфа, железных дорог, автомашин и самолетов,

¹ *Али ал-Гумуки. Дагестанцы и их ученые // Джаридат Дагистан. 7 декабря 1913. № 49. С. 3–4.*

подводных и надводных лодок. Пришло время для ученых Дагестана узнать, что те, которые изобретают эти самолеты и пароходы, железные дороги, телефоны и др., — мужи, подобные им, нет между ними и учеными Дагестана никакой разницы. Только они трудятся ради прогресса и входят в дом со стороны дверей и достигают того, что желают. А ученые Дагестана стоят, идут назад, не входят домой со стороны дверей и лишены всего лучшего и передового, заключает Али Каяев.

Таким образом, на страницах «Джаридат Дагистан» выступала плеяда сторонников просветительских идей, просвещения народа на новом уровне и в новых условиях. Ничуть не отрываясь от основных принципов ислама, они в то же время видели недостатки, которые активно тормозили поступательное движение дагестанского общества. Это и пренебрежительное отношение «крупных ученых» к деятельности ученых нижнего звена, схоластический характер «упорной работы» авторов комментариев и субкомментариев и непонимание сущности научных знаний (прежде всего рационалистических), упорное нежелание изучать историю, географию и другие науки, неправомерное деление наук на науки для мусульман и немусульман. И один из главных недостатков — нищее, бедственное положение населения, когда в принципе пропадает всякий интерес не только к науке, но и ко всему вообще.

1.3. Критика существующих методов обучения и задачи по их реформированию

Одной из основных причин застоя, отсталости народов Дагестана в этот период явились устаревшие методы обучения подрастающего поколения. Эта мысль проходит красной нитью во многих статьях, опубликованных на страницах «Джаридат Дагистан». Авторы статей остро переживают создавшееся положение и предлагают выход из него путем реформы старых и создания новых методов обучения в школах Дагестана.

На рубеже XIX–XX вв. возникло движение *джадидизм*, связанное с новым звуковым методом преподавания азбуки (от араб. «*усул джадид*» — новый метод), вводимым в систему мусульманского образования народов России. Его основателем был Исмаил Гаспринский¹ (1851–1914 гг.) — общественно-по-

¹ Кассиев Э.Ю. Дагестанская литература на пути к социалистическому реализму. С. 29–30.

литический деятель мусульманских народов России, который пропагандировал новые идеи на языке «тюрки»¹ со страниц основанной им газеты «Терджиман» («Переводчик»), издаваемой им с 1883 года в течение двадцати с лишним лет. Новый звуковой метод обучения создал альтернативу бездумной зубрежке в школе, но он, опираясь на светские науки, опыт преподавания родного и русского языков, с трудом завоевал себе сторонников в споре со старым, традиционным образованием — *кадимизмом* (от араб. «кадим» — старый).

Джадидизм — это общественное движение за реформу образования, уже переставшего, по мнению *джадидов*, соответствовать духу Нового времени, поскольку оно покоилось на схоластическом образовании. Необходимо было внедрение в обучение современных наук и соответствующих знаний новой индустриальной эпохи². *Джадидов* занимали вопросы воспитания и просвещения молодежи в современном духе на исламской религиозной и морально-этической базе.

Так, например, Гази Мухаммад из Аварии³ писал, что в газетах появилось большое количество статей о желании народов Дагестана изменить основы преподавания, в которых наши ученые много говорят, что наши народы из-за старых методов обучения стали останавливаться в развитии и стали склонны к обману, упоминая среди них даже достойных современников. Далее он пишет, что делают это ученые не с целью упрека и высмеивания, а с целью пробудить народы Дагестана от сна невежества и направить их на правильный путь. Не с целью, чтобы они отказались от обучения арабскому языку, методов изучения религиозных текстов и единобожия, а с целью пробуждения стремлений к просвещению населения этой страны. Как же нет, восклицает автор, если каждый из нас изучает арабский язык двадцать или тридцать лет, а разговаривает по-арабски, как тот, кто изучал арабский язык в течение двух или трех лет по новым методам. И мы правы, когда кричим об этом во весь голос, заключает он.

Ахмед Курди Закуев⁴ предлагает «реформировать порочные методы нашего образования, чтобы научиться в сжатые сроки

¹ Тюрки — разработанный Гаспринским особый стиль языка, универсальный для всех тюркских народов России.

² Юзеев Айдар. Место джадидизма в татарской общественной мысли конца XIX — нач. XX в. // Эхо веков. Казань, 1999. № 1/2. С. 164–165.

³ Гази Мухаммад ал-Авари. Устранение вражды // Джаридат Дагистан. 28 сентября 1913. № 39. С. 3.

⁴ Ахмед ал-Курди ал-Гумуки. Усердие и труд // Джаридат Дагистан. 15 апреля 1913. № 15. С. 4.

тому, чему учимся мы сегодня только в течение долгих лет, идя по пути обучения арабскому языку и др. наукам, которым следовали наши предшественники... когда здания наук были переполненными...».

Далее он предлагает использовать новые книги, сочиненные «на основе новых принципов, легких и полезных, которые ведут студентов к поставленным ими целям в самые короткие сроки, и отгородиться от книг, которые имеют хождение среди них и составлены после ухудшения методики обучения и увлечения и занятия людей тем, что сказал этот или тот, и пустой тратой жизни в спорах, возражениях и беседах, связанных с фразами авторов, которые даже в чем-либо не являются наукой».

«Из всех важнейших дел, к чему относятся небрежно жители нашей страны и совсем отстраняются от них, — это два величайших дела, в которых стержень добра наций и их прогресса. Одно из них — воспитание детей смолodu и второе — реформа метода обучения», — так начинает свою статью Али Каяев¹.

Как доказательство беспечности дагестанцев в реформе методов обучения и их невежества в этом вопросе Али Каяев приводит пример положения студентов в Дагестане, где один из тысячи овладевает знаниями, которые он изучает, а большинство студентов не умеет ни говорить, ни писать по-арабски. А между тем те студенты, пишет он, которые учатся в русских школах в Дагестане, изучают этот язык, наряду с другими науками, в короткие сроки и разговаривают на нем, как будто они арабы, и готовят их в школах, в которых готовят философов, инженеров или медиков.

Али Каяев считает, что, если бы наш метод не был порочным, наши студенты преуспели бы в арабском языке и в других областях, изучаемых их сверстниками. Порочность этого метода понимают многие наши современники, в том числе понимали и те, кто был до нас. Они начали исправлять его и много работали над пересмотром старого метода обучения, заимствовали многое, что создали позднейшие ученые, а также дополнили его нужными принципами и для этого издали много книг передовых ученых по различным наукам и поэтических диванов. Люди приняли их метод, кроме дагестанцев и тех, кто не был согласен ни с предшествующими учеными, ни с современниками. Они зависят от книг, пишет А. Каяев, авторы которых гордятся утонченными выражениями и трудностью их, осуждают ясность и разъясненность.

¹ 'Али ал-Гумуки. Образование и воспитание // Джаридат Дагистан. 11 января 1914. № 1. С. 3.

Какой же недостаток в образовании является большим, спрашивает А. Каяев, когда мы оставляем в забвении книги наших передовых ученых, ясно изложенные, полные толкованием наук и их основ, лишенные всего того, что не имеет отношения к предмету толкования, и свободные от нашей подмены их. Или непонятные конспекты и забивание ими умов, или комментарии и субкомментарии о том, что сказал тот и говорит этот, и споры, которые ничего не дают кроме потери многих лет жизни из-за этого.

Кади Мухаммад Алхасов из с. Урахи в письме в редакцию¹ пишет, что книги по морфологии и синтаксису, которые имеют хождение среди дагестанцев, и содержащиеся в них доводы, исследования и обсуждения с соответствующими фразами и оборотами не являются ни синтаксисом, ни морфологией, ни другой наукой. Он уверен, что трата времени на это не приносит пользы ни для религиозной, ни для мирской жизни. Он считает, что дагестанцам необходимо очистить эти книги от вздора, пустословия и всего того, что не соответствует науке, создав новый метод обучения, чтобы студент получал пользу в короткие сроки и чтобы у него оставалось его драгоценное время на постижение важных, желанных наук — рационалистических и традиционных, как это имеет место в русских и других школах.

Критика методов обучения занимала немалое место на страницах «Джаридат Дагистан». 'Аскер Кади из Дженгутая² пишет, что обучающийся в соответствии со старыми методами подобен ослу на мельнице — крутится, а остается на месте. А что касается тех дагестанцев, считает он, кто отрицает это, настаивает на утверждении правильности и верности этих методов, то они это делают из зависти или незнания новых методов образования и поступают согласно пословице: «Кто невежествен в чем-либо, тот враждует с этим». В противном случае, по мнению 'Аскера Кади, им надо признаться в непригодности этих методов и остаться без работы, и их пример будет подобен притче: «Охотник продал свою сеть». А если он продал свою сеть, то чем он будет ловить?

Мухаммад ал-Карими³ из села Мехельта считает, что «этими нашими науками, которые имеют хождение среди нас и которые изучают студенты на протяжении многих лет, они не овладевают,

¹ Кади Мухаммад Алхасов. Письмо в редакцию // Джаридат Дагистан. 25 мая 1913. № 21. С. 4.

² 'Аскер Кади ал-Джункути. Об основах нашего образования // Джаридат Дагистан. 3 июня 1913. № 24. С. 3.

³ Мухаммад ал-Карими ал-Кунбути ал-Мелелти. Наши науки — наше обучение // Джаридат Дагистан. 14 сентября 1913. № 37. С. 3.

как рассказчик овладевает словом». Автор пишет, что студент днем и ночью занят наукой, которую он изучает застывшей, в точном соответствии с оборотами автора. «И если ты изменишь тему и способ разговора и захочешь на мгновение углубиться в разговор, то студент останавливается в замешательстве».

Причина этого, считает автор статьи, в убеждении дагестанцев, что принципы обучения исходят от религии, и поэтому людям не следует изменять их. Если же кто-либо, добавляет он, просит реформировать этот непродуктивный метод и устранить этот застой, то против него ополчаются те, кто претендует на науку и делает из нее ширму для прикрытия своего невежества от имени религии, и сбивают его с пути. А если кто побуждает отказаться от традиционных форм обучения и побуждает к изучению математических и естественных наук, которые являются индивидуальной обязанностью (*фард ал-айн* — поступки, безусловно, обязательные для всех мусульман, как, например, омовение, ежедневная пятикратная молитва, посещение мечети)¹ и на которых зиждется нация, то они обвиняют его в безбожии и отрекают его от религии.

Как пишет Хаджи Фисан ал-Кафазджи² из Черкесии, стало традицией среди студентов Черкесии, когда всякий стремящийся овладеть наукой студент остается в школе десятки лет и, окончив ее, выходит испорченным нравственно и ослабленным физически. Из-за чего студенты питают отвращение к учебе и заканчивают школу, ничего не получив из знаний.

Далее он пишет, что есть и другие, кто терпит все и оканчивает школу, считая, что закончил изучение наук, а не знает ничего из религиозных наук — не понимает, что означают религия и шариат, ничего не знает о сути Корана, ни естественные, ни математические, ни другие науки, кроме названий некоторых из них.

Мухаммад Дибиров³ замечает, что газеты часто рассуждают об основах обучения, побуждая учителей, чтобы эти основы были на более легкими и полезными для обучающихся, а также к отказу от старых методов.

В обучении, как он считает, надо начинать с самого наилегчайшего, затем идти к более трудному, чтобы первый этап был так же сладок и приятен, как и последующие. Тогда возрастает любовь

¹ Петрушевский И.П. Ислам в Иране в VII–XV веках. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та. 1966. С. 145.

² Хаджи Фисан ал-Кафазджи ал-Черкеси. Благоедеяние сверху лучше, чем благодеяние снизу // Джаридат Дагистан. 13 июля 1913. № 28. С. 3.

³ Мухаммад Дибиров ал-Карахи. Основы образования // Джаридат Дагистан. 8 июня 1913. № 23. С. 3–4.

студента к учебе, он не испытывает отвращения к ней и достигает своей цели. Однако, по мнению Мухаммада Дибирова, эта проблема не выходила до сих пор из потенции в реальность среди исламских учителей, так как в их характере отрицание всего нового. И если даже новое будет полезно, останется в том же застывшем виде, что досталось им от древних предков, если даже они нуждаются в чем-либо от голода. Необходимо учитывать полезный опыт западных методов обучения. Европейцы обучают вначале нескольким предметам на своем языке, затем составляют предложения, сообщая о надлежащих возрасту юноши новостях, связанных с литературой, религией, о диковинках, смешных историях, животных, растениях, полезных ископаемых, минералах. Юные умы хорошо воспринимают это, и упрочиваются эти знания.

Так же, продолжает Мухаммад Дибиров, они изучают правила синтаксиса и морфологии самым легким и доступным для них способом. И студент понимает, на что он тратит свою жизнь, и растет его любовь к учебе, он приобретает полные навыки владения языком. Что касается наших учителей, сокрушается автор, учителей арабского языка и особенно учителей Дагестана, то они побуждают юношей, во-первых, не к легкому обучению, а к наиболее сложному и трудному, заставляют заучивать то, что изучают на уроках, даже если они ничего не понимают из этого. Из-за чего у них появляется неприязнь к обучению и восприятию знаний. От такой учебы большинство из них не достигают своей цели вообще.

Ахмед Рида ал-Бакуги¹ сокрушается, что черкесские студенты не испытывают боли от плохого обучения; что они не жалуются на наши методы обучения, которые лишают нас здоровой мысли; что не порицают потери ценнейших годов жизни на комментарии и субкомментарии; что довольствуются только морфологией и синтаксисом и пренебрегают науками, которые исправляют умы и воспитывают души, расширяют понимание; что не овладевают средствами, которыми овладевают студенты у других народов, не следуют одним из путей, которым следуют они, а «уздой невежества и беспечности взнузданы».

Ахмед Рида считает, что если бы они владели каким-либо из прогрессивных методов достижения знаний, то они достигли бы прогресса, «так как нет метода, нет и прогресса».

Разве не является страшной бедой то, пишет Ахмед Рида, что студент не научился ни писать, ни говорить на арабском языке, на

¹ Ахмед Рида ал-Бакуги. Беспечность — тайный враг невежества // Джаридат Дагистан. 21 декабря 1913. № 51. С. 3–4.

изучение которого потратил 20 и более лет? Это не что иное, как великая беда, мучительное наказание! — восклицает он.

Удивительно молчание наших ученых, продолжает автор статьи, их невнимание к студентам, ведь они носители наук и их поборники. Он считает, что ученые призваны служить людям добродетельными поступками и стремлением к их воспитанию. Однако ученые, возмущенно говорит автор, «ведут себя как простые люди, не течет в их жилах кровь для улучшения принципов обучения студенчества», а, напротив, они беспечны и стараются не замечать этого.

Али Каяев¹, говоря о непригодности методов обучения дагестанцев, пишет, что приверженцы старых методов пытаются доказать правильность своей аргументации приведением сокращенных высказываний ат-Тафтазани (ум. 1389), ал-Джурджани (ум. 1078) и др. и «не приемлют ничего, кроме того, что переписано и не подчиняется никаким доказательствам и доводам, если бы даже все было ясно и очевидно, как солнце в ясный день».

Али Каяев в своей полемике нередко опирается на мнения многих выдающихся арабских авторов, в частности на высказывания великого социолога и философа Ибн Халдуна (ум. 1406)², который в своей книге «Мукаддима» («Введение к истории») писал, что обилие сокращений вредно и пагубно для обучения. Согласно Ибн Халдуну, считает Али Каяев, более поздние ученые обращались к подробным первоисточникам по наукам и сокращали их приблизительно для запоминания, как, например это делал Ибн ал-Хаджиб по *фикху* и его основам, Ибн Малик по арабскому языку и др. Однако, пишет Али Каяев, по Ибн Халдуну, это является непригодным для обучения, ибо при этом нарушается процесс обучения. Находить запутанные фразы трудно, и для их понимания затрачивается большая часть времени обучающегося. В ходе этих расшифровок притупляется его способность получать знания, и он отклоняется от пути обучения. Таким образом, считает А.Каяев, согласно Ибн Халдуну, эти поздние деятели, имея целью облегчить процесс запоминания для учащихся, загружают их трудностями, лишая их возможности приобретения и формирования у себя полезных качеств и способностей.

Далее, пишет Али Каяев, по Ибн Халдуну, такие науки, как арабский язык, логика и им подобные, должны рассматриваться

¹ 'Али б. Абдулхамид ал-Гумуки. Возвращение к разговору о методах нашего образования и их непригодности // Джаридат Дагистан. 1 апреля 1913. № 13. С. 3–4.

² Ибн Халдун (1332–1406) — арабский историк и философ, зачинатель и пионер науки философии истории и социологии, основы которой заложил в своей книге «Мукаддима».

как инструмент, средство для изучения других наук. А если учащиеся тратят жизнь на усвоение способов изучения (т.е. арабского языка), то когда же они будут изучать другие науки, замечает Али Каяев и добавляет, что учителям арабского языка, логики необходимо углубляться и обращать внимание на цели обучения и обращаться при этом к Ибн Халдуну.

По мнению Али Каяева, из студентов, изучающих арабский язык, морфологию и синтаксис, только единицы достигают поставленных целей. И поэтому большинство из них бросают изучение арабского языка, не знают его, а те, которые знают, не застрахованы от ошибок во флексии.

Вместе с тем, замечает А. Каяев, студенты русских школ, например, изучают в них русский, западноевропейские и другие языки, изучают письмо, синтаксис и морфологию в короткие промежутки времени.

Несомненно, делает вывод Али Каяев, что причина такого большого различия между изучающими арабский язык и его грамматику и изучающими другие языки в том, что первые отклоняются от прямого пути обучения. Если бы они следовали ему, то достигали бы поставленных целей в самые короткие сроки. Также, пишет Али Каяев, причина в том, что обучающиеся арабскому языку тратят большую часть времени на споры и возражения и отвергают важнейшее, что определено в изучении языка, понимании его и приобретении навыков разговаривать на нем.

В другой статье¹ Али Каяев утверждает, что дагестанцы должны реформировать свои религиозные школы, реформировать методы обучения в них путем отвлечения их от тех наук и книг, в которых нет пользы. Дагестанские ученые должны обучать в этих школах рационалистическим и шариатским наукам — таким, как *тафсир*, *хадис* и его основы, арифметика, история, география с выбором самых лучших книг по наукам, по которым идет обучение, легких в выражениях и емких по значимости и обеспечивающих самый короткий путь к достижению поставленных задач обучения.

Однако, считает Али Каяев, среди студентов и их учителей есть такие, которые говорят, что наши школы до сегодняшнего дня остаются такими же, какими они были со старых времен, и что якобы работа по реформе метода в школах и выбор других книг для обучения — работа бесполезная и дискредитирует сочинения знатоков (*улемов*) религии.

¹ 'Али б. Абдулхамид ал-Гумуки. То, что необходимо нам // Джаридат Дагистан. 25 февраля 1913. № 8. С. 3.

Отвечая приверженцам старых методов обучения, А. Каяев предлагает кратко показать то, чему обучают в школах Дагестана, чтобы читатель сам сделал окончательные выводы.

Начинают наши ученики, пишет Али Каяев, с морфологии или с книг по морфологии — аз-Занджани (ум. 1257)¹ и др., где дается толкование, что значит *тасриф* (склонение, спряжение) и т.д. Затем учитель читает предложение, переводит его на язык ученика, учит его вопросам, связанным с этим предложением. Далее учит его вопросам: почему ставится *дамма* над личным окончанием в 1-м лице ед.ч. прошедшего времени, а *фатха* — во 2-м лице ед.ч. мужского рода, *касра* — во 2-м лице ед.ч. женского рода. А какой вред был бы ученику, спрашивает А. Каяев, если бы он не знал таких наук, а просто ограничился изучением правил морфологии и практическим их усвоением?

Затем, продолжает А. Каяев свое изложение предметов, ученик переходит к синтаксису, работая над вопросами другого характера: почему подлежащее стоит в именительном падеже, дополнение — в винительном и родительный падеж для второго члена *изафета* и другое, думая, что это синтаксис.

Потом, пишет А. Каяев, ученик переходит к формам арабского языка и работает над исследованием той или иной формы, что не приносит никакой пользы для изучения арабского языка, считает ученый.

По такому же принципу идет работа над вздором науки логики, после чего обучающийся переходит к богословию и тратит оставшуюся часть своей жизни на исследования теорий древних философов-му'тазилитов и написанием ответов на них. И в конце учебы, оглянувшись на свой возраст, замечает А. Каяев, ученик видит, что, оказывается, жизнь ушла и не осталось времени на расширение знаний по *фикху* и *тафсиру*. И он вынужден, пишет А. Каяев, отказаться от них обоих, оставив их насовсем или изучив в самом кратком виде, по кратким справочникам, составленным по ним. А что касается *хадисов*, то большинство обучающихся не работают над ними вовсе, а кто изучает их, делает это только для испрашивания благословения выражениями *хадисов*, чтобы увидеть доброе предзнаменование в чтении их, но никак не для работы над какой-либо их частью из-за их святости, по их утверждению, и наличия традиции одного из четырех имамов. Али Каяев уделял особое внимание изучению *хади-*

¹ См.: Гудава М.Т. Традиция изучения арабского языка в Дагестане. Тбилиси, 1980; Оруджева Л.М. Произведение аз-Занджани «Мабади фи-т-тасриф» («Начала морфологии»). Баку, 1971.

сов, об этом свидетельствуют ряд статей¹ опубликованных им на страницах газеты. Он считал их важным и удобным источником для обновления ислама, ибо они давали возможность приспособить догматику ислама к современности.

Это все, что мы привели, пишет А. Каяев, немного из того, чему учатся наши учащиеся, капля, свидетельствующая о море, и кто размышляет над этим — выясняется для него степень того, что у учащихся из шариатских наук есть и их умение защищать его (т.е. шариат).

«Если бы они (ученые-дагестанцы. — А. Н.) реформировали метод обучения учащихся, — восклицает А. Каяев, — отказались бы от всего того, что не приносит пользы, и восприняли бы то, что необходимо им в этот век, усердно трудясь, чтобы у них было другое положение!»

Однако, считает А. Каяев, они (дагестанцы) являются нацией, приверженной старине и чрезмерному фанатизму к ней, даже если бы это не приносило им никакой пользы. Они привержены отвращения ко всему новому, даже если бы это было необходимо им. И поэтому, заключает А. Каяев, вы видите их отставшими в науках и знаниях от большинства других мусульман, которые живут под покровительством Русского государства.

Мулла Мустафа² сын Абдулхамида из села Илису Закатальского округа посвящает свою статью критике метода преподавания в арабских школах исламских государств и, в частности, в арабских школах Дагестана.

Трудность изучения наук в них автор статьи видит в следующем.

Во-первых, считает он, это порочная практика, когда количество уроков равно количеству студентов. Уроки перегружены, у учителя нет времени давать материал, подкреплять его примерами. В результате учащиеся получают только смысл языковых понятий из арабских оборотов, а не изучают ни морфологии, ни синтаксиса. Не изучают другие рационалистические и традиционные науки. И большинство из них после такого обучения не может говорить на литературном арабском языке. Между тем студенты в русских школах, замечает автор статьи, изучают морфологию и синтаксис языков, которые они изучают, в течение двух или трех лет и могут говорить и писать на этих языках.

Это ясный аргумент, считает Мулла Мустафа, в подтверждение непригодности методов обучения в арабских школах и замены их

¹ 'Али ал-Гумуки. Ложные рассказы и вымышленные хадисы // Джаридат Дагистан. 13–25 мая, 1, 15, 29 июня, 27 июля 1913. № № 19, 21, 22, 24, 26, 30. С. 4.

² Мустафа б. Абдулхамид ал-Илисуви // Джаридат Дагистан. 5 октября 1913. № 40. С. 3–4.

новыми с участием студентов на уроках, увеличением наглядных примеров для правил, упражнений студентов с правилами, как это имеет место в новых (новометодных) школах.

Во-вторых, среди порочных традиций в арабских школах, считает Мулла Мустафа, — это нераспределение времени обучения, как в новых школах. Это мешает разъяснению и усвоению, так как, если не регламентировано время, обучения, студент занимается тем, что желает его душа.

В-третьих, считает Мулла Мустафа, это отсутствие в арабских школах экзаменов по изучаемым предметам. Если большинство студентов будет знать, что у них нет экзамена, и что у них не будет ни о чем спрошено, то они будут проявлять нерадивость в обучении, проводить время как им захочется.

И четвертое, считает Мулла Мустафа, а может, это и первое, — то, что дагестанское студенчество занимается науками, а не знает их основ, из-за чего не достигает целей и бесполезно тратит на этом пути свои годы.

Анализ следующих четырех статей Абдулхалима из Дженгутая будет посвящен новометодной исламской школе в с. Дженгутай и принципам обучения в ней.

В первой статье¹ Абдулхалим с радостью сообщает, что наконец дагестанцы начали просыпаться от сна невежества в делах своей религии и своих земных делах. Свидетельство этого, считает он, — увеличение день ото дня исламских школ, функционирующих на новых принципах, или методах. Среди них он называет школу примерно на 150 учеников, которую построил некий господин Амир-Арслан Караймахадилава.

Три здания школы разделены для обучающихся в трех классах. Первый класс — в нем обучаются чтению с *таджвидом* (чтение нараспев Корана) и аджамскому письму и немного арифметике, второй класс — литературному арабскому языку, чтобы учащийся мог понимать исламские газеты, историю, географию и другие национальные и экономические потребности согласно обстоятельствам и эпохе.

Затем, пишет Абдулхалим, после окончания 3-летнего обучения родители вправе послать ученика в русскую школу, находящуюся в этом же городе, или оставить его в школе, построенной тоже в этом городе, для обучения арабскому языку на основе новых методов в течение 5 лет.

¹ Абдулхалим. Письмо в редакцию // Джаридат Дагистан. 31 августа 1913. № 35. С. 3.

Во второй статье¹ Абдулхалим предлагает начинать арабское обучение с обучения арабскому письму и речи и только после этого изучать морфологию и синтаксис (в чистом виде, причем учить только определенные разделы грамматики). Автор статьи предлагает развивать у учащихся навыки общения внутри школы и вне ее, постепенно обязывая их разговаривать по-арабски не только на уроке. На этом этапе это можно делать устно, без книги. Было бы лучше, считает он, если бы каждый из юношей записывал все, о чем он говорит с учителем каждый день, или записывал то, что видел на большой доске перед классом — это было бы для него совершенной книгой. Это, считает Абдулхалим, первая ступень арабского обучения.

В третьей статье² Абдулхалим переходит ко второй ступени обучения, заключающейся в том, что учащемуся после овладения определенными навыками арабского языка предлагается разъяснить и написать письменно то, о чем он думает, пусть и с некоторыми ошибками в склонении и употреблении оборотов. На этом этапе ему разрешается использование учебника без показа того, что он пишет на доске. Но каждый день необходимо ему читать 3 урока — по морфологии, синтаксису и урок вроде истории арабской литературы. Чтобы этот последний урок был самым важным до тех пор, пока юноша не научится разговаривать и переписываться по-арабски без затруднений. И завершить, считает Абдулхалим, эту вторую ступень по арабскому обучению можно также в течение трех лет. Можно добавить к этому еще кое-что из логики, риторики и метрики. И чтобы каждый день учил какую-то область грамматики наизусть до совершенства. И пусть учитель старается давать уроки наиболее легкими и емкими, насколько это возможно, фразами, не обременяет себя цитированием неогласованных тонкостей морфологии и синтаксиса, чтобы не нарушалось понимание юноши, но чтобы он сам штудировал и уточнял комментарии и субкомментарии без потребности обращения при этом к учителю.

Далее он пишет, что студенту читают новый урок только после того, как он сможет пересказать содержание предыдущего урока наизусть.

В четвертой статье³ Абдулхалим пишет, что после того, как студент прошел предыдущие ступени обучения, он будет готов к

¹ Абдулхалим. Согласно обстоятельствам // Джаридат Дагистан. 14 сентября 1913. № 37. С. 2.

² Абдулхалим. Согласно обстоятельствам // Джаридат Дагистан. 21 сентября 1913. № 38. С. 3.

³ Абдулхалим. Согласно обстоятельствам // Джаридат Дагистан. 28 сентября 1913. № 39. С. 3–4.

изучению других арабских наук. Однако на этой третьей ступени ему следует, как и на предыдущих двух ступенях, начинать урок произнесением вчерашнего урока наизусть арабскими фразами.

А что касается организации учебы на этой ступени, замечает Абдулхалим, то следует начать с науки о Земле — географии, арифметики, новой и древней астрономии.

Затем, продолжает Абдулхалим, после соответствующей подготовки в этих науках, следует начать изучать *тафсир*, *хадисы*, основы *фикха* до тех пор, пока студент не сможет различать отмененные и отменяющие нормы, не изучит причины ниспосланий, не выучит *аяты*, *хадисы*, связанные с этими юридическими нормами, хотя бы их смысл. И потом следует изучать *фикх*, догматику и философию. Эту стадию, считает Абдулхалим, можно завершить примерно тоже за 3 года.

Следующая статья Али Каяева¹ предлагает новые методы обучения, практически реализованные им на практике в Казии-Кумухе.

Али Каяев начинает свою критику тем, что в начальных школах Дагестана, в которых не знают ни слова по-арабски, начинают обучение по известному у нас сочинению — *тасрифу*, написанному, как все знают, на арабском языке. Но все мы знаем и наблюдаем, что учащиеся не понимают ничего ни по *тасрифу*, ни по тем книгам, которые они изучают после, они начинают понимать только спустя долгие годы. И тратят усилия учителя на их обучение, что затуманивает умы учащихся, и, быть может, это является причиной их отдаления от науки и забрасывания ее навсегда.

А. Каяев считает, что необходимо отказаться от такого метода и обучать начинающих основам морфологии и синтаксиса на языке, на котором они разговаривают, — родном языке (все равно писать ли книги по грамматике на их языке или подготавливать учителей на их языке каждый день — в зависимости от того, что подходит для их ситуации для занятий). Автор пишет, что он сам опробовал это в прошлом во время обучения начинающих морфологии и синтаксису и пришел к хорошему результату.

Раньше, делится опытом А. Каяев, он тоже начинал по известному *тасрифу*, но он никого из учеников не мог понять, хотя многие из них были чрезвычайно умны. Тогда А. Каяев решил отказаться от этого метода и пойти по другому пути, более легкому для него и учащихся, и стал давать им новые уроки на их языке, приучая к работе над всем тем, что изучают в арабском языке. В результате, пишет

¹ 'Али ал-Гумуки. Непригодность нашего метода обучения с разъяснением способов его реформирования // Джаридат Дагистан. 6 мая 1913. № 18. С. 2.

А. Каяев, они освоили все, что есть в *тасриф*е и в книгах по морфологии за короткий срок. Кроме этого, добавляет А. Каяев, он обучал их многим из наук арабского языка: кроме морфологии и синтаксиса, еще стилистике, поэтике, риторике, ораторскому искусству, так что многие стали разговаривать на нем свободно, пользовались пособием, теми правилами, которые изучают в нем, легко понимали обороты и выражения, встречающиеся в книге, в результате чего он мог их обучать и по арабским книгам.

Далее, считает А. Каяев, следует отказаться от порочной практики затуманивания умов студентов тем вздором, который приводят «ученые» арабского языка в качестве доводов по морфологии и синтаксису, и довольствоваться только изучением правил арабского языка, учить студентов, как использовать и применять эти правила на практике. Для этого, по мнению Али Каяева, студентов необходимо обучать по книгам, включающим многочисленные примеры и отрывки из текстов, содержащие литературные арабские слова, приучать их к использованию нужных правил и работать согласно им и делать это столько раз, пока они, ученики, не достигнут поставленных целей. Всю эту работу заключает А. Каяев, нужно проводить под руководством искусного в арабском языке учителя, знающего основы обучения и воспитания.

Али Каяев считает, что морфология и синтаксис — это два инструмента, с помощью которых достигаются только две цели, что явно недостаточно, если говорить об искусном овладении арабским языком. По его мнению, необходима дальнейшая работа, а именно — частое запоминание литературных арабских слов в поэзии, прозе, беседе, переписке, так, чтобы все, что студенты запоминают, или хотя бы большинство, использовалось бы в той ситуации, что возникла между ними, и было бы базой для их речи, пока они не приобретут способность говорить на языке и составлять обороты и выражения подобно тому, как они составляют их в своих беседах и спорах. Эта сторона, считает Али Каяев, которой у нас в Дагестане пренебрегают и учителя, и учащиеся.

Далее Али Каяев цитирует Ибн Халдуна, что хорошие и плохие способности зависят от хорошего и плохого запоминания арабских слов. По его мнению, следует проявлять заботу в отношении хорошего запоминания слов предшественников, новейших арабов, запоминать большинство *касыд* ученых Дагестана и их стихи, которые схожи со стихами и *касыдами* арабов по размеру и звучанию.

Таковы взгляды дагестанских *джадидов* и их сторонников, нашедшие отражение на страницах газеты «Джаридат Дагистан». Поскольку *джадиды* являлись проводниками новых идей в образо-

вании, их деятельность часто ассоциировалась со всем новым, что проникало в дагестанскую общественную мысль как с Запада, так и с Востока. Поэтому *джадидизм* по содержанию квалифицировали то как реформаторское движение, то как форму просветительства.

Татарский исследователь *джадидизма* Айдар Юзеев¹, исследуя различные подходы в оценке *джадидизма*, пишет, что в сталинскую эпоху *джадидизм* оценивался как реакционное движение, подобное панисламизму и пантюркизму². Некоторые историки, считает он, рассматривая *джадидизм* в контексте аналогичных движений в Индии, Персии и Египте, называют реформаторство модернизмом и отождествляют его с *джадидизмом*³. Позже возобладала точка зрения о *джадидизме* как этапе просветительства⁴. В последнее время, пишет он, *джадидизм* оценивается как движение по формированию нации — «нациестроительство». В нем выделяются два течения — реформаторское и реформаторско-просветительское⁵. В результате, считает Айдар Юзеев, *джадидизм* предстает как более «широкое» движение, чем реформаторство и просветительство. Эти слова в полной мере можно отнести и к дагестанскому *джадидизму*.

1.4. Проблема языка обучения в школах Дагестана

Эта проблема возникла, как следует из статьи Али Каяева⁶, когда дагестанцы достоверно убедились, что языки, на которых они разговаривают сегодня, не годятся для изучения наук и потому необходим другой язык, научный — такой, как арабский, турецкий или русский. Однако, считает Али Каяев, дагестанцы расходятся в выборе одного из этих трех языков.

¹ Юзеев Айдар. Место *джадидизма* в татарской общественной мысли конца XIX — начала XX вв. // Эхо веков. Казань, 1999. № № 1–2. С. 164–165.

² Аршаруни А., Габидуллин Г. Почерки панисламизма и пантюркизма в России. М., 1931

³ Губайдуллин Г. К вопросу об идеологии Гаспринского. (Предварительные замечания) // Гасырлар Авазы (Эхо веков). 1998. № № 3–4. С. 118–198.

⁴ Абдуллин Я. *Джадидизм, его социальная природа и эволюция* // Из истории татарской общественной мысли. Казань, 1979. С. 97.

⁵ Исхаков Д.М. Феномен татарского *джадидизма*: введение к социально-культурному осмыслению. Казань, 1997. С. 12.; Абдуллин Я.Г. *Джадидизм среди татар: возникновение, развитие и историческое место*. Казань, 1998. С. 34–35.

⁶ («Али ал-Гумуки»). Проблема языка обучения // Джаридат Дагистан. 1 июня 1917. № 21. С. 3–4.

Одна группа населения, по мнению автора статьи, выбирает в качестве языка обучения турецкий из-за якобы его легкости для изучения, во-первых, и большой потребности дагестанцев в нем, во-вторых, из-за якобы стесненности для получения средств к жизни и вынужденности их выезжать за пределы Дагестана на заработки. А на большинстве территорий, примыкающих и граничащих с Дагестаном, как считают они, проживают тюркские народы. На юге — Закаталы, Куба, Шеки, Ширван, большая часть их населения — тюркские народы, и преобладающий язык в них и за их пределами до границ с персами, с одной стороны, и до берегов Средиземного моря — с другой — это турецкий язык; на севере Дагестана, исключая тех, кто в центре, проживают кумыки, которые являются представителями тюркских народов, а их язык — это чистый турецкий язык. Также на всем побережье Каспийского моря и за ним до границ Ирана, Афганистана и Китая, с одной стороны, и до Северного Ледовитого океана — с другой, находятся тюркские народы, говорящие на этом языке, хотя и на различных наречиях. И дагестанцы, по мнению этой группы, вынуждены общаться с ними и выезжать в их страны. Кроме этого, они говорят, сообщает автор статьи, что на этом языке издаются многочисленные газеты и журналы, поступающие в Дагестан, через день или два после их издания. И если дагестанцы, считают они, выберут в качестве языка обучения турецкий язык, научатся сами и обучат ему своих детей, то смогут с помощью него ознакомиться со всем, что происходит в исламском мире, да и на всем свете.

На этом языке, кроме всего прочего, согласно их мнению, есть также полезные книги по всем отраслям знаний — старым и новым, без которых не может обойтись человек в этом веке, — такие как арифметика, геометрия, география, астрономия, история.

Дагестанцы смогут при помощи турецкого языка, убеждена эта группа населения, покончить с невежеством, в котором они прозябают, и облегчить студенту усвоение этого языка в самые краткие сроки и более легким образом, чем арабский, на котором в Дагестане нет новых книг, только разве в малом количестве, и затруднительно вместе с тем изучение его (арабского языка) из-за дальности расстояния между дагестанцами и арабами.

Вторая группа населения, пишет Али Каяев, предпочитает в качестве языка обучения арабский язык, который, по их мнению, — язык Корана и исламской религии. По их мнению, избрание турецкого языка в качестве языка обучения ведет к умалению роли арабских наук и приведет в конце концов к их вырождению и исчезновению, как это произошло в Турции и Татарии, так что не найдешь там,

за редким исключением, того, кто говорил бы хорошо по-арабски, не говоря уже о том, чтобы написать по-арабски статью или письмо. И следует за этой слабостью и вырождением в арабском языке слабость и вырождение в религиозных науках, удаление от шариатских и исламских источников и источников из Корана и сунны. И в той мере, как увеличиваются, как они считают, эта слабость и вырождение в арабском языке, возрастает и слабость в религии, постижении ее тайн, особенностей и целей.

Далее, говорит эта группа населения, говорящие на турецком языке в большинстве своем уделяют мало внимания религии, не отличаются высоким уровнем морали. Среди них, говорят они, есть большая религиозная община, которая предпочитает союз турецкий союзу исламскому и призывает всех, кто разговаривает на их языке, к союзу национальному между собой, какой бы религии или *мазхаба* они ни были, и напоминают о заслугах своих древних отцов, как безбожников среди них, так и мусульман: напоминают об их целях, хвастливых девизах и гордятся, например, Чингисханом, великим татарским тираном, или его внуком Хулагуханом, которые перевернули трон ислама и принесли большие беды мусульманам Востока, их ученым и книгам, о чем написано в книгах по истории.

Али Каяев считает, что первая религиозная община, т.е. группа сторонников турецкого языка, сильнее второй — группы сторонников арабского, которая призывает к исламскому союзу и объединению всех мусульман на всей земле, рассматривая их всех братьями по вере. Их девиз — единение, их лозунг — нет божества, кроме Аллаха, Мухаммад — посланник Аллаха. Они, т.е. вторая группа, не знают ни происхождения, ни нации, кроме *ханафитской* веры, нет у них других уз, кроме ислама. И если дело обстоит таким образом, считают они, то есть опасность распространения турецкого языка и отторжения дагестанцев от своих языков и их присоединения, хотя бы через некоторое время, к этой первой общине (турецкой), которая не знает для себя иного союза, кроме турецкого, и нет у нее другой цели, кроме национального союза, хотя дагестанцы не принадлежат к этой нации, и нет связи между дагестанцами и турками, и нет уз, связывающих дагестанцев и турок, кроме ислама, а они, т.е. турки, избрали узы национальные, т.е. турецкие, которые объединили их и Чингисхана под своими знаменами, и пытаются также переманить дагестанцев к своей нации и связать их этими узами. Как же могут дагестанцы согласиться на это? — считают сторонники арабской религиозной общины. Дагестанцам нет необходимости устанавливать турецкий язык в качестве языка обу-

чения, считают они, но они согласны с ними в том, что необходимо изучать его в качестве одного из языков.

Муртада из Кудали¹ считает важным избрание в качестве языка обучения арабского, ибо это язык Корана, *хадисов*, в пользу этого говорит наличие всей духовной литературы на этом языке.

По его мнению, после арабского больше, чем турецкий, дагестанцам нужен русский язык, так как они живут под покровительством России, и в доказательство этого приводит слова Шихабуддина ал-Марджани² о том, что, если живешь в иностранном государстве, «надо знать три вещи — язык, письмо и законы этого государства».

Проблема языка обучения рассматривается также в статье Ахмеда Курди Закуева³. Он считает, что обучение и воспитание в начальных школах Дагестана должно идти на родных языках, а в школах выше ступенью — на турецком. Он убежден, что общим языком среди общин Дагестана должен быть также турецкий язык, ибо, по его мнению, турецкий язык был общим и остается таковым до сих пор, хотим мы этого или нет. Одновременно автор оговаривает, что пусть не создается мнение, будто он хочет отторжения дагестанских языков и замены их турецким. Вовсе нет. Он считает, что цель его — принятие турецкого языка в качестве общего языка общения среди дагестанцев, языки которых отличаются так же, как и диалекты, сохраняя при этом основные языки и национальные особенности, подобно тому, как английский язык стал общим языком общения между государствами.

Курди Закуев перечисляет причины, побуждающие его отдать предпочтение турецкому языку перед арабским:

во-первых, турецкий язык (т.е. тюркский. — А. Н.) — наиболее распространенный среди дагестанцев, большинство из них могут разговаривать на нем, число незнающих его не превышает 10 %, и поэтому он выполняет роль посредника среди дагестанцев;

во-вторых, турецкий язык очень легок для изучения, и, как говорят некоторые западные ученые, это самый легкий для изучения язык в мире;

в-третьих, дагестанцы окружены со всех сторон тюркскими народами;

¹ Муртада из Кудали. Проблема языка обучения // Джаридат Дагистан. 9 августа 1917. № 29. С. 4.

² Шихабуддин Марджани — выдающийся татарский историк, филолог и просветитель (1818–1889).

³ Курди Заку Заде. Обучение на арабском или турецком // Джаридат Дагистан. 17 августа 1917. № 30. С. 4.

в-четвертых, турецкий (т.е. тюркский. — А. Н.) язык — это язык мусульман России, число которых достигает 30 млн человек.

Если же дагестанцы не будут усиливать знание турецкого языка, то, по мнению Курди Закуева, в их школы прорвется русский язык и распространятся русские нравы и обычаи, дагестанцы забудут исламскую культуру, национальные особенности, родные языки и обрусеют окончательно.

Что же касается арабского языка, пишет автор статьи, то, хотя он и является у нас священным, уважаемым, в нем нуждаются только ученые, и нельзя обязать всех мусульман изучать его. А то, что говорят, что это язык нашей религии, ислама и что каждый мусульманин должен изучать его, то это неверно, если все нации и языки равны в исламе. Как правилен ислам арабский, так верен ислам китайский, который не понимает ни одного арабского слова. Конечно, считает он, арабский язык отличается от других языков тем, что на нем ниспослан Коран и что он стал общим языком для всех мусульман в их религиозных делах, но из этого не следует обязательное его изучение каждым мусульманином и что изучать науки следует только на арабском языке.

Далее Курди Закуев пишет, что есть такие, кто говорит, что избрание турецкого в качестве языка обучения ведет к ослаблению роли арабских наук и их вырождению в конечном счете, как это произошло в Турции и Татарии. А в официальных школах обучение было до сих пор на русском языке. Так почему эти люди не говорят, что это ведет к ослаблению арабских наук и их вырождению? А когда место русского языка занимает турецкий, то они говорят, что это якобы ведет к этому, резонно замечает автор статьи.

Затем, продолжает автор, высказывают опасение в отношении родства и языков дагестанцев и боятся отуречивания, если дагестанцы выберут турецкий в качестве языка обучения. Это тоже ошибка, считает Курди Закуев, ибо он не предлагает бросить дагестанские языки и взять вместо них турецкий, вовсе нет. Он предлагает вложить в наших детей исламскую культуру, «пропитать их сердца любовью к своим языкам и особенностям своей нации» и только тогда обучать их турецкому языку и полезным наукам, как, например, население Европы изучает английский язык из-за того, что он является общим языком.

Далее он спрашивает: почему они не боятся арабизации, если дагестанцы будут придерживаться арабского языка, так же как боятся отуречивания, если дагестанцы будут придерживаться турецкого?

Затем, согласно автору статьи, противники турецкого языка выступают против турок, так как среди них есть община, которая

предпочитает турецкий союз исламскому. Однако турки в целом мусульмане, считает Курди Закуев, и то, что они предпочитают турецкий союз исламскому, это нисколько не вредит союзу исламскому. Заинтересованность в успехе своей нации и прогресса своего языка не является пороком ни для арабов, ни для турок, считает он, так как любовь к своей нации и языку — природное свойство в исламе. С другой стороны, пишет автор, у этих национальных союзов свои священные политические цели, которые не нарушают исламский союз.

Автор¹ статьи, опубликованной в следующем после статьи Курди Закуева номере, опровергает многое из затронутого им в своей статье.

Например, он считает неверным тезис Курди Закуева о том, что тюркский язык является наиболее распространенным и общим среди дагестанцев. В округах Анди, Авар, Гуниб, по его мнению, общим языком является аварский, а не тюркский.

Если бы Ахмед Курди Закуев исследовал другие районы, считает А.А., то обнаружил бы общий язык у населения округов Гуниб, Кази-Кумух и Дарго — кумухский и даргинский, не турецкий; обнаружил бы аварский в Темир-Хан-Шуре и в селах вокруг него; обнаружил бы, что многие жители этих деревень, даже евреи, хорошо знают аварский язык и используют его в отношениях с горцами.

А что касается того, что турецкий (тюркский) язык выполняет роль посредника среди дагестанцев, представителей различных языков, считает автор, то это правильно в отношении восточных районов Дагестана, некоторых южных и северных районов, а в западных и в части северного и в середине северного — здесь роль посредника выполняет аварский, а не тюркский.

В отношении того, что число не знающих тюркского языка не превышает 10 %, то это, считает автор статьи, явная ложь, так как большинство жителей Анди, Авар, Гуниба, округа Кази-Кумух, Дарго совершенно не знают тюркского языка.

Что касается утверждения Курди Закуева о том, что турецкий язык очень легок для изучения, автор считает, что это так, но это верно только для разговорного турецкого языка; а литературный, особенно османский язык, на котором говорят поборники этого языка в Дагестане, то это очень трудный язык, требующий знания других нетюркских языков, особенно арабского и персидского.

¹ А.А. Проблема языка обучения // Джаридат Дагистан. 26 августа 1917. № 31. С. 3–4.

Литературный турецкий язык, считает А.А., является смесью различных языков, две трети фраз которого — арабские, западно-европейские, а оставшаяся треть — турецкие. Он легок для ученого, знающего арабский или персидский, но отсюда не вытекает, что этот язык будет легок для юноши, который не знает ни арабского, ни персидского, ни основ грамматики обоих языков.

Тезис о том, что дагестанцы окружены со всех сторон тюркскими народами, также несостоятелен, считает автор статьи. Если цель Ахмеда Курди Закуева, пишет он, представить Дагестанскую область с центром в Темир-Хан-Шуре, то нет вокруг него тюркских народов, кроме кумыков в районе Хасавюрта и других на юге. Западные районы Дагестана граничат с грузинами и чеченцами, некоторые северные — с чеченцами, население южных районов — с аварцами, которые находятся в районе Закатал, с лакцами — в районе Куба.

Потребность соседей Чечни в изучении чеченского такова же, как потребность соседей Турции — в турецком, например, аварцев, андийцев, которые соседствуют с чеченцами, в знании чеченского. Однако, по мнению автора статьи, потребность и общение не означает, что это возможно, только если находишься по соседству. Быть может, пишет он, человек нуждается в иностранных языках далеких стран так же, как, например, нуждается дагестанец сегодня в изучении русского языка, потребность которого (дагестанца) сегодня в русском сильнее, чем в турецком. И это потому, что дагестанцы выезжают сегодня за пределы Дагестана для торговли или отходничества и им нужно учить его. Так как русский — общий язык для всех народов России, и многие в совершенстве владеют им, особенно тюркские народы — на юге Кавказа, татары, — все они знают русский язык, даже дети и женщины, как свой родной язык, в отличие от турецкого, который не знает большинство народов России. И если это так, делает вывод автор, то какая нужда искать другой общий язык, кроме русского.

Автор статьи пишет, что он не отбрасывает мысль о необходимости для народов Дагестана в целом турецкого языка, но отвергает потребность большинства дагестанцев или всех их в нем и преувеличение потребностей дагестанцев только в нем.

Третья группа населения — сторонники русского языка. Эта группа наименьшая, те, пишет Али Каяев, кто учился в русских школах и не знает других языков, кроме русского.

Среди публикаций сторонников введения русского языка в качестве языка обучения интересно, на наш взгляд, переведенное

и напечатанное в газете¹ письмо Саида Габиева, публициста и государственного деятеля, к помощнику наркома просвещения Кавказа. Как видно из письма, Саид Габиев был поборником приближения горцев к нации, в которой выдвинулись такие таланты, как Пушкин, Гоголь, Тургенев, Толстой «с такой правильностью речи, даром слова, которые есть в их сочинениях».

Он также против введения чисто русских букв, чтобы не отпугнуть дагестанцев тем, что они установлены одним разом, а не поэтапно, и предлагает сначала ввести буквы П.К. Услара.

Саид Габиев пишет в письме, что посылает также книгу с буквами Услара для языка Кази-Кумуха, считая их переходным этапом для газикумухцев для перехода к чисто русским буквам.

В статье², предшествующей письму Саида Габиева к помощнику наркома просвещения Кавказа, Али Каяев пишет, что дагестанцы не заметили всех козней и интриг самодержавного правительства, к которым оно прибегало с целью русификации и христианизации дагестанцев, и далее на примере письма и алфавита разъясняет это.

Самодержавное правительство рассматривало арабское письмо, которое дагестанцы используют уже более 1200 лет, пишет А. Каяев, сильным связующим звеном между ними и всеми мусульманами — арабами, турками и т.д. Оно хотело разорвать эти связи и отношения и запретить использование арабских букв, установив вместо них в школах Дагестана русские буквы. Для самодержавного правительства, продолжает А. Каяев, не было секретом, какие последствия, вред и какое великое заблуждение имеет спешка в этом деле. Однако оно решительно и обдуманно, считает А. Каяев, терпеливо и постепенно решило установить между арабским и русским языком ступени, чтобы по ним подниматься от одного языка к другому и посредством этого стремиться заменить одно письмо другим, да так, чтобы никто не догадался об этом и не зашевелился никто из жителей из-за этого.

И это правительство, пишет далее А. Каяев, приказало Услару создать для различных языков специальное письмо для каждого из них — не арабское и не русское, а нечто среднее между ними, для того, чтобы отлучить дагестанцев от арабских букв и арабского письма и отрезать тем самым все отношения и связи дагестанцев с другими мусульманами, предполагая, что письмо для каждого народа будет на первом месте, а не арабский язык, и не будет тогда

¹ Габиев Саид. Письмо к помощнику наркома просвещения Кавказа // Джаридат Дагистан. 31 июля 1917. № 28. С. 4.

² («Али ал-Гумуки»). Мы, наши слуги и алфавит Услара // Джаридат Дагистан. 31 июля 1917. № 28. С. 4.

никакого страха перед религией и местными языками, как было бы в случае использования русских букв. А со временем, после того, как дагестанцы привыкнут к этому письму, забросив и забыв арабское письмо, как полагало правительство, они перешли бы к русскому письму, исходя из того, что русское письмо — это письмо науки и большинства народов государства, делает вывод А. Каяев.

И Услар, пишет А. Каяев, ознакомившись с нашими различными языками, создал для некоторых из них специальное письмо, установив для каждого соответствующую форму на манер латинских букв, составив с их помощью некоторые книги и исследования. По этим книгам учились горцы, затем, в силу ряда причин, они были забыты. А эти буквы, известные как буквы Услара, названы так по имени их первого изобретателя и основателя Петра Карловича Услара, немца по происхождению.

В другой статье¹ автор пишет: «И были буквы Услара, которые он создал для каждой нации — аварской, даргинской, гази-кумукской, лезгинской — для разделения одних от других и от многих других братьев-мусульман, не чем иным, кроме как одним из многих способов христианизации и русификации...»

Али Каяев писал в этой связи: «До этой Великой русской революции в нас внедрялись две похожие политики, так что мы даже не чувствовали их: одна из них — это политика русификации, другая — политика отуречивания...»²

Что касается первой, то, по мнению А. Каяева, это была колониальная политика царского правительства, для чего оно открывало начальные школы в каждом из маленьких дагестанских сел, средние — в больших, тратя на это ежегодно огромные средства. Оно усердно работало, пишет А. Каяев, чтобы скрыть свои цели и эту свою политику, и под ее прикрытием учтиво говорило народу: «...О люди, мы открыли для вас эти многочисленные школы, и выделили на это и выделяем, как вы видите, ежегодно большие средства. Мы открыли их только для вас и ваших устремлений, чтобы вывести вас из тьмы и невежества, в котором вы пребываете, к свету знаний — цивилизации. Мы пришли к вам и завоевали вашу страну не иначе как для распространения и углубления знаний среди вас. ... Так давайте, о люди, приобретайте знания, их свет, освобождайте вас и ваших детей от этого бедственного положения, в котором вы оказались из-за своего невежества...»

¹ ('Али ал-Гумуки). Ислам и агенты русского правительства // Джаридат Дагистан. 9 августа 1917. № 29. С. 3–4.

² 'Али ал-Гумуки. Две разные политики // Джаридат Дагистан. 15 июня 1917. № 23. С. 2–3.

Далее Али Каяев пишет, что многие из дагестанцев были введены в заблуждение этими приукрашиваниями, предполагая, что дело обстоит так, как говорило царское правительство. Однако, заключает А. Каяев, его цель была не в открытии новых школ, не в больших ежегодных затратах, как оно упоминает и напоминают их поборники из среды дагестанцев. Они не знают, пишет А. Каяев, что под этим райским медом смертельный яд, уничтожающий корни их рода, религии, языков. И введенные в заблуждение дагестанцы предъявляют спрос на эти школы и наполняют их своими детьми и внуками.

Сторонники же второй политики, считает А. Каяев, — это население Баку, Гянджи, которые вменили себе в обязанность отуречивание всего населения Дагестана. Не имея возможности говорить об этом открыто в период царизма, пишет А. Каяев, они после его свержения стали проводить эту политику все настойчивей, говоря, что если дагестанцы сделают турецкий язык языком обучения в своих школах, то они не отойдут от своих основных языков, не отвергнут их, не станут турками, а останутся такими же по происхождению, нациям и языкам¹. Али Каяев отвечает им: «Мы говорили им точно так же, как говорили поборники русских школ, когда покоряли нас, их сердца и слова похожи, едины их взгляды, нет сомнения, что в ближайшее время никто не отуречится, однако пройдет длительное время с наличием такого обучения, пройдут годы, и займет язык обучения место в сердцах обучающихся, и забудут обучающиеся свои родные языки...» Другие говорят, пишет далее А. Каяев, что нет у народов Южного Кавказа какой-либо цели в отуречивании народов Дагестана, а цель их — в распространении знаний, наук и цивилизации среди них.

Мы им также отвечаем, пишет в ответ А. Каяев, что нам точно так же говорило самодержавное правительство, что нет у них других целей, кроме как пробудить народы Дагестана от сна невежества — распространить знания среди них. Если это так, спрашивает А. Каяев, то почему оно не разрешало открывать школы на местных языках, а разрешало только в том случае, если обучение было только на русском. Точно так же вели себя, считает Али Каяев, поборники других языков. Так, например, нефтепромышленник Тагиев жертвовал огромные суммы на подготовку учителей турецкого языка в Дагестане и не давали *филса* (ни гроша), если обучение было не турецкому языку. Как же быть, спрашивает А. Каяев, если

¹ 'Али ал-Гумуки. Две разные политики (окончание) // Джаридат Дагистан. 22 июля 1917. № 24. С. 3-4.

мы отбросим русский, чтобы не обрусеть, и турецкий, чтобы не отуречиться? Какой же язык выбрать в качестве языка обучения, если нет у дагестанцев других языков, кроме русского, турецкого и арабского? А если дагестанцы боятся русификации, отуречивания, почему им не бояться в той же мере арабизации, если арабский язык будет введен в начальных школах в качестве языка обучения? Далее он сам отвечает, что у него нет цели в отталкивании от какого-либо языка и призывать к какому-либо. Цель его — уделение внимания каждой нации, каждая из которых призывает к своему языку, чтобы дагестанцы не были подобны животным, которых ведут люди, а они не знают, куда их ведут.

В первую очередь, считает А. Каяев, надо, чтобы начальное обучение было на дагестанских родных языках, чтобы дагестанские (родные) языки утвердились в молодых сердцах, чтобы они знали, кто они, а кто другие. Когда родной язык утвердится, то пройдет страх перед обрусением, отуречиванием или арабизацией. А затем их можно обучать и арабскому, и турецкому, и русскому, и всем западноевропейским языкам.

Таким образом, Али Каяев еще в 1917 г. высказывался за введение родных языков в школах начального обучения, тем самым предвосхитив решение июльского 1930 г. пленума обкома партии о введении родных языков в школах I ступени¹.

1.5. Женский вопрос

Среди проблем, волновавших дагестанских просветителей, был и женский вопрос. Это было неизбежно, потому что они мечтали о новом обществе и новом человеке, а в начале жизненного пути нового человека — мать.

В последней четверти XIX — начале XX века отмечается всплеск интереса к женскому вопросу. Газета «Джаридат Дагистан» также не могла обойти его вниманием. Али Каяев писал, что «женщины — это начальные школы для детей и первые учительницы для своего потомства»². Он считает, что рационалистические и исторические науки просвещают, очищают их умы от всяческих вымыслов и иллюзий и пробуждают их для счастливой жизни. Ве-

¹ Магидов Ш.Г. Проблемы языка обучения и письменности народов Дагестана в культурной революции. Махачкала, 1971. С. 52.

² 'Али ал-Гумуки. Обучение женщин письму // Джаридат Дагистан. 6 февраля 1916. № 6. С. 4.

личайшее бедствие, с сожалением пишет он, что среди дагестанцев есть люди, которые считают, что занятие женщины наукой является величайшим грехом, что не простительно никому. Обучение их чтению и письму они считают явным грехом, а пребывание их в невежестве и незнании обо всем на свете — обязательным предписанием шариата. Упаси боже от этого, с возмущением пишет Али Каяев, чтобы божественный шариат был ниспослан, чтобы распространять невежество, глупость и заблуждение.

Высказывают мнение, рассуждает далее Али Каяев, что обучение письму якобы развивает у женщин порочные качества. Но если это так, резонно замечает он, это относится в такой же мере и к мужчинам, почему тогда этот запрет не распространяется и на них тоже. В конце статьи Али Каяев приводит имена выдающихся женщин-поэтесс, писательниц, добившихся высот в науках и приумноживших славу рода человеческого.

В статье, посвященной решениям, принятым на Кавказской конференции в г. Баку, говорится об обучении женщин и повышении уровня их знаний, как и мужчин, открытии для них специализированных школ и воспитании в них таких качеств, как скромность, добродетельность, нравственная чистота, формировании у них высокой культуры, чтобы соответствовать современной цивилизации, так как они — большая часть человечества, ибо невозможно построить цивилизованное общество, если половина человечества будет неграмотна¹.

Говорится, что не упорядочится жизнь между супругами в семье иначе, если они не будут одинаковыми или близкими в воспитании и в знаниях друг другу. Если один из них будет высокообразованным и высококультурным, а другой крайне низкого уровня образования и воспитания, — какое же расстояние будет между ними и как трудно будет общение, дружба и близость между ними. Это единственная причина того, что выпускники русских школ из среды мусульман отворачиваются от необразованных и беспечных мусульманок и имеют влечение к русским девушкам и др., образованным подобно им.

Затем, говорится в статье, женщины — вместе с тем домохозяйки, управительницы и учителя, воспитательницы детей на заре их юности, и, вне всякого сомнения, насколько будет воспитатель и учитель выше и способней в воспитании и образовании, несомненно, и обучение будет лучше. В заключение статьи говорится, что в

¹ Обучение и воспитание женщин. Решения Кавказской конференции в Баку // Джаридат Дагистан. 4 мая 1917. № 17. С. 2.

шариате нет ничего, что запрещает обучение женщин, воспитание их культуре, приводится высказывание Пророка: «Поиск знаний — есть обязанность каждого мусульманина и мусульманки».

В другой статье, посвященной также решениям Кавказской конференции в г. Баку, упоминаются пункты о необходимости открытия рядом с обычными школами школ, где обучали бы девушек кройке, шитью, вязанию, ткачеству и другим женским занятиям¹.

В статье², посвященной проблеме равноправия мужчины и женщины в разводе, Али Каяев пишет, что большевики в своих официальных новостях сообщают, что право развода должно быть в руках женщины наравне с мужчиной. И признают только брак по закону, который заключают муж и жена по взаимному согласию, и не обращают (т.е. большевики) внимания на брак церковный (или шариатский), который заключает священник (или *кадий*) в церкви (или в мечети). Это они делают, пишет он, чтобы уменьшить влияние церкви на людей, с одной стороны, и расширить пределы свободы и ее распространения — с другой. Они считают, что у женщин должна быть такая же свобода в этом, как и у мужчины, и считают произволом, если женщина под подчинением мужчины, когда у нее нет путей, чтобы избавиться от его жестокости и плохого обращения с нею. Говорят, что если женщина — тоже человек и потомок Адама, то и у нее должны быть такие же права, как у него. Это коротко, суммирует Али Каяев, что говорят большевики, только неизвестно, касается это только христиан или мусульман.

В ответ на это и на то, что многие упрекают: ислам — религия цивилизации и полной свободы, исламский шариат отвечает всем потребностям человечества и берет на себя труд и ответственность в решении всех земных и потусторонних проблем — как же случилось, что он не решил и проявил ограниченность в таком важном вопросе и отдал его целиком в руки мужчин, Али Каяев пишет, что все дело в ограниченности понимания и кругозора женщины, поспешности ее к разводу и расставанию по малейшим причинам, без учета последствий этого.

В статье он приводит последствия уравнивания мужчин и женщин в правах в развитых странах, где 80 % разводов происходит по вине женщин и только 20 % — по вине мужчин. Что же говорить тогда о менее развитых странах, резонно спрашивает он.

Исходя из этого, пишет Али Каяев, исламский шариат предоставил право развода мужчине, но не предоставил женщине и де-

¹ Решения Кавказской конференции в Баку // Джаридат Дагистан. 11 мая 1917. № 18. С. 2.

² 'Али ал-Гумуки // Джаридат Дагистан. 19 января 1918. № 1. С. 3–4.

легировал при этом дело развода от мужа двум третейским судьям (с его и ее стороны), вменив им в обязанность развести их, если они усматривают, что не восстановятся единодушие, симпатия и любовь между ними. Али Каяев добавляет, что исламский шариат был ниспослан только для защиты от гнета и устранения его корней, притеснения и запрещает мужу причинять жестокие побои жене.

Еще три статьи¹ посвящены решениям конференции женщин, собравшихся в г. Казани для обсуждения и решения некоторых своих вопросов.

Приводятся некоторые высказывания участниц конференции: лицо и кисти рук не являются частями тела, которые следует прикрывать в отличие от остальных частей тела, в подтверждение чего приведены *аяты* Корана; шариат категорически против многоженства, позволяя его только для того, чтобы приютить сирот; многоженство обуславливается многими условиями, которые трудно супругам исполнять, важно устранение споров и раздоров между супругами с помощью двух третейских судей; должно быть окончательно запрещено многоженство по шариату, в подтверждение этого — *аяты* из Корана: «Вы не можете быть справедливыми по отношению к женщинам!» и «Если Вы боитесь, что будете несправедливы к ним, то женитесь на одной!»; посещение женщинами мечетей — их неотъемлемое право, предоставленное по шариату, но некоторые отвергают такое право. После обсуждения конференция утвердила такие решения:

- шариат относится одинаково к мужчине и женщине;
- шариат не запрещает женщинам участвовать в выборах и общественно-политических движениях;
- нет паранджи (укрывание покрывалом) в исламе;
- права мужчины и женщины в доме одинаковы;
- мужчина и женщина при вступлении в брак должны предоставлять свидетельства о медицинском обследовании;
- мужчина при вступлении в брак должен взять на себя обязательство, что он не женится на другой, а если женится, то должен развестись с первой и обеспечить ее материально;
- надлежит записать в книге регистрации, что у женщины есть право расторжения брака, если у нее возникнет такая необходимость;
- при разводе дети должны оставаться у женщины, а отец должен обеспечивать их материально до достижения совершеннолетия;

¹ Мир женщин. Комментарий и ответ редакции // Джаридат Дагистан. 18, 25 мая и 1 июня 1917. № 19; 20; 21. С. 3–4; 4; 4.

следует распространять среди всех женщин знания всеми возможными способами;

надо создавать детские дома, интернаты и приюты для детей, которые не достигли возраста обучения.

В ответе редакции говорится, что вопрос, закрывать ли женщинам свое лицо, противоречив, на этот счет было много споров ученых как в прошлом, так и в настоящее время. Так, имам ал-Джувайни¹ (ум. 1085) писал, что мусульмане единодушно решили запретить выходить женщине с открытым лицом. Напротив, другие писали, что не следует им делать этого, и приводится пример имама ан-Навави² (ум. 1277), который считал, что женщине, когда она идет по улице, не следует закрывать лицо, это сунна (т.е. желательно, но не обязательно), а мужчине не следует смотреть на нее. Ибн Хаджар ал-Хайтами³ (ум. 1565), представитель позднейших *шафиитов*, занимает срединное положение в этом вопросе и говорит, что укрывание покрывалом своего лица не обязательно для женщин, но следует делать это, если *имам* запрещает открывать лицо, и не следует делать этого, если *имам* позволяет находиться с открытым лицом, исходя из общественных интересов. Это положение имело различное решение в разные эпохи. И это правильно, считает автор редакционной статьи, доказательство этому есть в Коране, иначе то же самое следовало бы применять в отношении мужчин, чтобы женщины не смотрели на них.

Вреда от укрывания лица больше, чем пользы. Далее в качестве примера он приводит случаи, когда мужчины, переодевшись в женскую одежду, проникали в дома женщин, а все думали, что это их подружки или служанки.

Вред также в том, считает он, что женщина может из-под своего покрывала рассматривать любого из мужчин, кого она захочет, чего она не сделает без покрывала. И, суммируя сказанное, он пишет, что если в женщине есть скромность и стыдливость, зачем скрывать ее под покрывалом, а если их нет, то не поможет никакое покрывало.

В отношении многоженства, продолжает комментировать автор, цели шариата здесь иные и более глобальные. Первая — это то, что женщин во все времена было больше, чем мужчин, и запрет многоженства привел бы к тому, что многие женщины остались бы без мужей, ухудшилось бы их положение, и они были бы вынуж-

¹ Имам ал-Харамайн, ал-Джувайни (1028–1085) — видный представитель аш'аритского калама, учитель ал-Газали.

² Ан-Навави — хадисовед, хафиз.

³ Ибн Хаджар ал-Хайтами — шафиитский факих (знаток мусульманского права).

дены заниматься запретным. Далее, пишет он, известно, что много мужчин умирает во время войн, а женщин — ни одной. И поэтому есть опасность вырождения потомства, что вынуждает к разрешению шариатом многоженства. Как это случилось в Англии, где в последнюю войну погибло очень много молодых юношей, остались только старики и дети, и английский парламент, принимая это во внимание, решил издать закон, разрешающий многоженство. Посмотрите, восклицает автор статьи, на мудрость исламского шариата, когда люди, наиболее враждебно относящиеся к шариату, вынуждены признать его заповеди.

Затем, пишет автор статьи, женщина бывает бесплодной, а мужчина хочет иметь детей. И нет у него другого средства достичь этого, поэтому он вынужден жениться на другой или развестись с первой, а это (женитьба во второй раз или развод) не любят женщины и те, кто называет себя «просвещенными».

Что касается медицинского освидетельствования, то шариат разрешает расторгнуть заключенный брак, если кто-либо из супругов болен проказой. Следует добавить сюда, считает автор, что в последнее время имеет место распространение различных венерических и других заболеваний вследствие легализации проституции с разрешения этих «просвещенных», которая освобождена от всяческого порицания и наказания. Между тем вреда от них здоровью женщины намного больше, чем от проказы.

А насчет того, что нужно запретить мужчине жениться на другой, то не помогут здесь женщине ни правосудие, ни шариат. Как совестливая женщина может запретить мужчине жениться на другой, если она знает, что многие из ее сестер могут остаться без мужей, замечает Каяев. Конечно, женщина может поставить в брачном договоре условие неженитьбы супруга на другой, соглашается он, но мужу, как заключила группа *факихов*, предоставляется право сделать это по своему усмотрению.

И в заключение автор считает целесообразным разъяснить вышеприведенные *аяты* Корана: «Если вы боитесь, что будете несправедливы к женщинам, то женитесь на одной!» и «Вы не можете быть справедливыми по отношению к женщинам!». Первый *аят*, автор считает, следует комментировать так: если вы боитесь не быть равным к женам в одежде, затратах, жилье, то надлежит жениться на одной. Здесь запрета нет, и это условие выполнимо многими из людей. Второй *аят* следует понимать так. «Вы не сможете быть равными в любви и влечении сердца ко всем женам, т.е. условие, невозможное для человека, но, однако, отсюда не следует запрет жениться на второй жене.

Иначе какой смысл наличия в Коране третьего *аята* — «Женитесь, если вам нравится, и дважды, и трижды, и четырежды!» — заключает автор редакционной статьи.

Хотя по некоторым вопросам, таким как равенство супругов в браке, многоженство, редакция газеты придерживалась традиционных исламских взглядов, однако газета была открыта и для выражения других точек зрения, связанных с женской эмансипацией, общим всплеском интереса к женскому вопросу и положению женщины в обществе в этот период. Это было связано также и с приверженностью Али Каяева, как редактора газеты, идеям исламского модернизма.

§ 2. Адаты

Адат — обычай, пережиточные нормы доисламских правовых комплексов, а также реалии правовой жизни, не отраженные шариатом. Нормы адата могут значительно расходиться с шариатом, выступая как альтернатива и даже совсем оттесняя их. Например, наследование по женской линии и другие обычаи матриархального характера у туарегов, обычаи кровных обязательств у многих народов Кавказа¹.

После появления арабов в Дагестане ислам хотя и быстро распространился, но не был принят дагестанцами во всей своей полноте. Несмотря на жестокий фанатизм арабов, не терпевших никакого противоречия Корану, дагестанцы сохранили суды по адатам, т.е. обычаям, существовавшим до прихода арабов. Так как с принятием ислама появились новые понятия и новые отношения, для которых старые адаты были уже несостоятельными, судопроизводство по необходимости распалось на суд по шариату и суд по адату. По шариату стали решать все дела, касающиеся религии, семейных отношений, завещаний, наследства. Дела же уголовные, по нарушению права собственности, общественных постановлений продолжали решаться по прежним адатам².

Середину между судом по адату и шариату заняло решение некоторых гражданских дел по *маслиату*, т.е. мировой сделкой с помощью посредников, избранных тяжущимися сторонами.

Главные причины сохранения суда по адатам были следующие:

1) Слишком строгие наказания, определяемые Кораном, даже за преступления, считавшиеся, по понятиям дагестанцев, маловажными (воровство, скотоложство и др.). Поэтому для приведения в

¹ Халидов А.Б. Адат // Ислам: Энциклопедический словарь. М., 1991. С. 13.

² Комаров А.В. Адаты и судопроизводство по ним // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1868. Вып. 1. С. 5.

исполнение этих наказаний нужна была сильная власть, которой в вольных обществах Дагестана никогда не было. В тех же частях края, где арабы поставили правителей, сохранение адата было выгодно для самих правителей, которые, не имея вначале достаточной силы и средств для уничтожения суда по адату, впоследствии сами нашли в нем поддержку и упрочение своей власти. Штрафы, взыскиваемые с виновных при решении дел по адату, составляли для правителей немаловажный источник дохода, возможность установить новые адаты и решать по ним многие дела, не стесняясь постановления Корана, давала им могущественное средство упрочивать свою власть и ослаблять влияние на народ духовенства, по духу ислама всегда враждебного к светской власти.

2) Изучение Корана и вообще мусульманского законовещения, довольно запутанного, представляло даже для людей, исключительно посвятивших себя этому, непреодолимые затруднения, тогда как применение адата не требовало особых познаний, и всякое дело, на которое нет прямого решения в шариате, легко решалось по адату большинством голосов¹.

Адаты в Дагестане наследовались от старшего в роде к старшему в семье, от своих дедов и отцов. Они были стержнем существования народов Дагестана в мирской жизни. Степень уважения народов Дагестана к своим адатам можно проследить на таком факте, приведенном в газете «Джаридат Дагистан»: «... когда появился шейх Шамиль и начал жестоко преследовать адаты и тех, кто следует им и приобретает какие-либо книги по адату, один мужчина из народа «авар» спрятал книгу адатов, унаследованную им от своих отцов, в корнях дерева и оставил ее там, насколько повелел ему Аллах; и когда шейх Шамиль был пленен и ослабла его мощь, этот мужчина вынес эту книгу к людям и подарил ее жителям своего села, а они радовались ей и благодарили его за это»².

Статья Али Каяева³ касается адата, распространенного среди населения Кази-Кумуха и связанного с завещанием, которое делает завещатель при смерти или до этого, согласно которому он завещает то, что ему удастся завещать из своих средств в большом или малом количестве. Несомненно, считает Али Каяев, что это красивый адат, представляющий собой то, к чему побуждает шариат, если бы только уделялось внимание распределению завещанных средств на нужды и интересы бедняков и несчастных и не отдавалось бы

¹ Комаров А.В. Указ. соч. С. 6.

² Наши горские суды // Джаридат Дагистан. 14 января 1913. № 2. С. 3–4.

³ 'Али ал-Гумуки. Неправильное расходование средств в Кази-Кумухе // Джаридат Дагистан. 27 сентября 1917. № 38. С. 4.

предпочтение ложным адатам. Однако, по мнению Али Каяева, распределяют большую часть из них среди домов квартала завещателя, в равной доле среди самых богатых, которые не испытывают нужды в милостыне и завещанных средствах, и среди самых бедных, у которых нет ничего, кроме этой милостыни. Не распределяется также милостыня среди бедняков другого квартала, и не раздают им ничего из этих завещанных средств, если бы они даже были самыми нуждающимися в них. Быть может, пишет далее Али Каяев, пекут хлеб из этих средств, варят мясо или мармелад и посылают одну треть в мечеть квартала завещателя во время захода солнца, и распределяется там среди присутствующих из взрослого населения в равной степени среди бедняков и богатых, не распределяя ее среди тех, кто не живет на территории квартала, даже если они были бы беднейшими из людей. Не распределяют их также среди тех, кто не достиг зрелого возраста, если даже они сироты и нет у них опекуна или они дети из беднейших слоев, которые не приходят на молитву и которые нуждаются во всякой милостыне и добре. Не является возраст, считает Али Каяев, препятствием для получения милостыни и завещания, и не распределяются таким людям завещанное и милостыня, а ведь это сердцевина вопроса милостыни и расходования ее на то, что велел Аллах Всевышний, и бесполезное расточение завещанных средств.

А иначе какой смысл для завещателя (покойного) завещать свои средства богачу из своего квартала, обладателю огромного богатства, в качестве милостыни, в которой он не нуждается, и лишать милостыни бедняка, нуждающегося, но живущего в другом квартале. Если бы люди, резонно рассуждает Али Каяев, собрали завещанное в одном месте и расходовали его, распределяя его среди бедняков, несчастных в равной степени, являются ли они из квартала завещателя или из другого квартала и деревни, и распределяли бы его в общих интересах, то это было первой насущной потребностью для них и наиболее полезно для покойного (завещателя), а также для бедных и несчастных. Или бы основали благотворительное общество и отдали бы туда все завещанное, *закат* и иные пожертвования, которые делают отдельные лица, улучшив таким образом положение бедных или несчастных, и построили бы на то, что в избытке, школы, хотя бы маленькие, как сделали это другие не у нас, то это было бы самым насущнейшим и самым полезным делом.

У газикумухцев, продолжает Али Каяев, есть другой адат, который является если не более постыдным и гадким, то подобен ему по отвратительности. Это адат завещать умирающим денежные

суммы на чтение Корана на своей могиле или на могиле другого и нанимание чтеца Корана для этого.

Али Каяев убежден, что это есть обман, мошенничество по отношению к Корану, выражение пренебрежения к нему и использование его не в тех целях, для которых он (Коран) был ниспослан Аллахом Всевышним. В таком случае, считает Али Каяев, аннулируется завещание, а нанятый чтец Корана совершает грех, не говоря уже о получении воздаяния с тем, чтобы посвятить его или подобное ему покойному и заслужить взамен этого воздаяние. Это подобно намерению молиться или держать пост и не ради Аллаха Всевышнего, а в земных целях. Известно, считает Али Каяев, что это, если не является чистейшим безбожием или язычеством, то, во всяком случае, запретно согласно единодушному мнению ученых. И совершает грех делающий это, как сказал ал-Газали¹ (ум. 1111) в своей книге «*Фатихат ал-'улум*» («Открывающая науки»). И это касается всякого чтения Корана за компенсацию, безо всякой разницы. И как, считает Али Каяев, покойный получит воздаяние, как он извлечет пользу из чтения Корана, если само чтение Корана является грехом для чтеца Корана? Как пишет аш-Шафи'и² (ум. 820), не получит покойный воздаяния от того, что прочитано для него, если чтение было за расчет с Аллахом Всевышним в обмен за земные блага. А что касается высказываний сподвижников аш-Шафии позднейшего периода о разрешенности нанимать чтеца для чтения Корана, считает Али Каяев, то упоминания об этом нет ни в Коране, ни в сунне, а есть аргументы, противоположные этому.

Самое отвратительное и самое постыдное, продолжает Али Каяев, что совершают некоторые люди нашей эпохи в нашей стране, — это то, что продолжают придерживаться обычая замены не совершенных покойным при жизни молитв определенным количеством дирхемов.

Это происходит таким образом. Созываются те ученые, кто имеет желание участвовать в этом, их усаживают в одном месте. Затем один из них или кто-либо другой идет по кругу (в руке у него дирхемы и динары в куске тряпки или платке) и говорит, вручая деньги одному из сидящих: «Я заплатил тебе это в искупление молитв, которые не совершил такой-то в течение своей жизни. Ты принимаешь их?» Отвечает тот, кому платят: «Принял», — и берет их. Затем возвращает их тому, кто дал ему их, говоря: «Я дарю их тебе». И тот берет их у него обратно. Затем он отдает их друго-

¹ Ал-Газали (1058–1111) — крупнейший теолог, философ и *факих-шафиит*.

² Аш-Шафии (767–820) — *факих, мухаддис* (хадисовед), основатель шафиитского *мазхаба*. Его основное сочинение «*Китаб ал-Умм*».

му, и тот, третий, возвращает их так же, и так далее по кругу. Это, без всякого сомнения, считает Али Каяев, обман и мошенничество по отношению к религии и нечто, выходящее за пределы разума. У древних ханафитов, пишет Али Каяев, был обычай вычитания молитв, не совершенных покойным при жизни, раздачей милостыни за каждую несовершенную молитву, если эта раздача идет в искупление этих молитв. Это приемлемо, считает он. Об этом же пишет ал-Багави¹ (ум. 1122) из *шафиитов*. Однако это требует немалых денег, которые есть только у богатых людей.

Из-за этого, пишет Али Каяев, некоторые выдумали хитрость, полагая, что тридцать, сорок, сто рублей заменят соответственно тридцать тысяч, сорок тысяч и сто тысяч рублей. Откуда у простых людей такие деньги? — спрашивает Али Каяев. Аллах Всевышний знает, пишет он, что платящий и дарящий лгут, когда говорят: «Я заплатил» и «Я подарил». А платящий не платит второму, чтобы то, что он заплатил, стало собственностью другого, а этот второй, дарящий бедняк, — не из тех, кто дарит даже один рубль, не говоря уже о десятках, сотнях и тысячах. Если бы знал тот, кому дарят эти деньги, что они остаются ему, то отправился бы с ними восвояси, радостный и довольный. Какая легкая и полезная хитрость, — с возмущением отвечает А. Каяев на письмо Абдулкерима Байбекиева², сообщающего о сохранении *имамами* Майкопа обычая «круга», что якобы отказ от него будет поводом для внесения сомнения в дела веры среди простых масс.

Али Каяев считает этот адат ересью, который выдумали сами *факихи*. Ничего об этом не говорится ни в Коране, ни в сунне, не упоминал об этом никто из сподвижников Пророка и его последователей, не писал об этом никто из четырех *имамов*. Иначе, убежден Али Каяев, это будет поводом для пренебрежительного отношения людей к делам веры. Ибо если люди, особенно молодежь, узнали бы, что 30 и 40 рублей, завещанных при смерти, занимают место молитв за всю жизнь, то это не только увеличило бы их пренебрежение к молитвам, — они забросили бы их вовсе.

Дагестанцы порой убивали за малейшие проступки по адату, но не делали так в отношении того, кто действительно заслуживал этого по шариату³. Хаджи Дервиш Мухаммад из села Инхо пишет о

¹ Ал-Багави (ум. 1122) — шафиитский *факих*, имел звание «*худжжат фи-л-хадис*», один из комментаторов Корана.

² Абдулкерим Байбекиев и ответ Али Каяева // Джаридат Дагистан. 30 апреля 1916. № 18. С. 4.

³ Комаров А.В. Указ. соч. С. 55; Леонтович Ф.И. Адаты кавказских горцев. Одесса, 1883. Вып. 2. С. 140–141, 223.

случае, когда убивают по адату за то, что коснулся рукой иноверки на рынке на виду у всех¹.

Среди дел, касающихся приверженности дагестанцев адатам и наносящих им огромный вред, Хаджи Дервиш Мухаммад называет пожертвования сельчан после смерти, т.е. когда умирает дагестанец на равнине или в горах, то пожертвования бывают не менее двухсот и более рублей. Иной раз доходит до четырехсот и пятисот рублей. А школы и мечети, сравнивает он, подобны развалинам, нет в них ни учителей, ни ковров, ни ламп, нет ученых из-за низкой оплаты их труда и малого уважения к ним со стороны людей. Все пожертвования расходуются обычно на приготовление еды, которая по большей части идет на корм скоту. Никто не завещает ничего из того, что остается, в интересах школы, для студентов, на обучение детей правильному чтению Корана (*таджвиду*), для создания благотворительных обществ, чтения *маулидов*, на исследование духовных проблем.

Количество денег, жертвуемых по завещанию в с. Инхо, за 55 лет, где количество домов приближается к двумстам, составило 55 тыс. рублей, согласно подсчетам Хаджи Дервиш Мухаммада. В Гумбетовском округе сумма пожертвований с 17 селений на эти цели составила 1 млн рублей из расчета 200 рублей на одного умершего, без учета того, что собирается каждый год на *садака* (милостыню) с живых людей согласно сунне. Если бы за эти деньги люди купили загоны для скота на равнине, замечает автор, полезную недвижимость в горах, чтобы расходовать крайне ревностными из этих деревень на вышеуказанное (т.е. школы, благотворительные цели. — А. Н.), то улучшились бы их духовные и мирские дела, и стали бы богачи в их руках гарантами добрых дел до Судного дня. Однако, пишет Хаджи Дервиш Мухаммад, они, т.е. мусульмане Дагестана, говорят, «что они застали своих отцов таковыми, каковы они были, и будут следовать им, если бы они даже были бы глупцами и не разумели ничего».

Ильяс ал-Балгази из Черкесии² пишет об адате раздачи милостыни за покойного. Например, умирает один из черкесов, и его родственники вынуждены, согласно адату населения округа, раздавать милостыню от его имени после смерти. Родственники режут барана или двух, 25 маленьких живностей (птиц, кур, индеек), готовят роскошные яства каждого вида, стремясь к изысканности

¹ Хаджи Дервиш Мухаммад. Письмо в редакцию // Джаридат Дагистан. 4 июня 1916. № 23. С. 4.

² Ильяс ал-Балгази (из Черкесии). Адаты черкесов // Джаридат Дагистан. 24 мая 1914. № 20. С. 3.

при их приготовлении. Приглашают жителей деревни и распределяют еду среди них, ставя перед каждым из них двойную порцию, расстилают посреди двора циновку и ставят на нее еду, чтобы видели ее люди. И смотрят люди на еду и говорят: «Как прекрасна милостыня такого-то!» Затем рассаживаются их старейшины и ученые в доме, а юноши — снаружи дома, и сидят рядами младшее поколение, как мужское, так и женское. Сначала распределяют еду среди шейхов и ученых, поят их напитками, затем распределяется между остальными то, что осталось. Затем все возвращаются домой, неся свои доли, а делящие распределяют то, что выделено для них. И называется эта милостыня у них «*хад'ус*», обозначая этим еду для покойного. Они лицемерно выполняют этот адат, только из престижа, чтобы не упрекнули их, если они не будут следовать ему согласно адатам, бытующим среди них. Если бы ученые и *имамы* деревень посоветовали людям в этом, сетует автор статьи, и приложили бы усилия в искоренении этого адата, чтобы он исчез из их жизни навсегда, как канули в лету подобные этому адаты других народов, с тем, чтобы освободились их последователи из бедняков из плена этих адатов и сохранили свои деньги и имущество от растрат и потерь, следуя ложным адатам, о которых нет упоминания ни в Коране, ни в сунне.

Адат раздачи милостыни за усопшего был распространен и среди осетин¹. В статье² из газеты «Кавказ» сообщается о таком адате, который соблюдают осетины и сегодня и который они унаследовали с тех пор, когда были язычниками и поклонялись идолам. Этот адат распространен в их южных селах и называется ими «*хистэ*». Причина возникновения и основа этого мерзкого и безобразного адата заключаются, по мнению автора статьи, в следующем. Во-первых, они убеждены в том, что мертвецы едят, пьют в своих могилах, одеваются, наслаждаются всем тем, что раздают в виде милостыни после их смерти. Во-вторых, они веруют в то, что мертвецы расходуют в своих могилах, приносят пользу и вредят тому, кому хотят, из живых людей. И поэтому, когда умирает кто-либо, его родственники прилагают все усилия, стараясь угодить ему и оградиться от его гнева по отношению к себе. Предшественники из осетин, пишет автор статьи, увеличивали количество этих *садака* — милостыней и растягивали их на целый год. Поздние же из представителей осетин сократили их. Однако, вместе с тем, их достаточно, чтобы ввергнуть любого со средним достатком осети-

¹ Леонтович Ф.И. Указ. Соч. Одесса, 1883. Вып. 2. С. 53–55.

² Из газеты Кавказ // Джаридат Дагистан. 26 октября 1913. № 43. С. 3–4.

на в группу бедняков-просителей. В итоге все их затраты составляют 500–600 рублей, которые они считают пустяком, если избавить себя от стыда перед людьми (в том, что мало раздали *садака*).

Автор статьи пишет, что за два года до этого люди, поняв безобразность и неверность этого обычая, собрались для его обсуждения и упразднения, написали книги в связи с этим и в поддержку тех, кто работает согласно этому адату. Однако все написанное осталось на бумаге, сокрушается автор. Он считает, что ученые, священники могут упразднить этот адат, от которого чистейший вред. Однако они не делают этого и продолжают следовать за своим простым невежественным народом, поступая во всем так, как поступает он.

На Кавказе имел повсеместно распространение также обычай ранних браков¹. В статье, опубликованной в газете², сообщается, что мусульмане до этого женили своих сыновей, когда те были маленькими, не ограничивая их возрастными рамками. И теперь, когда обнаружилось, что это вредит им, они начали прилагать усилия для отмены этого обычая. В письмах правителей областей в департамент религиозных сект и религий сообщалось, что мусульмане, находящиеся под защитой Русского государства, хотят ускорить решение этого вопроса. Они требуют запретить заключение брака до исполнения 16 лет. Такие письма и прошения приходили от населения Южного и Северного Кавказа, где этот обычай был сильно распространен. Так, население Ногая решило штрафовать 5 рублями того, кто вступил в брак до 16 лет, причем не только вступивших в брак, но и тех, кто зарегистрировал такой брак, и особенно тех, кто не является *кадием* из числа *улемов*.

Широко был распространен среди дагестанцев и обычай уплаты *махра*³. О нем автор статьи⁴ в «Джаридат Дагистан» пишет, что, по мнению одних, *махр* — это цена женщины, по мнению других — это не так, муж платит *махр* в компенсацию приданого невесты, которое готовят ее родители. Во всяком случае, считает автор статьи, преувеличение в этом вопросе навлекает на людей беды и величайшие трудности: очень трудно для горца исполнение того, что вменяется ему по *махру*. Он вынужден идти на преступление,

¹ Леонтович Ф.И. Указ. соч. Вып. 2. С. 67, 121–124, 169–170, 204, 253–257; Ковалевский М. Закон и обычай на Кавказе. М., 1890. Т. 2. С. 179.

² Стремление мусульман упразднить обычай преждевременного брака // Джаридат Дагистан. 22 марта 1914. № 11. С. 4.

³ Леонтович Ф.И. Указ. соч. Вып. 2. С. 67, 121–124, 169–170, 204, 253–257; Ковалевский М. Указ. соч. С. 179.

⁴ Традиция преувеличения в махре // Джаридат Дагистан. 14 июля 1914. № 23. С. 3.

на которое, быть может, не пошел бы в другой ситуации. В результате он оказывается в тюрьме или высылается из страны за разбойные нападения и убийства, которые в большинстве своем бывают в различных областях Кавказа и возникают из-за того, что мужчины хотят выполнить то, что вменяется им в обязанность их женщинами из-за преувеличения в *махре*. Эти разбойники, грабящие и убивающие путников, прибегают к этому из-за неспособности выполнить условия *махра* иным путем.

Из-за этого, пишет автор статьи, некоторые уезжают в Америку, но не помогают им воздух и вода Америки, в большинстве случаев они гибнут там и не возвращаются на родину. А другие боясь ехать туда и вынуждены достигать этого одним из двух путей, известных у них, — набеги и обременение человека величайшими трудностями, которые он не может перенести. Некоторые прибегают к хитрости, продолжает рассуждения автор статьи: чтобы выйти из этого положения, они крадут силой девушек, на которых хотят жениться, из-за чего происходит между ними великая, нескончаемая вражда.

Несомненно, заключает автор статьи, горцы вынуждены часто прибегать к этому обычаю (*махр*), а получают выгоду от этого только те торговцы, которые продают все, что залежалось на рынках, на деньги *махра* по высоким ценам, а также те ученые, которые используют науку как ловушку, с помощью которой ловят деньги людей и подстрекают их к увеличению *махра*. Сегодня старейшины и самые знатные из них и ученые, пишет автор, начали упразднять этот обычай среди людей, в результате этого размеры *махра* стали уменьшаться день ото дня среди беднейших людей.

Например, на страницах газеты опубликовано письмо-обращение¹ собрания жителей осетинских сел правителям округа относительно этого вредного древнего обычая (обычая преувеличения *махра*) и принятых ими решениях по его ликвидации. Среди них — не должен превышать *махр* за девушку и вдову 200 руб., а за разведенную — 100 руб. и другие меры.

Среди безобразий черкесской общины — это чрезмерность в *махре* за своих дочерей, пишет Тимбулат ал-Кубаши² из Черкесии. Они забирают у своих женщин те огромные суммы, которые дают последним по *махру*, покупают на них мебель, предметы обихода и распределяют все это между своими родственниками и детьми.

¹ Собрание жителей осетинских сел Владикавказа // Джаридат Дагистан. 25 февраля 1913. № 8. С. 1.

² Тимбулат ал-Кубаши. Полезный совет // Джаридат Дагистан. 16 мая 1915. № 20. С. 4.

Адат, аналогичный этому, мы находим и у осетин¹. Сколько юношей, пишет автор статьи, которые хотят найти себе пару, и сколько девушек, которые хотят выйти замуж.

Однако приданое дорогое, препятствия многочисленны, они не находят девушек беднее себя и ниже по происхождению не иначе, как только за 300 или 1000 или более рублей, из-за чего трудно большинству из них достичь своих целей. Сколько юношей молоды и не женятся из-за отсутствия возможности уплатить обычный *махр*, а сколько дряхлых старцев женятся на молодых девушках («собирают урожай невинности»), которые ненавидят старцев из-за того, что у них много бриллиантов и драгоценных камней, которые затмили ум отцам девушек и ослепили их взоры.

Удивительнее всего, считает автор статьи, что черкесы не обращают внимания на то, что является в этих адатах скверным и порочным, а также их приверженность своему древнему невежеству и наследуемым заблуждениям. А что самое омерзительное, считает он, — это непонимание ими и самое страшное — неосмысление ими последствий своих деяний. В результате чего увеличивается среди них прелюбодеяние, распространяется злоба, а размер *махра*, между тем, увеличивается день ото дня. А прекрасные девушки живут безрадостной жизнью.

Сколько юношей, пишет автор статьи, приходит ко мне с жалобой, что не могут заключить брак иначе, как с помощью денег близких и дальних родственников. Если даже с помощью них и женятся, то порой остаются неспособными найти себе на пропитание, а если и найдут, то с величайшим трудом. А их девушки (т.е. черкешенки), считает Тимбулат ал-Кубаши, больше всех вызывают о помощи и жалуются, и каждая из них страдает в затруднениях и говорит, что если не найдут мужей в законном браке, то завладеют ими дьяволы людей и джиннов, они опустятся до того, что запретил Аллах Всевышний, и падут в долины «бесчестия и унижения». Они уповают только на Аллаха и считают, что они не могут пожаловаться на то, что с ними происходит, на правителей и представителей власти. Автор считает, что добропорядочные среди них (т.е. черкешенок) редки, и предлагает представителям власти, вождям нации и знатым людям спешить осмыслить эту ошибку, ибо только в этом добродетель и преграждение пути для отвергаемого.

Среди пороков черкесов, считает автор статьи, также их пиршества, на которых они расходуют все, что имеют, и не довольствуются тем, что соответствует их положению, а покупают

¹ Леонтович Ф.И. Указ. соч. Вып. 2. С. 58.

разные виды спиртного на все деньги, что имеются у них. Если же ничего не осталось, то занимают у других и покупают то, что хотят, терпят большие убытки и не находят затем, что тратить на своих детей и жен, и возникают между ними из-за этого ненависть и вражда.

В статье газеты¹ рассказывается о скором суде чеченцев. Дела наших горцев, т.е. чеченцев, пишет автор, рассматриваются в различных судах — окружном суде, судебной палате, мировом суде, общем суде примирения, горском суде, третейском суде. И судит каждый из них, оправдывает или приговаривает. Но никто из чеченцев, пишет он, не боится ни одного из этих судов и не принимает их во внимание, как ускоренный суд, который называется у них судом отцов. Не знает правду об этом суде никто, кроме самих чеченцев. А что касается самих чеченцев, то они знают, что это ужасный суд, который приносит ущерб кошельку осужденного, лишая всего, чем он владеет.

Этот ускоренный суд трех или четырех человек, — состоит из назначаемых так, чтобы они не были родственниками ни одной из сторон. Когда совершает кто-либо из чеченцев преступление, то его дело вначале направляется в суд, где его судят согласно закону. Когда родственники узнают, что выносится приговор и совершивший преступление должен быть осужден согласно закону, они прилагают все усилия для его оправдания, приводя свидетелей, даже лжесвидетелей, просят жертву не усиливать наказания и обещают ему компенсацию, которую он получит согласно решению ускоренного суда в отношении совершившего преступление. И остается доволен этим потерпевший, а преступник освобождается от юридического суда, и его дело оказывается в суде отцов. А суд отцов выносит решение по своему усмотрению и лишает преступника и его родственников всей движимости и недвижимости, которой они владеют. Не является это чем-то странным и удивительным, но, в любом случае, это осуждение — сдерживание ему подобных от совершения таких преступлений.

Обычай платы за кровь — *дийа* — также входил в число адатов, время которых давно уже прошло, но который оставался незабываемым и уважаемым дагестанцами². О таком обычае, который имел место среди казикумухцев, рассказывает Али Каяев³. Он пишет, что в Кази-Кумухе выкуп за убитого в 250 рублей установил

¹ Чеченский суд отцов // Джаридат Дагистан. 12 июля 1914. № 27. С. 3–4.

² Комаров А.В. Указ. соч. С. 31.

³ 'Али ал-Гумуки. Адаты Дагестана // Джаридат Дагистан. 15 февраля 1914. № 6. С. 3–4.

Сурхай-хан сын Мухаммад-хана за год до завоевания его земель русскими, когда люди считали огромной такую сумму в рублях. Им очень трудно было выплачивать эту сумму, а также у них на руках не было в это время русских денег, и они воздерживались от убийства. Причем, пишет Али Каяев, вышеупомянутый Сурхай-хан наказывал убийцу по шариату и брал выкуп только в том случае, если убийца был признан виновным, или у того, кто был прощен.

Сейчас же, считает Али Каяев, не трудна большинству людей высылка и не трудна выплата штрафа. Это полный застой и полное невежество, если не замечать изменений в мире и продолжать следовать этому обычаю, а не заменить его тем, что соответствует сегодняшней ситуации.

Среди адатов казикумухцев Али Каяев упоминает другой обычай, согласно которому обвиненный в убийстве должен поклясться 50 родственниками о своей непричастности в том, в чем его обвиняют. Этот обычай, по мнению Али Каяева, был установлен, когда люди боялись ложных верований и были искренними по отношению к своим родственникам. Эти времена прошли, считает он, мы пришли ко времени, когда люди не придают никакого значения клятве и не остерегаются ни лживой веры, ни лжесвидетельства. Люди знают, сколько пролито крови согласно этому проклятому адату, сколько душ загублено. А между тем, заключает Али Каяев, люди в Дагестане продолжают следовать ему. Даже спустя 50 лет после покорения народов Дагестана роль адатов в жизни дагестанцев не ослабла. Недаром в 1899 году главнокомандующий — князь Голицын приказал собрать адаты всех областей в одну книгу и напечатать их¹.

«...До второй половины XIX века ...обычное право перестало уже отражать существо новых отношений, складывавшихся в горском обществе. Потеря обычным правом господствующих позиций в горах Кавказа произошла после того, как закончилось политическое завоевание Кавказа Россией и развернулось его экономическое завоевание, что совпадает по времени с падением крепостного права в России и отменой рабства и крепостничества на Северном Кавказе. С этого времени социальные устои, на которых держалось господство обычного права в быту горцев, начали подрываться, Северный Кавказ стал с особой интенсивностью втягиваться в орбиту развития русского капитализма»².

¹ Наши горские суды // Джаридат Дагистан. 14 января 1913. № 2. С. 3–4.

² Гарданов В.К. Обычное право как источник для изучения социальных отношений у народов Северного Кавказа в XVIII — нач. XIX в. // Советская этнография. М., 1960. № 5. С. 28.

«Составляя в 40–60-х гг. XIX в. сборники адатов, царские власти имели в виду постепенно приспособить нормы обычного права кавказских горцев к законодательству Российской империи»¹. Царская администрация понимала, что в деле упразднения адатов и действующих на их основе горских судов нужна гибкая, постепенная и планомерная работа по ослаблению их влияния на людей, их воздействия на экономическую и духовную жизнь населения, по воспитанию на современных знаниях посредством открытия школ среди них, подготавливая население к упразднению адатов и замене их «справедливыми» законами. Она понимала, что до окончания этой подготовки принуждение следовать законам будет против его природы и особенностей его характера, а это нежелательно и чревато волнениями².

На совете во Владикавказе³ членами Государственной Думы совместно с *алимами* (знатоками мусульманского права) принимается решение о том, что замена горских судов общероссийскими возможна при условии, что в эти суды будут избраны группы народных заседателей из сельчан, присяжных заседателей, которые будут заседать в судах и высказывать свое мнение при принятии решения.

В суде должен быть судья по шариатским делам — шариатский *кадий*; указывалось на необходимость создать два шариатских управления: первое — в Дагестанской области, второе — на Северном Кавказе, чтобы можно было посылать туда дела на пересмотр, если стороны не удовлетворены решениями *кадия* по вопросам брака и развода. А что касается дел по наследованию и завещанию, по ним решения выносились бы судьями с учетом мнения *кадия* по шариату. Вопросы собственности решено было разбирать согласно адату.

Несмотря на столь осторожную политику царской администрации в этом вопросе, формирование общероссийских судов столкнулось с рядом трудностей. Как сообщал Государственной Думе министр юстиции И.Г. Щегловитов⁴, большинство присяжных заседателей не знали русского языка, во-первых, и часто встречающаяся вражда между их членами, во-вторых, не способствовала принятию ими справедливых решений.

В соответствии с приказом императора от 3 марта 1914 года и учитывая решение Совета членов Государственной Думы и *алимов* во Владикавказе о том, что при создании общероссийских судов в первую очередь надо обращать внимание на проблему территорий

¹ Гарданов В.К. Указ. соч. С. 20.

² Наши горские суды // Джаридат Дагистан. 14 января 1913. № 2. С. 3–4.

³ О горских судах // Джаридат Дагистан. 28 января 1913. № 4. С. 3–4.

⁴ О судах Кавказа // Джаридат Дагистан. 26 марта 1913. № 12. С. 2.

и, только решив ее, проводить реформы в этих судах, были образованы девять новых округов¹. Округа были разделены на участки, в каждом участке функционировало по нескольку судов. Все села были распределены по близлежащим судам. В соответствии с императорским указом от 12² и 23³ марта назначались новые судьи. Указ обязывал создание новой должности писаря в суде, ибо все судопроизводство велось теперь на русском языке⁴.

Для обеспечения качественного перевода царское правительство сознательно шло на увеличение расходов на эти цели. Так, например, было дополнительно выделено на нужды писарей и канцелярии в новых судах 12 млн рублей в год⁵. Была увеличена плата переводчикам, к работе в судах привлекались только те, кто знал местные языки.

Несмотря на то, что все преобразования и нововведения финансировались и проводились царским правительством, исходя из своих сугубо колониалистских устремлений, — для лучшего управления подвластными территориями, в целом упразднение горских судов и замена их общероссийскими имели для дагестанских народов прогрессивный характер.

¹ Официальный раздел // Джаридат Дагистан. 22 и 29 марта, 12 апреля 1914. № № 11, 12, 14. С. 1–2.

² Официальный раздел // Джаридат Дагистан. 29 марта 1914. № 12. С. 1–2.

³ Официальный раздел // Джаридат Дагистан. 12 апреля 1914. № 14. С. 1–2.

⁴ О письмоводительстве на русском языке в судах Дагестана // Джаридат Дагистан. 15 марта 1914. № 10. С. 3.

⁵ Неофициальный раздел // Джаридат Дагистан. 19 апреля 1914. № 15. С. 3.

§ 3. Астрономия

В связи с практической необходимостью мусульман в определении начала месяца Рамадан, 9-го месяца мусульманского лунного календаря¹, и связанного с ним поста, у дагестанцев возникало много вопросов по этому поводу на страницах «Джаридат Дагистан».

Статьи по данной теме предваряет статья Мухаммада Дибирова² из Темир-Хан-Шуры о лунном месяце. Он пишет, что лунный месяц есть один оборот Луны вокруг Солнца, начинаясь расхождением Солнца и заканчиваясь соединением с ним в одном градусе. Мухаммад Дибиров констатирует, что положение Луны во время соединения ее с Солнцем точно установлено и не изменяется ни с изменением горизонта, ни с изменениями времени года. А что касается видения Луны, ее появления в градусах видимости, то это точно не установлено (учеными), но различается с изменением горизонта, места выхода Луны, сезона и года.

Мухаммад Дибиров пишет, что ученые-*факихи* расходятся во мнении относительно обоснования заповедей в отношении полу-месяца. Одни говорят о его наличии в равной степени, находится он в градусе видимости или нет. Другие принимают во внимание только его появление в градусах видимости, не принимая в расчет его наличие. Автор считает правильной первую точку зрения, ибо, по его мнению, ее наличие (т.е. Луны) — дело установленное, так как тем самым совпадает во всех местах день поста, световой день и др. Автор уверен, что это лучше, чем пост для жителя равнины в один день, а для жителя гор — в другой, хотя и те, и эти принадлежат к одной религии.

¹ Резван Е.А. Рамадан // Ислам: Энциклопедический словарь. М., 1991. С. 197–198.

² Махаммад ал-Карахи (Дибиров) // Джаридат Дагистан. 19 июля 1914. № 28. С. 3–4.

Первая точка зрения, по мнению автора, верна еще и потому, что она соответствует истине и разуму. И это потому, что конец месяца ша'бан заканчивается соединением Луны с Солнцем, тело Луны в это время становится темным для нас, и не остается на ней светлого пятна. И когда Луна расходится с Солнцем, для нас появляется новый молодой месяц (полумесяц). Однако полумесяц не появляется во время захода солнца в тот день в градусах видимости, так как время между расхождением и заходом солнца незначительно и не дает нам видения. И, если бы не считали следующий день этой ночи с месяца Рамадан, необходимо было бы нам считать его с месяца ша'бан, считает Мухаммад Дибиров, так как нет другого средства для подсчета (т.е. установления границы между двумя месяцами). Заканчивается лунный месяц после соединения Луны с Солнцем, и нет смысла учитывать следующий день как входящий в месяц ша'бан, хотя он в действительности и не входит в него. Доказано, считает он, что легче и упорядоченнее не учитывать следующий день этой ночи как входящий в ша'бан, а учитывать его в месяце рамадан.

Статья дагестанского астронома Муртада из села Кудали¹ сообщает о возможности видения полумесяца в рамадан ясно, высоко на горизонте Дагестана, на заходе солнца в ночь 3-го числа месяца рамадан 1332 г.х., что соответствует ночи 12 июля 1914 года. Другая его статья² сообщает о возможности наблюдения молодого месяца в зу-л-хиджа ясно, высоко в небе на всем земном шаре в четверг в ночь 3-го Зу-л-хиджа, соответственно ночью 9 октября 1914 года.

Статья Али Каяева³ показывает разницу между условным исчислением, используемым в календарях (так называемые *Рузнамат*), и реальным исчислением по наблюдению полумесяца. Али Каяев пишет, что ученые-астрономы при составлении календарей для облегчения счета для себя базируются на условных расчетах. Согласно им, лунный год состоит из 50 недель и четырех дней, или 354 дней, если год простой, и 50 недель и 5 дней, если год високосный, где один месяц содержит 30 дней, а следующий 29, и так по порядку до конца года.

Лунный же год, пишет он, состоит более чем из 354 дней и меньше, чем из 355 дней; а месяц состоит из 29 дней, половины

¹ Муртада ал-Кудали. Видение полумесяца Рамадан // Джаридат Дагистан. 5 июля 1914. № 26. С. 3.

² Муртада ал-Кудали. Расчет астронома Муртада из Кудали // Джаридат Дагистан. 4 декабря 1914. № 39. С. 4.

³ Али ал-Гумуки. День Вашего поста — день Вашего начала // Джаридат Дагистан. 11 октября 1914. № 40. С. 4.

дня, плюс некоторое количество часов, минут и секунд. Месяц, который представляет собой величину (в днях, часах, минутах, секундах) между наблюдением полумесяца после захода солнца в начале лунного месяца и также его наблюдением в начале месяца следующего, будет состоять то из 30 дней, то из 29.

Ученые на основании наблюдений определили, что 4 месяца подряд будут по 30 дней, а 3 месяца подряд — по 29 дней. Порой опаздывает действительное начало месяца в отличие от начала месяца по условному подсчету на день или два, а порой совпадает. Если дело обстоит таким образом, считает Али Каяев, то не совпадает всегда начало месяцев, которое определено в календарях (т.е. *Рузнамат*) и основа которого — условное исчисление, и наблюдаемое начало месяцев порой совпадает, а порой разнится. Начало месяцев, которое в календарях (*Рузнамат*), опережает начало месяцев на день-два, и поэтому нельзя их использовать для определения наблюдаемого начала месяцев.

Далее Али Каяев пишет, что вызывают удивление высказывания ученых, что можно использовать их для этого, когда составители этих календарей сами признают, что начала месяцев в них опережают начала месяцев по наблюдением на день или два, а также признают, что они составили их только для определения условных месяцев на основе условного исчисления.

Али Каяев¹ разъясняет, что если за сутки Земля оборачивается вокруг Солнца, то один земной градус равняется 4 минутам. Он дает определение земной широты и долготы, затем пишет, что размер одного градуса широты в километрах равняется 111 км и 111 м, а в верстах — 105 верст. А что касается долготы, то для нее нет постоянной величины, она изменяется с изменением широты страны. И только на экваторе она имеет ту же величину, что и широта, т.е. равняется 111 км и 111 м, и затем эта величина уменьшается к полюсам. Затем автор приводит величину широты Дагестана — 42° или 43°.

Ученый Муртада² из с. Кудали считает, что исследование видения молодого месяца в рамадан — есть коллективная обязанность, т.е. то, что обязательно не для всех, а для тех, кто может это исполнять. Он пишет, что достоверно известно наблюдение появления нового месяца рамадан, т.е. первого рамадана 1333 г.х., в этом 1915

¹ 'Али ал-Гумуки. Различия восходов Солнца // Джаридат Дагистан. 18 октября 1914. № 41. С. 4.

² Муртада ал-Кудали. Видение молодого месяца Рамадан // Джаридат Дагистан. 13 июня 1915. № 24. С. 4.

году будет в 3 часа ночи. Далее он приводит соответствие ему по другим календарям. Этот день, считает он, соответствует:

ночи 21-го числа месяца созвездия Рака 1294 г. по солнечной *хиджре*;

ночи 1 июля 1915 г. по христианскому календарю (старому стилю)

ночи 13 июля 1915 г. по христианско-европейскому календарю (новому стилю)

ночи 7 абиба (абиб — 11-й месяц коптского календаря) 163 г. по коптскому календарю

ночи 11 июля (*таммуз*) 2226 г. по римскому календарю

ночи 1 исфанмаха 1284 г. по персидскому календарю

ночи 21 тирмах 837 г. по календарю персо-джалали

В статье Муртада¹ из с. Кудали сообщается, что, согласно всем расчетам и достоверным данным ученых, возможно увидеть полумесяц в шаввале 1333 г.х. ясно, высоко в небе на большей части земного шара ночью в пятницу, 31 июля 1915 года.

Далее Али Каяев² пишет, что редакция газеты получает много писем от *имамов* деревень, где они спрашивают, когда же точно считать начало месяца рамадан в этом (т.е. 1916) году. На это Али Каяев отвечает, что в редакции сейчас нет под рукой книг для окончательного исчисления начала месяцев, чтобы ответить спрашивающим, но есть книги для расчета месяцев и их начал согласно двум астрономическим календарям. Первый — календарь шейха Хусейн Заида, египетского астронома, под названием «Ал-Матла' ас-Са'ид», составленного на основе календаря Лалинда, известного европейского астронома. Второй — самаркандский календарь Улугбека, внука Тимурленга, известного «татарского» завоевателя, составленный на основе данных, полученных им в своей обсерватории, построенной в 833 г.х., т.е. 500 лет тому назад. Однако, считает Али Каяев, нельзя эти календари использовать для определения начала месяца. Что касается календаря «Ал-Матла' ас-Са'ид», пишет Али Каяев, то, по мнению астрономов Стамбула, в нем много ошибок и погрешностей. Календарь же Улугбека нельзя использовать из-за того, что время его вышло и он устарел. Али Каяев считает, что если будет подсчитана реальная разница между расчетами из этих календарей и других, солнечным и лун-

¹ Муртада ал-Кудали. Молодой месяц Шавваль // Джаридат Дагистан. 18 июля 1915. № 29. С. 3.

² Али ал-Гумуки. Молодой месяц Рамадан // Джаридат Дагистан. 11 июня 1916. № 24. С. 3.

ным затмениями и исправить отставание, получившееся от накопления излишков, не бравшихся в расчет в течение долгих веков, то можно использовать эти календари.

Продолжая эту тему, Муртада из с. Кудали¹ соглашается с Али Каяевым, что нельзя использовать календари, время которых вышло, из-за разницы между ними и тем, что есть фактически в связи с накоплением излишков, не бравшихся в расчет в течение долгих веков. Он объясняет, что ученые отбрасывали излишки, не брали их в расчет для облегчения работы и из-за их незначительности. Однако они дают о себе знать по прошествии длительного времени на протяжении веков от начала мусульманского летосчисления до настоящего времени. Муртада из Кудали считает, что следует взять эти календари и внести в них эти накопившиеся излишки, если даже это будет трудно. А составители календарей это умеют делать. Или же, убежден он, нам надо самим вести новые астрономические наблюдения, что делают народы Европы, знающие это, обновляющие эти наблюдения из года в год, из месяца в месяц и исправляющие их по мере своих сил.

В редакционной статье² автор выражает сожаление, что мусульмане Дагестана издавна продолжают придерживаться различных мнений в определении дней начала поста, разговения и других религиозных праздников, когда, например, население одной деревни держит пост сегодня, другой — завтра, третьей — послезавтра. Разнятся и дни праздников разговения. Это было бы оправданно, если бы они обосновывали это каким-то образом. Однако, считает автор, в оправдание этого у них нет ни одного правильного аргумента или довода. Или некоторые из них используют эти календари (*Рузнамат*), авторы которых сами не предназначают для определения начала месяцев по наблюдению, а лишь для условного исчисления. И то, что происходит, считает автор, есть послабление в делах веры, и нам следует избавиться от этого.

Он предлагает два выхода из этого положения. Первый — опираться на новые подсчеты, взятые из новых наблюдений, как, например, подсчеты тифлисского астрономического календаря, составленного в обсерватории Тифлиса. Второй — изъятие из рук *имамов* деревень и их *кадиев* вопрос определения начала поста,

¹ Муртада ал-Кудали. Молодой месяц Рамадан // Джаридат Дагистан. 18 июня 1916. № 25. С. 3.

² (Али ал-Гумуки). Наши праздники и наши противоречия // Джаридат Дагистан. 16 июля 1916. № 29. С. 3.

разговения, других праздников и передача их в ведение единого органа, как это имеет место в Закавказье и Татарии, где все эти вопросы решают Духовные управления Тифлиса, Уфы, Крыма, и у них нет противоречий в праздновании этих дат.

Эта проблема имеет место в Дагестане и по настоящее время. Хотя Духовное управление Дагестана и определяет каждый год единое время начала и окончания поста Рамадан по Дагестану, но в некоторых граничащих друг с другом селах имеются различия в определении дня начала поста и празднования Дня разговения.

§ 4. География

Этой теме посвящено немалое количество статей, опубликованных в «Джаридат Дагистан», автором более 30 статей являлся сам Али Каяев. Первая статья¹ является вступительной, где дается определение науке географии и составляющих ее поднаук: что представляет собой география физическая, политическая, экономическая, математическая и историческая, какую пользу извлекает человек от их изучения.

Затем Али Каяев знакомит нас с первыми арабскими географами и их сочинениями по географии, такими как ал-Истахри (ум. 957), его трудами «*Китаб сувар ал-акалим*» («Картины климатов»), «*Масалик ал-мамалик*» («Пути государств»); Ибн Хаукал (ум. 977) — «*Китаб ал-масалик ва ал-мамалик*» («Книга пути и государства»); Ибн Хордадбех (ум. ок. 912) — «*Ал-масалик ва ал-мамалик*» («Пути и государства»); «*Китаб ал-булдан*» («Книга стран»), Ибн Русте — «*Ал-а'лак ан-нафиса*» («Дорогие ценности»); Ал-Йа'куби — «*Китаб ал-булдан*» («Книга стран»); Ал-Багдади Кудама б. Джа'фар (ум. 948) — «*Ал-харадж*» («Поземельный налог»); Ал-Идриси (1100–1165) — «*Нузхат ал-муштакк фи ихтирак ал-афак*» («Прогулка страстно желающего проникнуть в дали мира»); Йакут ал-Хамави ар-Руми — «*Му'джем ал-булдан*» («Справочник по странам»); Абу-л-Фида (1273–1331) — «*Таквим ал-булдан*» («Географический справочник») и др. и указывает, какие из них переведены на русский и западноевропейские языки (полный перевод статьи см. в приложении).

Следующие две статьи посвящены географическим терминам², где даются краткие определения более 30 географических

¹ «Али ал-Гумуки. География // Джаридат Дагистан. 29 апреля 1913. № 17. С.3–4.

² «Али ал-Гумуки. Географические термины // Джаридат Дагистан. 6 и 13 мая 1913. № № 18; 19. С. 4; 2–3.

терминов по-арабски, таким как государство — республиканское, монархическое и конституционное, народ, нация, колония, остров, полуостров, мыс, пик, залив, гора, вулкан, порт, море, озеро, архипелаг и т.д.

Две статьи под названием «Вопросы географии»¹ касаются шарообразности земли, информации о том, что примерно 3/4 земли занимает вода, остальная часть — суша; о Старом и Новом Свете; о том, что Новый Свет был известен еще в древности Платону и назван островом Атлантидой. Здесь же дается определение морей внешнего и внутреннего стока. Среди морей внешнего стока указываются названия 5 океанов; среди морей внутреннего стока перечисляются 16 морей с местами их нахождения.

Одну из статей² Али Каяев посвящает подробному изложению открытия Америки Христофором Колумбом, в другой³ — дается площадь стран мира в квадратных километрах с названиями столиц, указывается численность населения, его вероисповедание. Али Каяев перечисляет страны американского континента⁴, их столицы и численность населения в этих странах, дает справку о самых длинных железных дорогах (в верстах) на пяти континентах. Отдельно приводятся страны африканского континента⁵, их столицы, численность населения, даются названия самых великих и длинных (в км) рек в Европе, Азии, Африке и Америке.

Более 20 статей Али Каяев посвящает экономико-географическому, политико-историческому и этнографическому обзору ряда стран Европы, Азии и Африки по следующей схеме: географическое положение страны, полезные ископаемые, население — численность, нации и народности, проживающие в стране, официальный язык, вероисповедание, традиции, обычаи, ремесла, форма управления, уровень образования и просвещения, степень развития промышленности и финансов, вооруженные силы, внутренняя и внешняя политика, краткая история страны со времени образования и до наших дней (до 1913 г.). Это такие страны: Австрия⁶, Германская империя⁷, Великая Российская империя⁸,

¹ («Али ал-Гумуки»). Вопросы географии // Джаридат Дагистан. 20 и 25 мая 1913. № № 20; 21. С. 3–4; 4.

² («Али ал-Гумуки»). География // Джаридат Дагистан. 1 июня 1913. № 22. С. 2–3

³ («Али ал-Гумуки»). География // Джаридат Дагистан. 15 июня 1913. № 24. С. 4.

⁴ («Али ал-Гумуки»). География // Джаридат Дагистан. 22 июня 1913. № 25. С. 3.

⁵ («Али ал-Гумуки»). География // Джаридат Дагистан. 29.06.1913. № 26. С. 4.

⁶ («Али ал-Гумуки»). Австрия // Джаридат Дагистан. 28.06.1914. № 25. С. 1–2.

⁷ («Али ал-Гумуки»). Германская империя // Джаридат Дагистан. 05.07.1914. № 26. С. 1–2.

⁸ («Али ал-Гумуки»). Великая Российская империя // Джаридат Дагистан. 12.07.1914. № 27. С. 1–2.

Франция¹, Люксембург, Бельгия, Голландия, Дания², Швеция и Норвегия, Швейцария, Италия³, Испания, Португалия⁴, Греция⁵, Румыния⁶, Египет⁷, Иран⁸, Афганистан⁹, Китай¹⁰, Япония¹¹, Индия¹². Отдельной статьей¹³ даются страны африканского континента с указанием, какие из них являются независимыми, а какие — колониями европейских государств, численность населения, количество мусульман.

В этих статьях особенно ярко проявился талант Али Каяева как просветителя и популяризатора географических знаний.

¹ ('Али ал-Гумуки). Франция // Джаридат Дагистан. 19.07.1914. № 28. С. 3–4.

² ('Али ал-Гумуки). Люксембург, Бельгия, Голландия, Дания // Джаридат Дагистан. 09.08.1914. № 31. С. 4.

³ ('Али ал-Гумуки). Швеция и Норвегия. Швейцария. Италия // Джаридат Дагистан. 16, 23 и 30 августа 1914. № № 32, 33, 34. С. 4.

⁴ ('Али ал-Гумуки). Испания. Португалия // Джаридат Дагистан. 6 и 13 сентября 1914. № № 35, 36. С. 4.

⁵ ('Али ал-Гумуки). Греция // Джаридат Дагистан. 18.10.1914. № 41. С. 4.

⁶ ('Али ал-Гумуки). Румыния // Джаридат Дагистан. 29.11.1914. № 47. С. 4.

⁷ ('Али ал-Гумуки). Египет // Джаридат Дагистан. 6, 13 декабря 1914. № № 48; 49. С. 4.

⁸ ('Али ал-Гумуки). Иран // Джаридат Дагистан. 24.01.1915. № 4. С. 3–4.

⁹ ('Али ал-Гумуки). Афганистан // Джаридат Дагистан. 31.11.1915. № 5. С. 3–4.

¹⁰ ('Али ал-Гумуки). Китай // Джаридат Дагистан. 07.02.1915. № 6. С. 3–4.

¹¹ ('Али ал-Гумуки). Япония // Джаридат Дагистан. 30 мая, 6 июня 1915. № № 22; 23. С. 4.

¹² ('Али ал-Гумуки). Индия // Джаридат Дагистан. 18.07.1915. № 29. С. 4.

¹³ ('Али ал-Гумуки). Африка // Джаридат Дагистан. 30 июня 1915. № 31. С. 4.

§ 5. Медицина и здравоохранение

Ряд статей «Джаридат Дагистан» посвящен вопросам медицины и правилам здорового образа жизни, которые должен соблюдать каждый человек для сохранения своего здоровья. Предваряются они статьей¹, в которой говорится, что здоровье ума — первой отличительной черты человека от других живых существ — полностью зависит от здоровья тела. Далее автор статьи (автор не указан, видимо, это Али Каяев, который цитирует книги «Сокровища науки языка» и «Ислам и цивилизация») пишет, что ислам опередил все человечество в установлении подлинных принципов относительно здоровья человека, которое строится на взаимосвязи здоровья ума и здоровья тела, и сделал это одной из основ веры.

Но ислам не ограничивался этим, считает ученый. Кроме того, он установил одним из первых принципов сохранения здоровья чистоту и гимнастику тела и души. А что касается болезней, то ислам считает их наказанием Аллаха, которое ниспослано больному в знак возмездия за ослушание и нарушение установленных принципов сохранения здоровья.

Статья доктора Мухаммада Сидки² разъясняет исламскую заповедь о запрете и нечистоте собак, отмечает, что они являются объектом поражения бешенством. Но дело не только в нечистоте собак в общепринятом смысле, ибо этим недугом болеют и кошки, и коровы, и лошади, а в том, что в кишечнике большинства собак живут очень маленькие, длиной в 4 мм ленточные черви, которые при укусе человека собакой через слюну попадают в организм человека, поражая печень, мозг, сердце и др. жизненно важные органы. Чтобы определить собаку, пораженную этими червями,

¹ Здоровье ума в здоровом теле // Джаридат Дагистан. 7 ноября 1915. № 45. С. 4.

² Мухаммад Сидки. Статья Мухаммада Сидки о заповеди запрета и нечистоте собак // Джаридат Дагистан. 28 марта 1915. № 13. С. 4.

требуется много времени и проведение точных наблюдений с использованием микроскопа. Вот почему законоведы определяют ее нечистой. Суть заповедей и здравый смысл заключаются в том, чтобы отдалить собаку от человека. Статья Али Каяева¹ сообщает о том, что в прошлом многие люди погибали от этой чумы, пока врачи не нашли пути излечения. Называются первые врачи, открывшие микробы, вызывающее это заболевание. В статье описываются процесс течения этого заболевания с момента попадания микробов в организм человека, переносчики микробов, которыми могут быть как люди, так и животные, рассказывается о среде, благоприятствующей распространению этой болезни.

В другой статье Али Каяев² рассказывает о перевороте в медицине, который сделал французский ученый Луи Пастер, открыв первым миру микробы и указав тем самым пути лечения не излечимых до этого болезней. Али Каяев пишет, что нет на земле животных и растений, которые не испытывают воздействия микробов.

Человек также подвержен их воздействию, они вызывают у него такие болезни, как чума, холера, туберкулез, проказа и т.д. Но есть и полезные микробы, которые участвуют в пищеварении и ускоряют его. При попадании в кровь человека они уничтожаются белыми кровяными шариками. Заражение микробами возможно через кровь больного. Особенность микробов, считает Али Каяев, не только в том, что они очень малы и быстро размножаются в соответствующей среде, но и в том, что они быстро гибнут от голода и холода, в огне и под лучами солнца.

Али Каяев³ дает врачебные советы тем, у кого выпадают волосы, плохое зрение, кто страдает бессонницей, болями в желудке, зубной болью, пишет о вреде использования никелированной посуды, о пользе яблок и груш для пищеварения.

В другой статье⁴ Али Каяев пишет, что здание, построенное на высоком месте, благоприятно для здоровья; в маленьких новостройках следует жить только год спустя после их постройки и спустя два года, если они большие. Жилища, окна которых выходят на восток и юго-запад, благоприятны для здоровья.

¹ 'Али ал-Гумуки. Из-за чего происходит чума // Джаридат Дагистан. 17 мая 1914. № 19. С. 3–4.

² 'Али ал-Гумуки. Микробы // Джаридат Дагистан. 12 июня 1914. № 27. С. 4.

³ ('Али ал-Гумуки). Медицинские пользы // Джаридат Дагистан. 19 октября 1913. № 42. С. 4.

⁴ ('Али ал-Гумуки). В здоровом теле здоровый дух // Джаридат Дагестан. 26 октября 1913. № 43. С. 4.

Также о том, что солнечные лучи убивают микробы; у того, кто моет голову хотя бы раз в неделю, волосы остаются естественными и цветущими.

Али Каяев¹ сообщает об эксперименте, доказывающем вред спиртного: спиртное, в отличие от другого питья и еды, не согревает, а охлаждает организм, а то тепло, которое испытывает пьющий, — явление временное и поверхностное, после чего он испытывает сильный холод. Также рассказывается о строении зерна пшеницы, о том, что от небольшого коричневого слоя пшеницы зависят вкус хлеба, его питательная ценность, так как в нем находится растительное масло. Современные методы молотбы, считает автор статьи, в погоне за белизной муки, отделяют этот слой, из-за чего его вкус и питательная ценность существенно уменьшаются. Автор советует вернуться к старым методам помола, когда не происходило отделения и мука была серой, хлеб вкусный и дольше хранился (до нескольких десятков дней), белый же хлеб не хранится и двух дней.

Другая статья² рассказывает об эксперименте, проведенном ученым Паркером, установившим, что лица, употребляющие спиртное, устают быстрее и производительность труда у них невысокая по сравнению с теми, кто не употребляет спиртное вовсе. Статья³ о вреде спиртного цитируется из журнала «Ал-Муктатаф».

Статья египетского ученого Амина Абу Хатера⁴ о том, что сахар утоляет жажду и является пищей, экономящей и генерирующей энергию. А алкоголь, в отличие от сахара, — полная противоположность ему, это расход энергии, 1/5 которой бесполезно растрачивается, а 4/5 видоизменяется по составу в теле человека, тем самым уменьшая наполовину силу, предназначенную для генерации тепла, т.е. образуется только половина тепла от взятого количества.

Статья⁵, цитируемая из «Книги о сохранении здоровья», о важности дыхания для организма человека: оно сопровождает человека с момента его рождения до смерти. Количество вдыхаемого воздуха зависит от возраста, силы, строения, покоя, дви-

¹ ('Али ал-Гумуки). Медицинские пользы // Джаридат Дагистан. 2 ноября 1913. № 44. С. 4.

² ('Али ал-Гумуки). Медицинские пользы // Джаридат Дагистан. 9 ноября 1913. № 45. С. 4.

³ ('Али ал-Гумуки). Спиртные напитки // Джаридат Дагистан. 16 ноября 1913. № 46. С. 4.

⁴ Амин Абу Хатер. Сахар и алкоголь // Джаридат Дагистан. 23 ноября 1913. № 47. С. 4.

⁵ ('Али ал-Гумуки). Дыхание // Джаридат Дагистан. 30 ноября 1913. № 48. С. 3–4.

жения и рефлексов человека. Сообщается о воздухе городов и деревень, его составе, различиях в составе и объеме вдыхаемого воздуха по сезонам года, необходимости проветривания и сохранения чистоты в общественных местах, как оказывать первую помощь при удушье.

Статья¹ Али Каяева рассказывает о значении сна в жизни человека, в котором он проводит 1/3 своей жизни; о различиях в потребности сна в зависимости от усталости, выполняемой работы, возраста, пола, сезона и времени года; о дневном и ночном сне, его влиянии на пищеварение; о растениях, стимулирующих сон; о нежелательности спать вблизи цветов, огня, животных, так как они участвуют в дыхании; спать следует на жесткой кровати, голова должна быть расположена несколько выше, одеяло — легкое, ноги должны быть в тепле, мысли спокойные. Спать следует попеременно на обоих боках во избежание прилива крови к одной стороне тела (обычно к правой) и нарушения равновесия, что может привести к перегрузке одной из сторон организма и параличу.

Статья² Али Каяева о том, что рекомендуется человеку принимать пищу через каждые 5 или 6 часов один раз, так как за этот период завершается переваривание съеденного до этого. Еда должна соответствовать возрасту и выполняемой работе, а также региону и времени года. Еду надо есть только тогда, когда есть аппетит и только в определенное время. Пишет о роли сна в пищеварении, степени усвояемости организмом и удовлетворении чувства голода при приеме мяса, молока, хлеба; животная пища быстрее утоляет голод, больному лихорадкой следует соблюдать диету.

В статье³ сообщается читателю о табаке — растение высотой 1 м 60 см, в жарком климате достигает и 5 м. В высушенном виде используется для курения, жевания и нюхания. Об открытии табака испанцами и Колумбом в 1515 г. Болезни, вызываемые курением, никотин, который медленно отравляет организм человека, постепенно приводя его к гибели.

Статья⁴ Али Каяева о вреде и болезнях, которые наносят организму спиртное и табак. Они уравнивают, по мнению автора статьи, друг друга по последствиям и потерям, согласно высказываниям некоторых ученых. История распространения табака в Европе, о том, как он попал из Мексики, города Тобаго, в Северную Америку. Методы использования — жевание, нюхание, курение.

¹ ('Али ал-Гумуки). Сон // Джаридат Дагистан. 7 декабря 1913. № 49. С. 4.

² ('Али ал-Гумуки). Еда // Джаридат Дагистан. 14 декабря 1913. № 50. С. 4.

³ 'Али ал-Гумуки. Табак // Джаридат Дагистан. 21 декабря 1913. № 51. С. 4.

⁴ ('Али ал-Гумуки). Спиртное и табак // Джаридат Дагистан. 1 марта 1914. № 8. С. 4.

Жевание приносит самый сильный вред, от нюхания вред меньший по сравнению с курением и жеванием. В статье говорится о вреде никотина и болезнях, которые вызывает курение.

О вреде курения рассказывается в статье Али Каяева, где он приводит в этой связи мнение арабского ученого, факиха Мухаммада ат-Тарабиши ал-Халаби¹. Он сообщает о трех путях проникновения никотина в организм ребенка: первый — с молоком матери и питанием; второй — вдыхание воздуха в комнате, где курят родители или один из них; третий — пример родителей, который переходит в привычку к детям. Сообщается, что женщина больше всего должна остерегаться курения, ибо это влияет на ее здоровье, красоту и молоко. От курения очень трудно отказаться.

История распространения табака в Европе, о запретах, которые были наложены вначале на курение табака здесь, рассказывается в очередной статье по данной теме². О снятии запретов и разрешении его использования, в числе первых стран это сделала Франция. О разрешении использования табака в трех видах: курения, нюхания и жевания. Инструменты курения — курительная трубка, кальян, сигареты и наргиле.

В других статьях приводятся высказывания арабских ученых о вреде курения³.

В статьях Али Каяев предстает перед читателями как ученый, деятель просвещения, популяризатор медицинских знаний.

¹ ('Али ал-Гумуки). О вреде курения // Джаридат Дагистан. 8 марта 1914. № 9. С. 4.

² ('Али ал-Гумуки). О табаке // Джаридат Дагистан. 15 марта 1914. № 10. С. 4.

³ ('Али ал-Гумуки). О вреде курения // Джаридат Дагистан. 22, 29 марта 1914. № № 11; 12. С. 4; 3–4.

§ 6. Климат и развитие сельского хозяйства в Дагестане

На страницах газеты «Джаридат Дагистан» публиковались и статьи, посвященные климату и развитию сельского хозяйства в Дагестане. В статье¹ по данной тематике говорится о том, что в Дагестане высота местностей над уровнем моря самая различная. Например, высота сел. Куруш Самурского округа достигает 7196 футов (2495 м над уровнем моря), а есть местности ниже уровня моря.

Автор статьи делит земли Дагестана на 4 части. Первая — равнины, находящиеся на побережье Каспийского моря, площадью 4538 кв. верст, что составляет 1/5 площади Дагестана. Эта часть делится горой Кубдан Йага Сирт (хребет губденской стороны) на две части — северную и южную. В северной части воздух сухой, и по мере приближения к горе он становится подобен воздуху пустыни. Что касается южной части, то здесь воздух сравним с теплыми регионами, по мере приближения к горе становится похожим на воздух Средиземноморья. Что указывает на разницу между этими двумя регионами, то это различие в методе выращивания винограда — на южной стороне стебли винограда зимой не закапывают, а закапывают только в северной стороне, например, в Петровске и Кумторкале. Почва в первой части — это морской песок, перемешанный с землей; здесь выращивают рис, виноград, смоковницу (около Дербента). Вторая часть — это предгорные земли площадью 6865 кв. верст, что составляет 1/3 всей территории Дагестана. Эти земли начинают понемногу подниматься к юго-западу, пока не заканчиваются высокими скалами и горами, на которых ничего не растет. А те горы, что на северо-востоке и обращены к морю, делятся на три массива, первый из которых

¹ («Али ал-Гумуки»). Климат Дагестана // Джаридат Дагистан. 30 ноября 1913.

пригоден для сельского хозяйства и охватывает весь Кюринский округ и часть Кайтаго-Табасаранского округа. Оставшиеся два массива находятся в Темир-Хан-Шуре. Самые полезные и самые плодородные из них — те, которые находятся у рек Уллучай и Рубасчай. Климат здесь умеренно холодный, часто идут дожди, растут густые леса, которые сохраняют влажность воздуха. Однако он становится все суше из-за того, что население вырубает леса и из-за этого уменьшается количество выпадающих осадков. Здесь выращивают пшеницу, ячмень, кукурузу, фрукты, огородные культуры — помидоры, длинные огурцы, виноград, лук, чеснок, фасоль, тыкву. Вино, которое делают из винограда, бывает кислым из-за большого содержания воды в винограде.

Третья часть — это горы, которые занимают половину территории Дагестана и не пригодны для сельского хозяйства. Но здесь мало возвышенностей, таких как Хунзах, Дарго, Друче, Гуниб, Артаус. Окружают эти возвышенности высокие скалы, на которых лежит чернозем, смешанный с гипсом. Воздух холодный, порой от холода замерзает кукуруза, выращивают также кунжут, лен, бобы всех видов.

Горы Дагестана по климату сходны со средней полосой России и похожи по густоте лесов в них.

Четвертая часть похожа на Альпийские горы — это наименьшая по площади часть, 1978 кв. верст. Это пастбища.

Освещению положения сельского хозяйства в Дагестане посвящен ряд статей агронома Дагестанской области Вартанянца¹. Он пишет, что по мере продвижения в глубь от побережья Каспийского моря к горам мы обнаруживаем, что животный и растительный мир понемногу беднеют. Может показаться на первый взгляд, что и люди подобно животному и растительному миру становятся более мелкими и более слабыми по мере углубления в горы из-за малого количества пищи, которым они довольствуются. А живут они очень бедно, считает агроном Вартанянц, у них простой пшеничный хлеб является самой лучшей и качественной пищей даже в самые урожайные годы, а наиболее распространенная их пища — это кукуруза и пшенная или пшеничная каша. Сравнивая горцев с жителями равнин, Вартанянц находит их превосходящими жителей равнин как по физическим данным, так и по душевным качествам. Горцев, считает автор статьи, отличают большое терпение, не боязнь обременять

¹ Вартанянц. Развитие сельского хозяйства в Дагестане // Джаридат Дагистан. 2 ноября 1913. № 44. С. 3–4.

себя трудностями вместо слабости и лени, присущих жителям районов на равнине (например, Кюринский округ), где население этих районов оставляет свои посевы без жатвы, если не придут сюда по каким-либо причинам нанимаемые за дополнительную плату жнецы — *хамшари*.

Горцы преобразили твердые скалы, пишет Вартанянц, превратив их в богатые сады, расположенные один над другим, так называемые террасы. Автор подробно описывает, как строятся эти террасы: землю приносят сюда издалека женщины на своих плечах, из-за отсутствия воды эти террасы строятся в местах, где она есть, и часто бывает, что они находятся обычно на расстоянии 15 верст от своих деревень.

Агроном Вартанянц пишет, что родников в Дагестане мало. Но в некоторых местах есть реки, вытекающие из-под скал, как, например, река в Карабудахкенте, которая помогает населению этого района в орошении их садов и полей. Особенностью жителей этого района он считает то, что они выращивают много лука и чеснока, причем сажают их повсеместно вокруг села, а лук — даже на плоских крышах своих домов.

Наряду с малым количеством воды, считает агроном Вартанянц, затруднено для населения Дагестана использование вод рек, так как они глубоки. Это андийские, аварские, карахские и кази-кумухские реки. У людей нет знаний и умений, пишет он, чтобы перебросить воды этих рек в высокогорные районы, как и средств для этого. Если бы кто научил их этому и вложил бы средства в это, то они лучше бы использовали воды рек и стали бы их бедные земли садами и рощами. Не знают они, и как сбереечь, сохранить избыточное от потребностей количество воды, которую можно бы использовать в другой сезон и которая теряется без пользы и стекает на равнину, в реки вместо того, чтобы собрать ее в специальных прудах и водоемах для использования в засушливый сезон.

В прошлом, считает Вартанянц, положение с водой не было таким, как сейчас, ее было много и достаточно для нужд населения Дагестана, для садов и сельхозугодий. Климат, по его мнению, не был таким засушливым. Население Дагестана не проявляло расточительства в рубке деревьев и выкорчевывании рощ, из-за чего климат делается засушливым, что отражается на растительном и животном мире.

Выкорчевывание рощ во многих областях Дагестана привело к слабой связанности почвы, обвалам, сползанию ее с высоких мест на низкие, к засушливости климата.

Вопросу использования дагестанцами земель посвящает агроном Вартанянц и другую статью¹. Он пишет, что земли, занятые населением Дагестана под сады, огороды, орошаемые земли, пастбища, рощи, луга, виноградники, табак, чай, не измерены точно, не знает этого и население Дагестана. Причем цифры у *кадиев* деревень и у податных инспекторов, согласно которым уплачиваются налоги, сильно расходятся (у податных инспекторов они сильно завышены).

Вартанянц пишет, что использование земель в каждой стороне в каждом случае свое. Сельхозугодья и луга в округе Анди находятся в единоличном владении, а пастбища — в общем (после восстания 1877 года казна конфисковала у них 16 тыс. десятин). У населения Дагестана нет подушного использования земель, кроме как у русских, переселившихся и осевших в Дагестане. У лезгин — у каждого дома в собственном владении земля. В общем владении находятся земли в селах — Кафыркумук, Халимбекаул, Муслимаул, Карабудахкент, Эрпели — округ Темир-Хан-Шура; Аракани, Ирганай, Унцукуль — Аварский округ; Кумук, Кая, Кули, Вицхи, Кусрак, Цукрах, Сумбатль, Карах, Чираг — Кази-Кумухский округ; Касумкент, Мамраш, Ихрек, Сардаркент — Кюринский округ; Ахты, Калук и др. — Самурский округ. В селах Ишкарты, Эрпели, Нижний и Верхний Каранай наблюдается иное использование земель: близлежащие от сел луга и пастбища находятся в совместном пользовании, а пахотные земли делятся по домам. В прошлом эти земли были в союзе между собой. А сейчас им принадлежат обширные земли на расстоянии 30–40 верст от их деревень и называются «Богатырь», которые находятся в совместном пользовании, причем возможна их передача другому после смерти, и тот, кому они были завещаны, может использовать их.

Так же используются рощи в с. Кабир Кюринского округа с тем отличием, что теперь, когда людей стало больше, а рощи немногочисленны, особенно общественные рощи, каждому дому определено известное количество деревьев, которое нельзя превышать.

В Шамхал-Термене, Таргу и других деревнях, орошаемых каналами, прорытыми из Сулака, делят земли, к которым приходит вода из канала по мере того, как каждый хозяин предоставляет быков для очистки канала. А что касается села Гимры, то даже если сады находятся в индивидуальном владении, здесь следуют закону — никому нельзя срывать виноград, есть его до определенного дня, который жители определяют совместно.

¹ Вартанянц. Указ. ст. // Джаридат Дагистан. 9 ноября 1913. № 45. С. 3.

А сельхозугодья используются всеми после жатвы и сбора урожая как собственниками, так и несобственниками. Подобный обычай использования земель, пишет Вартанянц, существует и у других народов Дагестана. Для земель, находящихся в вакфе, использование другое, причем количество вакфных земель у одних деревень может быть одно, у других — другое.

Затем Вартанянц приводит данные (в цифрах) по землям Дагестана, находящимся в индивидуальном и общественном владении, — сады, виноградники, рощи, луга, пастбища, а также площадь земель, находящихся в пользовании Темир-Хан-Шуры, Петровска и Дербента.

Выступая с лекцией в г. Дербенте о путях развития сельского хозяйства в Дагестане, Вартанянц делает вывод, что дагестанцы ограничиваются только культивированием земель и используют минимум из того, что в их силах. В доказательство этого он приводит такие цифры: в Дагестане выращивают на одной десяatine 50–60 пудов зерновых, между тем в Европе — 200–250 пудов; вес дойной коровы у них 25–30 пудов и надаивают от нее 200–300 ведер молока в год, а в Дагестане, соответственно, одна корова весит только 8–10 пудов и дает она только 50 ведер молока в год. Необходимы, считает он, земельная реформа, реформа в животноводстве, работа по основам агрономии с проведением правильных экспериментов¹.

Вартанянц² высказывает серьезную озабоченность ростом засушливости климата Дагестана и последствиями этого процесса для будущих поколений дагестанцев: «Половину земельной площади в Дагестане составляют сухие, бесплодные пески и горы, на которых ничего не растет и не образуется почва, что, в свою очередь, уменьшает влажность климата, а в летние месяцы воздух становится горячим, из-за чего уменьшается выпадение осадков во всех частях Дагестана. А если они и выпадают, то выпадают слишком много за один раз, и идут сели, вымывая плодородный слой почвы, пригодный для возделывания сельхозкультур». В Дагестане нет достаточного количества деревьев, которые боролись бы с воздействием скал и песков, сохраняя тем самым влажность воздуха. Ведь именно деревья определяют количество выпадающих осадков.

Затем Вартанянц называет самые плодородные горные (Аварский, Андийский, Гунибский, Даргинский, Кази-Кумухский, Са-

¹ Вартанянц. Указ. ст. Остановка сельскохозяйственного поезда в Дагестане // Джаридат Дагистан. 30 ноября 1913. № 48. С. 3.

² Вартанянц. Указ. ст. Новости Дагестана // Джаридат Дагистан. 16 ноября 1913. № 46. С. 3.

мурский округа) и равнинные земли (Темир-Хан-Шуринский, Кайтаго-Табасаранский, Кюринский округа), называя среди них наименее плодородными земли Кази-Кумуха из-за того, что здесь меньше всего рощ и пастбищ, а наиболее плодородными — земли Темир-Хан-Шуринского округа из-за обилия здесь рощ и пастбищ.

Автор подчеркивает, что, согласно рассказам старожил, такого положения с лесами и рощами не было в старину. Повышение засушливости климата началось с вырубки лесов и выкорчевывания рощ. Причины, по его мнению, были самые разные. В качестве одной из них приводится факт, что при завоевании царизмом Дагестана царские войска не продвигались вперед без выкорчевывания вокруг себя лесов и рощ, причем делалось это планомерно и методически — до 20 верст в месяц.

Другая, на наш взгляд, основная причина — вырубка лесов и рощ самими жителями, которые осуществляли это и тайно, и явно. Вместе с этим шел процесс исчезновения ценных пород деревьев, характерных для влажного климата, и увеличения пород деревьев, соответствующих сухому климату.

Следующая причина, непосредственно связанная с вырубкой лесов, о которой упоминает автор статьи, — это уменьшение количества родников и высыхание их вообще, ибо деревья с их корневой системой способствовали удержанию воды у поверхности земли. Теперь же родники ушли глубоко в землю или высохли совсем.

Не менее важная по своей значимости и проблема облысения гор и оползней, обвалов в горах, ибо отсутствие мощной корневой системы деревьев отрицательно сказывается на закреплении земли и образовании почвенного слоя.

Указанные выше проблемы — вырубка лесов, ведущая к высыханию родников, облысению гор, оползням и, как следствие, к засушливости климата Дагестана, — имеют место и сейчас.

На наш взгляд, нужна комплексная программа мер, направленная на приостановление этих пагубных для климата и жизни людей процессов. Это прежде всего газификация этих районов; обеспечение водой, прекращение вырубки лесов в качестве топлива населением; планомерная посадка саженцев в местах прежних вырубок и местах облысения; проведение соответствующей разъяснительной работы среди населения с целью восстановить тот естественный баланс между природой и человеком, который существовал в старину и который был нарушен в результате неправильной хозяйственной деятельности человека в последние годы.

§ 7. Общая история и история ислама

Обзор статей «Джаридат Дагистан» по данной теме было бы целесообразно начать со статьи Али Каяева¹, где он пишет, что история — одна из славнейших наук у всех наций и народов, которую изучают во всех учебных заведениях. Автор статьи дает представление о предмете изучения науки истории, ее принципах. Упоминает о том, что многие ученые-историки, предшественники и позднейшего периода, составили многие тома по общей истории, о народах и поколениях известных, выдающихся ученых; по истории главных городов ислама; жизнеописания Пророка, четырех праведных халифов, четырех *имамов*, а также по истории Мекки и Медины, Иерусалима, Багдада, Египта, Сирии; труды о разрядах халифов, комментаторов (Корана), *хадисоведов*, *факихов*, *кадиев*; разрядах *ханафитов*, *шафиитов*, *маликитов*, *ханбалитов*, богословов, *аш'аритов*, *му'тазилитов*, святых, языковедов, грамматистов, стилистов, писателей; труды историков — Ибн Халдуна, Ибн Халликана (1211–1282), ал-Макризи, Абу-л-Фида (1273–1331) на арабском языке, неоднократно переведенные на многие иностранные языки. Несмотря на это, высказывает свое сожаление Али Каяев, это наиболее пренебрегаемая людьми наука. Они, считает он, не воздают должное ей, не считают ее полезной, и мало найдется среди них тех, кто знал бы события прошлого, пусть даже самые важные и значительные из них, которые являлись бы поучительным уроком и назиданием.

Серия исторических очерков, цитируемых Али Каяевым из книги «Сокровища литературы», начинается статьей² о вкладе

¹ 'Али ал-Гумуки. История // Джаридат Дагистан. 10 января 1915. № 2. С. 4.

² 'Али ал-Гумуки. Исторический очерк // Джаридат Дагистан. 14 сентября 1913. № 37. С. 3–4.

арабов в сокровищницу мировой науки, начиная с Аббасидов — халифов Абу-Джа'фара ал-Мансура, его внука Харуна ар-Рашида, Ма'муна и ал-Васика. Автор упоминает заслуги арабов в развитии математических наук, астрономии, геометрии, химии, медицины (хирургии, фармацевтики, использовании лекарственных трав и противоядий при болезнях скота). Али Каяев считает, что огромны заслуги арабов в развитии географической науки, всеобщей истории и создании биографий отдельных личностей. Упоминаются многие научные школы Азии, Африки, Андалусии, среди которых выделялась багдадская школа. Она была основным источником, от которого отпочковался и питался ряд других исламских научных школ.

Следующая статья¹ посвящена вкладу арабов в развитие астрономической науки. Али Каяев упоминает обсерватории, построенные при арабах — в Севилье (Испании), Мараге (Иранский Азербайджан), Самарканде (Средняя Азия), в Египте — Джалал ал-Мукаттам. Обращается внимание читателя на то, какое внимание уделяли арабы книгам и библиотекам, которые варварски были уничтожены испанцами и татарами во время их завоевательных походов. Здесь же автор дает периодизацию истории развития арабской литературы, начиная с Аббасидов и заканчивая завоеванием Мухаммадом 'Али Египта, где характеризует каждый из четырех периодов с упоминанием выдающихся ученых.

Третья статья² — о состоянии наук и знаний у арабов на заре ислама. Али Каяев пишет, что сподвижники Пророка понимали тонкости Корана, его мудрость и тайны, знали его заповеди без потребности изучать языковые науки, ибо Священная книга была ниспослана на языке, на котором они разговаривали. Перед учеными этого периода встала задача создания языковых наук — синтаксиса, морфологии, риторики, лексики — для овладения неарабами арабским языком в той мере, в какой им владели арабы. Али Каяев поясняет, что на заре ислама арабам запрещалось заниматься светскими науками. Этот запрет был снят только к концу правления Омейядов и началу правления Аббасидов.

Ученый дает краткий обзор истории развития арабского языка и литературы в эпоху Аббасидов, выработки новых терминов по религии, литературе, математике, медицине, философии.

¹ 'Али ал-Гумуки. Исторический очерк // Джаридат Дагистан. 21 сентября 1913. № 38. С. 4.

² 'Али ал-Гумуки. Исторический очерк // Джаридат Дагистан. 28 сентября 1913. № 39. С. 4.

В статье¹ о развитии поэзии в эпоху Аббасидов Али Каяев пишет, что поэтам этого периода цивилизация предоставила такой простор для развития, которого не знали предшественники. Автор статьи разъясняет, что их называли поэтами послеклассической эпохи, перечисляет имена их представителей. Стихи поэтов этого периода, отмечает Али Каяев, отличаются тонкостью, легкостью, приятностью в произношении, образностью, большим количеством аллегорий.

Последняя статья² из этой серии исторических очерков посвящена истории возникновения письма у арабов начиная с периода *джахилийи*, на заре ислама и в период Аббасидов. Время, когда арабы начали использовать письмо, пишет Али Каяев, неизвестно. Первыми начали писать по-арабски, сообщает он, племя *худ*, народ Йемена, их письмо называлось «*муснад*», на этом языке буквы писались раздельно. Затем этому письму научились три человека из племени *теййа*, которые называли свое письмо усеченным письмом (*джазм*), так как они взяли часть его из химьяритского письма. От них письмо перешло к народу *акбар*, от них — к народу *хиры*, и, наконец, оно переместилось в Хиджаз. Али Каяев сообщает, что в эпоху Мухаммада возникла потребность записывать откровения и послания к правителям и эмирам от имени Посланника Аллаха и что первой книгой, написанной на арабском языке, был Коран.

Работу над совершенствованием языка Корана вели такие ученые, как Абу ал-Асвад ад-Дуали, Наср б.Асим, Ал-Халил б.Ахмад. В этот период оформляется два вида почерка: один — для написания свитков, для надписей на монетах — *куфическое* письмо; другой — для написания писем, явившийся основой почерка *наسخ*, который усовершенствовался по красоте и стал тем, что мы имеем сегодня. Это письмо в двух его видах перекочевало при Омейядах в Африку, от него родилось магрибское письмо, используемое сейчас в Марокко, Тунисе, Алжире и Триполитании. Али Каяев добавляет, что при Аббасидах шел дальше процесс совершенствования арабского письма, рассказывает об истории создания почерков *сульс*, *сульсейн*, *нисф*, *бади*, *та'лик*, *рук'а*.

В очерке³ по истории философии Али Каяев доводит до сведения читателей газеты, что первые учреждения, где люди позна-

¹ 'Али ал-Гумуки. Исторический очерк // Джаридат Дагистан. 5 октября 1913. № 40. С. 4.

² 'Али ал-Гумуки. Исторический очерк // Джаридат Дагистан. 12 октября 1913. № 41. С. 4.

³ 'Али ал-Гумуки. Очерк истории философии // Джаридат Дагистан. 1 ноября 1914. № 43. С. 4.

комились с философией, были в Египте. Здесь были мыслители и философы более 2000 лет назад. Это была каста жрецов, которые монополизировали науку в своих руках и обучали философии только своих учеников. Пришедшие затем греки взяли у них основы философии и наук и распространили их среди своих современников. После них арабы в VII в. христианской эры развили их, пока не остановился их прогресс в XII в. христианской эры. Соседство арабов с Европой в Андалусии, пишет Али Каяев, принесло пользу европейцам: они заинтересовались науками, это подготовило их внутренне к возрождению. Затем они начали распространять книги Ибн Рушда (Аверроэс) (1126–1298) из Андалусии, на теории которого Папа Римский наложил запрет.

Али Каяев называет имя Пьера де ла Рамэ (Рамус), который первым публично заявил об «аннулировании» философии Аристотеля; Порфирия, который следовал Рамусу; Кампанеллы, сожженного инквизицией; Бэкона; Декарта; Огюста Конта — основоположника сенсуализма в середине XIX в.

Другая статья¹ Али Каяева по истории философии знакомит с древнегреческим философом и математиком Пифагором, первым высказавшим предположение о движении небесных тел вокруг Солнца. После него Али Каяев называет Сократа, учение которого зафиксировал только его ученик Платон, ученика Платона Аристотеля, отказавшегося от учения своего учителя и создавшего свою теорию, основной постулат которой звучит так: «Все знания — через ощущения». Его метод не отличался от метода современных сенсуалистов. Ошибки, которые были у Аристотеля, считает Али Каяев, появились от недостатка количественных наблюдений. Он упоминает также философа Пиррона, основой учения которого было сомнение (ранний скептицизм).

Это все, пишет Али Каяев, что можно суммировать из греческой философии. В VII–VIII вв. пришли арабы, изучили целиком всю эту философию, после того как перевели ее на свой язык, и начали вносить в нее поправки, насколько это было в их силах. А затем, пишет автор статьи, европейцы научились этой философии у арабов и следовали ей до XVI в., пока не появились среди них ученые мужи и не начали разрушать основы этой философии новыми принципами. Этот процесс шел до тех пор, пока не появился французский философ Огюст Конт и не основал философию сенсуализма.

¹ 'Али ал-Гумуки. Очерк истории философии // Джаридат Дагистан. 8 ноября 1914. № 4. С. 4.

Около 30 исторических очерков о странах Европы, Азии и Африки от их возникновения до 1913 г. предлагает Али Каяев на страницах «Джаридат Дагистан» (см. обзор статей в разделе «География»).

Отдельную статью¹ Али Каяев посвящает умельцу из Америки Райту, его трудному жизненному пути и изобретению им самолета.

Статья Каменского² рассказывает о храбрости и доблести кавказских женщин, проявленных ими в многочисленных сражениях и битвах: казачках, чеченках, дагестанках — уроженках Хунзаха (Баху-Бике, Худулай), осетинках и др., о которых написано в различных книгах по истории.

Есть статья³, знакомящая читателя с началом мусульманского летосчисления (*хиджра*), согласно которой лунный календарь (354 дня) начинается 1 мухаррама — первого месяца лунного календаря, а заканчивается месяцем зу-л-хиджжа. Автор пишет, что точкой отсчета мусульманского летосчисления взято переселение Мухаммада и его сторонников в Медину, которое произошло или 8-го, или 11-го, или 12-го раби ал-авваль, но условились началом считать 1 мухаррама. Далее рассказывается, что впервые начали отмечать эту дату египтяне, устраивая торжества в клубах и читая по этому поводу торжественные *хутбы* (проповеди). Здесь же предлагается *хутба*, прочтенная на праздновании нового, 1330 г.х. в Египте, знакомящая читателя с тем, как начала зарождаться исламская религия в Мекке, о первых попытках Мухаммада распространить ее в Мекке, о его сторонниках и последователях. Далее читатель знакомится с переселением первых последователей ислама в Медину (Ясриб), а затем Абу Талиба, Абу Бакра и самого Мухаммада, указываются побудительные причины переселения (*хиджры*).

В статье⁴ Али Каяева предлагается краткий исторический очерк некоторых событий до начала мусульманского летосчисления (*хиджры*) и после него до 1315 года, а также некоторых исторических событий по христианскому летосчислению.

¹ 'Али ал-Гумуки. Изобретатель самолета // Джаридат Дагистан. 15 августа 1915. № 33. С. 4.

² Каменский. Храбрость женщин Кавказа // Джаридат Дагистан. 7 сентября 1913. № 36. С. 3.

³ ('Али ал-Гумуки). Мусульманское летосчисление и празднование его начала // Джаридат Дагистан. 22 октября 1916. № 42. С. 4.

⁴ 'Али б. Абдулхамид ал-Гумуки. Очерк о до- и послемусульманском летосчислении // Джаридат Дагистан. 24 августа 1913. № 34. С. 4.

Статья¹ Али Каяева о том, какие притеснения и обиды причиняли язычники в Мекке Мухаммаду и его последователям на заре ислама, такие как Абу Джахль, Абу Лахаб, Умар Ясир. Проводится аналогия между нахождением Мухаммада и его сторонников в окружении язычников и дагестанцев — под покровительством Российской империи, отличающейся своей неисчислимой мощью и силой, новейшими видами вооружений и военным искусством. Дагестанцы, как и кавказцы, считает автор статьи, малочисленны, лишены всех этих средств войны, чтобы противостоять им. И положение дагестанцев, считает он, такое же, каково было положение мусульман в Мекке на заре ислама, с той лишь разницей, что русские не запрещают дагестанцам исповедовать свою религию и не ставят преград этому, как это делали язычники в Мекке в отношении мусульман, отбирая их имущество и изгоняя их из своей страны.

Ученый замечает, что некоторые дагестанцы хотят воевать сегодня с русскими. Мы же, считает он, знаем достоверно, что дагестанцы умнее этого и, несмотря на различия наций, характеров, любят русских и честны в своем повиновении Российскому государству, готовы отдать свою жизнь и имущество во имя защиты Российского государства. Мы написали это для предостережения, пишет автор в заключение, чтобы люди не поддались слабоумию некоторых из дагестанцев, которые навлекли из-за этого беды и невзгоды на себя и свой народ, как это случалось ранее.

Али Каяев² отвечает на вопрос ученого Абдулжалиля из с. Гели цитированием Ибн Халликана в переводе Абу Абдалла Мухаммада б. Мусы б. Шакера, одного из 3 братьев, известных как сыновья Шакера (Ибн Шакер), о том, как они измерили четыре градуса в полдень во времена халифа ал-Ма'муна, сына Харуна ар-Рашида, и нашли один градус равным 66 милям и $\frac{2}{3}$ мили, а миля равна 3 фарсахам, значит, один градус будет равен 22 и $\frac{2}{9}$ фарсаха.

Затем Али Каяев пишет, что американский ученый профессор Драйнер, инспектор министерства образования в Нью-Йорке, в своей книге «Борьба науки и религии», когда писал о наследии арабов, признавал, что эти расчеты не были далеки от истины. Автор статьи дает расчет этого расстояния в километрах, метрах, верстах, саженьях, милях. Предлагается отрывок из истории Ибн Халликана о том, как измеряли это расстояние на практике во времена халифа Ма'муна по его повелению.

¹ ('Али ал-Гумуки). Полезный совет // Джаридат Дагистан. 8 ноября 1914. № 44. С. 3–4.

² 'Али ал-Гумуки. Расстояние предела в 75 верст // Джаридат Дагистан. 14 ноября 1915. № 46. С. 3–4.

В отдельной статье¹ Али Каяев останавливается на трех видах преувеличений, свойственных восточным народам: характеристика чего-либо, далекая от возможного в реальности; характеристика чего-либо, далекая от возможного теоретически, но невозможного на практике; характеристика чего-либо, что не может быть ни теоретически, ни практически.

Автор считает, что преувеличение есть у всех народов, но у восточных народов это качество наиболее ярко выражено, и добавляет, что, по мнению западных ученых, причина этого в том, что западная философия зиждется на чувствах, а восточная — на воображении, фантазии.

Дагестанцы, как и все восточные люди, считает он, проявляют чрезмерность в восхвалении и поношении, не знают меры в том, что считают удивительным; им не нравятся вести о войне, смуте, чуме не иначе, как в преувеличенном, неслыханном виде. Наиболее сильно это проявляется у дагестанских суфиев и *мюридов*, когда они восхваляют и порочат кого-либо; они особенно усердствуют в восхвалении своих шейхов, шейхов своих шейхов и т.д., которых они представляют в своем воображении, которым верят и которых характеризуют всеми мыслимыми и немыслимыми благородными и величественными эпитетами, будучи уверенными, что они ограничиваются упоминанием и восхвалением только незначительной части достоинств и качеств своих шейхов.

Али Каяев² пишет, что шариат устанавливает твердый запрет на изображения, однако он не запрещает того, что необходимо для нужд людей, а также того, в чем есть польза. И потому, считает Али Каяев, от портретов и большая польза, и великий вред одновременно.

Польза — когда по фотографии нужно опознать преступника, отличить некоторых животных, которых нельзя употреблять в пищу, чтобы не нарушить заповеди шариата.

Вред в том, что это величайшее средство язычества, когда им поклоняются, помимо Аллаха Всевышнего. В качестве примера Али Каяев приводит дагестанских *мюридов*, которые поклоняются портретам (изображениям) своих шейхов, шейхов своих шейхов перед тем, как войти в состояние экстаза. Али Каяев считает, что на такое язычество дагестанские *мюриды* и др. мусульмане отважились только теперь.

¹ 'Али ал-Гумуки. Преувеличения у народов Востока // Джаридат Дагистан. 4 апреля 1915. № 14. С. 4.

² 'Али ал-Гумуки. Картины и изображения // Джаридат Дагистан. 12 декабря 1915. № 50. С. 4.

А вообще, говорит он, *факихи* упоминают о разрешенности портретов и изображений в случае, если не живешь в них, с ними, так как в этом случае обычно ты видишь только внешние черты — кожу, ее цвет, одежду и т.д. без внутренних органов, и это не олицетворяется с жизнью, с живым существом. А жизнь во власти только Аллаха Всевышнего.

Али Каяев¹ дает ответ на многочисленные вопросы читателей газеты о местонахождении стены Зу-л-Карнайна. Однако, отвечает Али Каяев, неверующие люди, которые считают рассказы о политике баснями и выдумками, говорят, что географы обошли и измерили всю землю, пядь за пядью, дошли даже до полюсов, но не нашли ничего подобного.

Люди верующие, говорит он, утверждают, что стена есть и будет до Судного дня, и опровергают то, что обследована вся земная поверхность. Даже предполагают, что, быть может, это Дербентская стена или Великая Китайская.

Но из истории известно, пишет Али Каяев, что первую построили персы, а вторую — китайцы и что описание стены, которое есть в Коране, не соответствует им обоим.

Али Каяев опровергает также тех, кто утверждает о наличии в Коране указания, что стена будет существовать до наших дней и до Судного дня.

Более того, Али Каяев считает, что стена Зу-л-Карнайна скорее олицетворение духовного начала, являющегося сдерживающим фактором всему злumu, которым управляет Аллах Всевышний. Затем цитирует *хадисы* ат-Тирмизи, имама Ахмада ал-Бухари, Ибн Джарира о стене Зу-л-Карнайна.

Али Каяев² продолжает тему предыдущей статьи, где он пишет, что есть много удивительных рассказов о Йаджудже и Маджудже. В одних говорится, что это существа подобные людям, другие — не похожие на них. Одни говорят, что они созданы из семени человека, смешанного с землей, другие — это существа огромных размеров, третьи — это маленькие существа, четвертые — у них огромные уши, одно из них стелют под себя, другим укрываются, когда укладываются спать, пятые — когда они пьют, то выпивают целые реки и озера. Али Каяев цитирует рассказы Ибн Хаджара, Ибн Касира о них.

Али Каяев пишет о Зу-л-Карнайне, что это тот, кто построил стену перед Йаджуджем и Маджуджем, упоминает, что многие

¹ 'Али ал-Гумуки. Зу-л-Карнайн // Джаридат Дагистан. 21 ноября 1915. № 47. С. 4.

² 'Али ал-Гумуки. Зу-л-Карнайн и Йаджудж и Маджудж // Джаридат Дагистан, 28 ноября 1915. № 48. С. 4.

комментаторы (ас-Сухейли, ал-Куртуби, Ибн Насир) сходятся во мнении, что Зу-л-Карнайн — это Александр Македонский.

Следующая статья Али Каяева¹ построена в виде вопроса и ответа. «Нет, нет и еще раз нет, упаси боже, — отвечает сам ученый, — чтобы в шариате была заповедь, разрешающая воровать, предательство и вероломство. Все, что есть в книгах *факихов* и противоречит этому, — это не из шариата», — убежден он.

Этой же темы касается Али Каяев в статье², где он пишет, что нечестивцы и разбойники из чеченцев и других нападают на близлежащие русские села, убивают их население, грабят их имущество. В ответ на это русские, особенно казаки, нападают на не причастные к этому мусульманские села и делают с ними все то, что те делали с русскими селами, грабят дагестанские стада, угоняют скот. Когда им говорят об этом, пишет Али Каяев, то они отвечают, что они делают это только в ответ чеченцам за то, что они причиняют христианам. Если чеченцы прекратят разбои, то и они прекратят, если же чеченцы будут упорствовать, то и они будут продолжать отвечать тем же.

Несомненно, что вина в этом мусульман-чеченцев, кто первым затевает эти насилия и грабежи, считает Али Каяев. Но большая ее часть ложится на тех ученых и шейхов, которые выносят решения (*фетвы*) о разрешенности проливать кровь неверных и воровать свободно их имущество в стране неверных, а также в Дагестане, прививая тем самым мусульманам такие порицаемые качества.

Мы писали в нашей газете неоднократно, возмущается Али Каяев, что имущество *кафиров* разрешено захватывать во время войны, а не в мирное время. Мы же находимся сейчас в мире с русскими. Более того, пишет он, эти *факихи*, нисколько не думают о чистоте ислама, а только о деньгах. Когда их упрекают в том, что они выносят такие *фетвы*, они начинают всячески отрицать это и велют возратить украденное имущество. А когда остаются среди своих сторонников, говорят им обратное, чтобы они грабили, мол, это разрешено. А что будет с этими горешейхами, если эти разбойники захватят их имущество и будут убивать их детей, какие решения (*фетвы*) они вынесут тогда? — резонно спрашивает Али Каяев.

¹ 'Али ал-Гумуки. Разрешено ли нам воровать имущество русских, евреев и др. // Джаридат Дагистан. 8 июня 1913. № 23. С. 4.

² 'Али ал-Гумуки. В Дагестане и на Тереке // Джаридат Дагистан. 5 марта 1918. № 4. С. 4.

Касаясь вопроса эмиграции дагестанцев в страны Османской империи¹, Али Каяев пишет, что причин для этого много. Среди них слухи, распространяемые паникерами, что якобы Дагестан — страна безбожия и согласно шариату жить в ней нельзя; другая причина, распространяемая некоторыми сторонниками духовных вождей *тариката*, что мусульманин непременно должен быть сторонником одного из шейхов *тариката* и идти по его пути. Если же он не поступает так, то Аллах не поверит в его чистоту и искренность и его служение будет отвергнуто. Если же такого наставника нет в Дагестане, то тогда якобы необходимо ехать в страны Османской империи в поисках его и жить там, рядом с ним, и другой подобный вздор, из-за которого оказываются введенными в заблуждение многие ученые Дагестана, в которых здесь и так ощущается недостаток. И они, введенные в заблуждение, продают свое имущество и эмигрируют в далекие страны, подвергая себя и свои семьи опасности.

Далее Али Каяев приводит некоторые моменты из учения Пророка о том, что шариат предписывал *хиджру* только на заре ислама, когда верующие не были так сильны, чтобы обнаруживать свою религию в городе язычников Мекке, и запретил ее, когда была завоевана Мекка. В подтверждение этого приводятся высказывания ал-Бухари² (ум. 870).

Шихабутдин ар-Рамли³ (ум. 1440) писал, что не следует мусульманам эмигрировать со своей родины, потому что ислам предписывает жить на родине им, а не другим, так как мусульманская страна, если бы они эмигрировали, стала бы немусульманской. В качестве примера приводятся мусульмане Андалусии (Арабская Испания), которые могут открыто выполнять свои заповеди, находясь под защитой христианского правителя, не обособляясь, а поддерживая связи с мусульманами Османской империи, правителем которой был дряхлый султан-мусульманин.

Статья Али Каяева⁴ рассказывает о широко распространенной легенде, что завоевателем Дагестана и распространителем ислама в ней был Абу Муслим, похороненный в Хунзахе. Автор считает, что эта легенда не соответствует действительности, ибо нет никаких

¹ 'Али ал-Гумуки. Почему дагестанцы эмигрируют в страны Османской империи // Джаридат Дагистан. 4 февраля 1913. № 5. С. 4.

² Ал-Бухари (810–870) — *хадисовед, факих, историк*.

³ Ар-Рамли — шафиитский *факих*, ум. 1440. Участвовал в разработке синтаксиса арабского языка.

⁴ 'Али ал-Гумуки. Кем мы были исламизированы // Джаридат Дагистан. 21 марта 1918. № 6. С. 4.

письменных источников и упоминаний об этом, кроме как в «Дербенд-наме», доказывающих, что завоевателя звали Абу Муслим, что он умер и погребен в Дагестане.

Между тем, пишет Али Каяев, есть убедительное доказательство того, что погребенный здесь не является завоевателем этой страны и распространителем исламской веры в ней. Среди них он упоминает надпись на мече и на халате, написанную почерком *насх*, возникшем в эпоху Аббасидов. Однако, отмечает он, известно из истории, что Дагестан был завоеван в эпоху Омейядов, а тогда был почерк *куфи*, который трансформировался позже, в эпоху Аббасидов, в *насх* и который с некоторыми усовершенствованиями мы используем сегодня.

Первым, кто привнес исламскую веру в Дагестан, автор называет одного из арабских военачальников — Салмана б. Рабийя ал-Бахили. Также упоминаются первые ученые Дагестана и их труды, такие как 'Али ал-Кабир из Кумуха, Ша'бан из Ободы, ал-Кудуки, Дауд из Усиши, Мухаммад из Убры, Ахмад ал-Йамани из Йемена.

Статья Али Каяева¹ знакомит нас с народами, живущими в горах Кавказа, протянувшихся от Каспийского моря до Черного. Автор пишет, что здесь проживают разные народы различных религий и очень многочисленных языков, наряду с малым количеством разговаривающих на каждом из них, по сравнению со многими другими языками. Среди них есть, пишет он, три или четыре села или около этого, у которых свой язык, который не знает никто. Или, пишет он, в Гунибском округе есть село Арчи, где особый язык, который не знают другие народы на Земле.

Али Каяев пишет, что существует несколько версий на этот счет. Согласно одной это потомки сосланных в далеком прошлом за проступки на эти земли, как ссылают в Сибирь, на Сахалин. И вот собрались имеющие одинаковое происхождение в одно племя из разных мест и осели здесь, сохранив свои основные языки, или разные по происхождению объединились в одном месте и живут, смешавшись и разговаривая на одном из языков, или из смешения языков образовался другой язык. И эти различные горцы и племена есть остатки сосланных в горы, а эти языки — их языки. Согласно второй версии — это племена, одни из которых явились с одной стороны, другие — с другой во время всеобщих нашествий и завоеваний. Сторон-

¹ 'Али ал-Гумуки. Кто есть дагестанцы // Джаридат Дагистан. 22 августа 1915. № 34. С. 3–4.

ники первой и второй версии ссылаются при этом на некоторые древние письмена, авторы которых неизвестны, как неизвестно и время их написания. Объясняют отсутствие потомков тех, кто разговаривает сегодня на этих языках (особенно сторонники второй версии), тем, что они перемешались с другими нациями и народами, как, например, евреи (иврит), болгары, латинская нация (итальянцы, французы, румыны).

Али Каяев высказывает мнение, что аварский, даргинский и кази-кумухский языки тоже были когда-то единым языком, так как числительные в этих языках сходные, много общих слов. Третья версия, что эти народы были переселены сюда древнеперсидскими царями для защиты Персидского государства от набегов врагов, особенно хазар, когда Кавказские горы служили водоразделом между Персидским и Хазарским государствами.

Али Каяев приводит выдержки из книги арабского историка ал-Истахри из его книги «*Масалик ал-мамалик*» («Пути государств»), где он пишет, что у хазар была столица Итиль (Волга), расположенная на восточном и западном берегу реки с таким же названием. Он называет город Семендер, расположенный между Итилем и Дербентом. Хазары, по ал-Истахри, не похожи на турок: черноволосые, бывают двух видов: «*кара-хазар*» — смуглые, с тяготением к черноте, и светлые, довольно красивые. От Итиля до Семендера 8 дней пути, от Семендера до Дербента — 4 дня.

Али Каяев цитирует книгу другого арабского историка Ибн Руста «*ал-А'алак ан-нафиса*» («Дорогие вещи»), где даются сведения о государстве Сарир, где проживали авары, которые были христианами. От Сарира до Дербента было 3 дня пути, пишет Ибн Руст¹.

Статья Абусуфьяна из Казанище² знакомит нас с опытом создания благотворительных обществ в развитых странах, таких как Англия, Франция, затем о принципах их создания, в частности, благотворительного общества в Больших Казанищах. Называются имена людей, внесших денежные суммы для этого. Упоминается об участии *кадия* Мустафы, сына Исмаила в этом.

Статья Али Каяева³ характеризует правление абсолютистское, конституционное и республиканское с примерами по странам.

¹ Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербента. М., 1963. С. 132–137, 219; Айтберов Т.М. Древний Хунзах и хунзахцы. Махачкала, 1990. С. 139.

² Абусуфьян. Благотворительное общество в Больших Казанищах // Джаридат Дагистан. 28 января 1917. № 5. С. 4.

³ («Али ал-Гумуки»). Что представляет собой правление абсолютистское, конституционное и республиканское // Джаридат Дагистан. 18 марта 1917. № 12. С. 4.

В статье, посвященной взаимоотношениям социалистов и ислама¹, Али Каяев пишет, что уже с древнейших времен люди делились на две группы — богатых и бедных, разъясняет причины этого разделения на два полюса и основные факторы появления партии социалистов. Останавливается на программных задачах и целях социалистов, в т.ч. большевиков и меньшевиков. Что касается религий, то, рассуждает Али Каяев, по мнению социалистов, каждый волен выбрать ту религию, к какой имеет склонность его душа. Однако религия в их представлении — это то, что связано с верованиями и поклонениями, а другие взаимоотношения, например, заповеди, связанные с землей, не рассматриваются ими как имеющие отношение к религии в чем-либо.

Если рассмотреть основу их доктрины — защита бедных и слабых, считает Али Каяев, то можно без колебаний сказать, что это совпадает с тем, что содержится во всех божественных заповедях, что вменяется в обязанность людям и что единодушно одобряют все здравые умы. А исламский шариат, по мнению Али Каяева, по своему решил эту проблему, установив то, что поразило умнейших людей и исключило всякую потребность в социалистах и несоциалистах, — это *закат* (налог в пользу бедных), который уплачивается с имущества, золота, серебра, верблюдов, овец и т.д. Если бы мусульмане соблюдали этот столп ислама, считает автор статьи, на Земле не осталось бы ни богатых, ни бедных. Если бы люди других религий соблюдали свои заповеди, считает Али Каяев, никто ничего не услышал бы о социалистах.

Однако, по его мнению, мусульмане не соблюдают этот столп, стали подвержены мошенничеству и скупости и проедают деньги бедных людей. А помогают им в этом ученые, выносящие *фетвы* и хитроумные уловки, помогающие избежать уплаты *заката*. Если бы они знали, пишет Али Каяев, какие выгоды сулит соблюдение его и какой вред от несоблюдения этого столпа, который угрожает современной цивилизации! Если бы богатые знали, считает Али Каяев, что им не избавиться от бед большевиков сегодня и уравнения ими всех людей другим путем, иным, чем соблюдение этого столпа, то они поспешили бы соблюдать его прежде всего! Вину за это автор статьи возлагает на ученых позднего периода, которые отстранились от разъяснения тайн религии и от книг древних ученых, где эти вопросы хорошо разъяснены.

¹ ('Али ал-Гумуки). Социалисты и ислам // Джаридат Дагистан. 26 сентября 1917. № 34. С. 3–4.

Далее, пишет Али Каяев, ислам не ограничился *закатом*, а установил и другие виды пожертвований, такие как *садака*, *каффара* (милостыня, подаваемая в качестве искупления), завещания, вакфы, *назр* (жертвуемая по обету вещь). Кроме того, ислам вменяет в обязанность богатым обеспечивать нуждающихся едой, одеждой.

Таким образом, газета также являлась распространителем и популяризатором и исторических знаний: по общей истории, истории ислама, истории философии, истории арабского языка и литературы и др. Отдавая должное науке истории, Али Каяев, автор всех статей по данной теме, призывал к вдумчивому отношению к событиям прошлого, пробуждал умы дагестанцев, учил их думать, сопоставлять, делать выводы из прошлого, чтобы лучше разбираться в событиях современной действительности.

Глава III

Богословские и правовые проблемы ислама в газете

Эта тема научного раздела вызывала у читателей газеты «Джаридат Дагистан» не меньший интерес, ибо здесь они находили ответы, разъяснения и комментарии по богословским, правовым (*фикх*) и другим практическим вопросам ислама, возникавшим в их повседневной жизни и требовавшим своего разрешения.

§ 1. Уплата *заката* с бумажных денег — ассигнаций или банкнот

Среди правовых проблем ислама особый интерес у читателей газеты вызывал вопрос уплаты *заката* с бумажных денег, или ассигнаций, казначейских обязательств, выпускавшихся царским правительством, которые были в тот период на руках у многих дагестанцев.

Прежде чем перейти непосредственно к изложению сути проблемы, остановимся коротко, что есть *закат*, каковы условия уплаты *заката*, что предоставляют собой эти бумажные деньги или ассигнации.

Закат (*закят*) — налог в пользу нуждающихся мусульман. Мусульманские правоведы толкуют этот термин как «очищение» (уплата очищает, делает безгрешным пользование богатством, с которого он уплачен).

В мекканских сурах *закат* означает «благое деяние», «материальную помощь», «милостыню». Обложение регулярным сбором появилось, очевидно, сразу же после *хиджры*. Это есть и обязанность в отношении Аллаха, отражающаяся в подаче милостыни в соответствии с определенным размером имущества.

Имущество, облагаемое *закатом*, — это все предметы собственности, приносящие выгоду, а именно¹: скот (*маваши*); ценности (*асман*); продукция полей, посевы (*зуру*); виноградников и финиковых пальм (*симар*); товары (*уруд ат-тиджара*).

Закат платит только взрослый, свободный, дееспособный мусульманин, когда он владеет известным количеством (*нисаб*) имущества в течение целого года.

Кроме *заката*, с каждого свободного мусульманина взимается еще в конце великого поста в месяц Рамадан дополнительная подать, называемая *закату-л-фитр*. Назначение его — есть ощущение лица, а не имущества, так как его следует уплатить не только за себя, а также за всех лиц, которых содержишь на свои средства.

Собранные суммы находились в распоряжении *кадия* в течение года и только в том округе, где они собраны. *Закат* одного округа, по мнению аш-Шафии (767–820)², может быть употреблен для пополнения недостающего *заката* другого округа только в случае крайней необходимости или когда в одном округе не существует лиц, имеющих на него право³. Исключение составляли средства, предназначенные для *газиев*. Право на получение помощи из *заката* имели: неимущие, бедняки, сборщики *заката*, *мукатабы*⁴ — в *фикхе* раб (рабыня), заключивший письменное соглашение о самовыкупе, несостоятельные должники, *гази* и приезжие, не имеющие средств для возвращения домой.

Исламский шариат не вменяет в обязанность уплату *заката* от всякой суммы денег; также не всякому собственнику вменяет уплату *заката*, невзирая на условия его жизни и потребности. Но обуславливает обязательность уплаты *заката* с денег при наличии определенных условий:

Достижение облагаемого минимума (*нисаба*), чтобы деньги, с которых подлежит уплата *заката*, достигали *нисаба* — нижней границы богатства, по шариату. А то, что меньше этого, считается малой денежной суммой и освобождается от уплаты *заката*, обладатель его не считается при владении им богатым человеком. Этот облагаемый минимум в деньгах равняется стоимости 75 граммов золота или 20 динаров⁵.

¹ Фан ден Берг Л.В.С. Основные начала мусульманского права согласно учению имамов Абу Ханифы и Шафии. СПб., 1882. С. 35–38.

² Абу Абдаллах ибн Идрис аш-Шафии — знаменитый *факих*, толкователь Корана, знаток *хадисов*, основатель *шафиитского мазхаба* — одной из популярных школ законоведения.

³ Фан ден Берг Л.В.С. Указ. соч. С. 39.

⁴ Большаков О.Г. Мукатаб // Ислам: Энциклопедический словарь. М., 1991. С. 169.

⁵ Юсуф ал-Кардави. Фикх аз-закат. Ад-дираса ал-мукарана ли ахкамиха ва фалсафатиха фи дав' ал-Кур'ан ва ас-Сунна. Джуз' ал-аввал. Байрут, 1991. С. 277.

1. Истечение года. Второе условие обязательности уплаты *заката* с денег после достижения *нисаба* — облагаемого минимума: *закат* платится с денег только раз в год, и со всякой суммы, с которой платится *закат*, это делается только по истечении года¹.

2. Отсутствие долга. У *шафиитов*: ан-Навави (1233–1278)² сказал: «Долг препятствует уплате *заката* в равной степени, будь он долг во имя Аллаха или человеческий долг»³.

3. Излишек от основных потребностей. Ученые — исследователи-*факихи* обуславливают, чтобы размер суммы облагаемого минимума был излишком от основных потребностей человека. В качестве основных потребностей *факихи* определяют следующее: то, что человек использует, чтобы сохранить себя, расходы на жизнь, жилье, для защиты от холода и жары, чтобы уплатить долг, отвратить от себя тюрьму, для приобретения инструментов ремесла, мебели и др. Если у него есть дирхемы для расходования на эти нужды, то они становятся несуществующими. Подобно тому, как вода, которую полагается истратить на жаждущего, становится не существующей для омовения, и разрешается при этом совершать омовение песком (при отсутствии воды)⁴.

Бумажные деньги — это куски специальной бумаги с разводами, с написанными на них целыми числами, которым соответствует обычно денежная металлическая наличность в отношении, определяемом законом.

Этот вид денег уже распространился так, что его использование во всех современных государствах стало всеобщим. К этому ведет рост внутреннего и внешнего обращения для удовлетворения экономической деятельности.

Бумажные деньги, как и металлические, являются средством обмена, хотя только первые являются обязательством к оплате. Они используются, как и металлические, в погашении долгов и для удовлетворения потребностей в товарах и услугах.

Бумажные деньги получают свою стоимость по воле законодателя, а не сами по себе, так как они не несут товарной стоимости и поэтому теряют ее, если отменены или аннулирован обмен ими. А что касается денег, которые допускают уплату металлом, то они совмещают свою стоимость, как товар⁵.

¹ Юсуф ал-Кардави. Указ. соч. С. 278.

² Абу Закария Йахйя ибн Мухйидин ан-Навави — знаменитый арабский правовед, *хадисовед* и биограф.

³ Юсуф ал-Кардави. Указ. соч. С. 280.

⁴ Там же. С. 280–281.

⁵ Там же. С. 269.

Али Каяев¹ пишет, что эта проблема возникла в эти дни в некоторых селах Казии-Кумуха и что *имам* села Нурмухаммед ал-Куруши ал-Карахи утверждает, что нет в этих бумагах ростовщического процента, в доказательство приводит высказывания некоего Фатх ал-Кариба, что ростовщический процент есть только в золоте и серебре, а также ал-Махалли (1389–1459)², Ибн Хаджар ал-Хайтами (ум. 1565)³, ар-Рамли (ум. 1440)⁴, что нет роста в деньгах, имеющих обращение.

Али Каяев отвечает ему, что это не так, и отбрасывает эти доводы как несостоятельные. Он пишет, что стоимость этих денег высокая, в них есть ростовщический процент, как в золоте и серебре; как запрещен он в золоте и серебре, так и запрещен он по шариату в этих ценных бумагах.

В другой статье⁵ Али Каяев пишет, что некий Мухаммад Суюхи Аварский критикует его и не подтверждает наличие ростовщического процента в бумажных деньгах, считая, что на это есть убедительные доказательства у всех *факихов* и что не пристало ни Али Каяеву, ни кому-либо другому отрицать это.

В ответ ему Али Каяев пишет, что он не из тех, кто отвергает убедительные аргументы и доказательства, однако он не видит в его ответе ничего в противовес тому, что он написал в своей статье, не говоря уже об убедительных аргументах и доказательствах, которые он приводит в пример, и считает себя отнюдь (Али Каяев) не невнимательным в отношении того, что они пишут и говорят. Напротив, эти *факихи* — шейхи Муртаза 'Али Урадинский, Мухаммад ал-Анбаби, Абдулхамид Ширванский, по мнению Али Каяева, совершенно ничего не знают о сути этих бумажных денег и полные невежды в отношении них.

Али Каяев отвечает Мухаммаду Суюхи Аварскому, что каждый, кто владеет ассигнациями, не освобождается от уплаты *заката* с них. По его мнению, три категории людей не уплачивают *закат* с бумажных денег: первая — кто не хочет платить *закат*; вторая — скупые, кто хочет разбогатеть наилегчайшим путем, но представ при этом перед людьми в хорошем свете; третья — неко-

¹ 'Али б. Абдулхамид ал-Гумуки. Бумажные деньги // Джаридат Дагистан. 12 сентября 1915. № 37. С. 3–4.

² Джалаладдин Абу Абдаллах Мухаммад б. Ахмад ал-Махалли аш-Шафии — видный египетский *шафиитский* правовед и комментатор Корана.

³ Шихабдин Ахмад б. Мухаммад Ибн Хаджар ал-Хайтами ал-Макки — известный египетский правовед.

⁴ Ахмад б. Хусейн Шихабутдин ар-Рамли — *шафиитский* правовед.

⁵ 'Али ал-Гумуки. Возвращение к проблеме бумажных денег // Джаридат Дагистан. 13 февраля 1916. № 7. С. 3–4.

торая часть духовенства, которая считает себя учеными, хотя таковыми не являются, подлые и низкие по своей натуре, они являются приближенными людьми богатеев и защищают их перед простыми людьми, говоря, что, мол, ваши ученые ничего не смыслят в *фикхе*, что Аллах предписывал уплату *заката* только с золота и серебра, что мы, «ученые», тоже не платим *закат* с ассигнаций.

В третьей статье¹ Али Каяев отмечает, что в редакции много писем с вопросами о том, можно ли исключить бумажные деньги от уплаты *заката* ввиду того, что у людей мало было на руках золота и серебра в этом году и в период до этого или вовсе не было? На что он отвечает, что это означало бы исключить от уплаты налога (*заката*) то количество чистого золота, которое написано на ассигнации.

Опубликованные в предыдущих номерах газеты статьи вызвали оживленные споры по этой проблеме, пишет Али Каяев в статье на эту же тему², некоторые приняли с одобрением их, другие отвергают изложенные в них взгляды. Например, упоминает он, написали нам свои отклики на первые наши статьи ученый Хаджи Шамсутдин Чеченский, затем Саййид Абубакар Шатойский, подтверждающие необходимость уплаты *заката* с бумажных денег. А. Каяев называет письмо Ибрахима б. Мухаммада из Хаджалмахов, который цитирует шейха Мухаммада Махфуза ат-Тирмиси, его субкомментарий (*хашия*) на комментарий (*шарх*) «*Ал-мукаддама ал-Хадрабийя*» Ибн Хаджара ал-Хайтами и кратко суммирует высказывания упомянутого выше Саййида Абубакара и других предшественников — во всех них подтверждается мысль о необходимости уплаты *заката* с бумажных денег. Али Каяев приводит большие выдержки из этих книг, ибо большинство людей, по его мнению, не верят ни логике, ни аргументам, и будет лучше и полезней, если процитировать мнение этих авторов, считает он.

Кадий Грозного Гасанхан³ пишет, что Ибн Хаджар ал-Хайтами и ар-Рамли в своих трудах указывали, что *закат* положен только с золота и серебра, ибо они — основа жизни, а бумажные деньги можно сфальсифицировать. И в подтверждение цитирует высказывания некоторых ученых-арабов.

¹ «Али ал-Гумуки. Исключение бумажных денег от уплаты *заката* // Джаридат Дагистан. 2 апреля 1916. № 14. С. 4.

² «Али ал-Гумуки. Возвращение к проблеме бумажных денег // Джаридат Дагистан. 14 мая 1916. № 20. С. 4.

³ Гасанхан Ясин. О бумажных деньгах // Джаридат Дагистан. 27 августа 1916. № 35. С. 3–4.

Шамсутдин ал-Чачани аш-Шали¹ отвечает Гасанхану Ясину из Грозного. Он цитирует отрывки по этой проблеме из книги Ахмад Бека ал-Хусайни из Египта, комментатора книги «Умм» имама аш-Шафии, где пишет, что Ахмад Бек из Египта считает, что они есть платежные документы между государством и человеком — долговые расписки. Затем, по мнению Ахмад Бека, система обращения с этими бумажными деньгами похожа на систему обращения с денежным переводом, который предполагает обращение без договоренности. Вдобавок, заключает Ахмад Бек, необходима уплата *заката* с долговых расписок.

Эта проблема затрагивается в многочисленных статьях² на страницах газеты в полемике между Гамзатом ал-Черкеси и Али Каяевым, а также в статьях *кадия* Гамзата Цадасы и ответах на них Али Каяева³.

В статье⁴, вводящей нас в суть этой проблемы, Али Каяев пишет, что люди, разделившись во мнениях в отношении этих бумажных денег, спрашивают, можно ли иметь дело с ними, есть ли в них ростовщический процент, нужно ли платить *закат* с них тем, у кого они есть в наличии. Правда — в том, пишет он, что эти банкноты выпущены Российским государством, оно обязуется выплатить тому, в чьих руках они находятся, чистым золотом в размере, написанном на этих ассигнациях, т.е. они обеспечены золотом, и оно выплачивает их любому, кто придет в казну с этими бумагами. Это своеобразные долговые документы, пишет А. Каяев, которые зарегистрированы в судах, чтобы уберечь долги от потери и непризнания. Всякий, кто имеет дело с ними, считает А. Каяев, на самом деле имеет дело с написанным на них размером золота, и есть в них ростовщический процент, вне всякого сомнения, как в золоте и серебре. Всякому, кто владеет написанным на них количеством золота и серебра, государство оплачивает их золотом или серебром в мирное время и только серебром во время войны (из-за сильной нужды государства в золоте в это время). Тот, у кого есть эти ассигнации, равносителен тому, кому должны и выдают ему долг по первому его требованию.

¹ Шамсутдин ал-Чачани аш-Шали. Также о проблеме бумажных денег // Джаридат Дагистан. 24 сентября 1916. № 39. С. 3–4.

² Хаджи Гамзат ал-Черкеси, 'Али ал-Гумуки. Диспут между Гамзатом и 'Али по проблеме бумажных денег // Джаридат Дагистан. 14 января, 5, 13, 18 февраля 1917. №№ 3, 6–8. С. 4.

³ Гамзат б. Махам ал-Авари, 'Али ал-Гумуки. Возвращение к проблеме бумажных денег // Джаридат Дагистан. 2, 9, 16 июля 1916. №№ 27, 28, 29. С. 4.

⁴ 'Али б. Абдулхамид ал-Гумуки. Бумажные деньги // Джаридат Дагистан. 12 сентября 1915. № 37. С. 3–4.

А. Каяев считает, что владельцу этих бумажных денег следует платить *закат* с них, использовал ли он их в торговых целях или нет. А если он порвал или привел в негодность хотя бы одну из них, ему, как писал Такиаддин ас-Субки (ум. 1355)¹, а затем цитировал его в своем известном труде «Табакат ал-Кубра» его сын Таджаддин Субки (1327–1370)², необходимо компенсировать их владельцу сумму, написанную на них, а не только стоимость бумаги.

На вопрос читателей, откуда у владельцев бумаг деньги в казне, ведь они не ведут с ней торговлю, не имеют с ней других отношений, Али Каяев отвечает: все, кто состоит на государственной службе — министры, военачальники, правители областей, округов, участков и все, кто кормится за счет казны, получают их в виде жалованья за свою службу. Также казна выплачивает их людям за выполненную ими работу или за купленные у них товары. Казна выплачивает им эти ассигнации с тем, что они могут возратить их государству, когда хотят, и получить их в золотом содержании. Они получают их по своей воле и выбору, не по принуждению и знают, что эти бумаги — только документы на право получения ими своих денег в казне. Владельцы этих бумаг взаимодействуют с другими людьми, покупая что-либо у них на определенную сумму и оплачивая им за товар этими бумагами. Подобно тому, как заплатила им казна, не с тем, что эти бумаги — ценности, которые купили, а с тем, что они будут возвращены в казну новыми владельцами, когда они захотят. И будет выдано им из казны то, что им причитается, это есть истинный денежный перевод, хотя и без произнесения вслух, из-за отсутствия надобности в этом. Затем, разъясняет А. Каяев, эти новые владельцы бумаг взаимодействуют с другими людьми и платят им этими бумагами и т.д.

Таков в реальности процесс, который имеет место при взаимодействии с этими бумажными деньгами, если даже люди не знают об этом и ни слова не говорят о денежном переводе. Казна выпустила эти бумаги не с тем, что они деньги, с которыми имеешь дело как с золотом, серебром и медью, а с тем, что они документы, как мы упоминали об этом не раз выше, заключает Али Каяев.

¹ Такиаддин ас-Субки — один из крупных *шафиитских* правоведов, управлял судебным ведомством Шама, которое впоследствии перешло по наследству к его сыну Таджаддину ас-Субки.

² Абу Наср Абдулваххаб б. 'Али б. Абдалкафи Таджаддин ас-Субки аш-Шафии — видный *шафиитский* правовед, непререкаемый авторитет в области мусульманского права, историк.

§ 2. О пятничной молитве и повторении полуденной молитвы после нее

Другая проблема, вызывавшая споры в духовной жизни мусульман Дагестана (расхождение и споры по данному вопросу сохранились среди мусульман Дагестана и по настоящее время) и нашедшая отражение на страницах газеты «Джаридат Дагистан», — это проблема повторения полуденной молитвы после пятничной. Прежде чем перейти к самой проблеме, коротко расскажем, что представляет собой сама пятничная молитва.

Пятница у мусульман назначена для общественной и публичной молитвы, называемой «салату-л-джум'а», потому что в этот день был сотворен и умер первый человек, а также потому, что день Страшного суда (*йауму-л-кийама*) случится в пятницу. Но не следует этот день сравнивать с воскресным днем христиан или с субботой евреев, имеющих значение еженедельного дня покоя. В течение времени, назначенного для общественной молитвы, мусульмане воздерживаются от своих ежедневных занятий и идут в мечеть¹, а до и после этого времени каждый занимается своим делом, как во всякий другой день.

Каждый дееспособный мусульманин, если отсутствуют какие-либо объективные причины, обязан участвовать в пятничной молитве. К объективным причинам относятся: болезнь, уход за больным, опасность, большая отдаленность мечети, путешествие, неимение приличной одежды и т.п.

Служение в пятницу имеет место в час полуденной молитвы (*зухр*) и должно завершиться прежде наступления времени после полуденной молитвы (*аср*). Для законности этой молитвы требуется, чтобы в ней участвовало кроме *имама*... 39 постоянных жите-

¹Коран / Пер. с араб. и коммент. М.-Н.О. Османова. М., 1999. 16:125. С. 294; 62:9:11. С. 567.

лей того места, и чтобы она происходила в здании, предназначенном для общественного богослужения, т.е. соборной (*джами'*) или обычной мечети (*масджид*). Пятничная молитва в одном городе не может проходить в одно время в разных мечетях, исключая большие города, которые разделены на различные кварталы.

В тех странах, в которых время молитвы возвещается с минаретов, муэдзин обыкновенно за полчаса до начала пятничной молитвы произносит приветствия Пророку, называемое «*салам*». Тогда люди начинают собираться в мечеть, но большая часть приходит во время провозглашения *азана*. Каждый входящий в мечеть совершает два коротких *рака'та* и занимает место возле других членов собрания, повернувшись лицом к *михрабу* (т.е. к нише, указывающей направление к *кибле*). Затем один из младших священнослужителей читает отрывок из Корана, обычно XVIII *суру* (*ак-Каф*). Но тотчас, как раздастся *азан*, входит главный священнослужитель (*имам*), и каждый член собрания совершает два *рака'та*. Тогда *имам* восходит на кафедру (*минбар*¹) и стоя произносит первую половину своей проповеди (*хутба*). Затем он садится и читает про себя что-либо из Корана или тихо молится, а собрание следует его примеру. После этого он встает и произносит вторую часть своей проповеди. Когда она закончится, провозглашается *икамат*; *имам* встает с кафедры, становится перед *михрабом* и совершает в заключение вместе с собранием два *рака'та*, чем оканчивается пятничное служение, хотя в разных мечетях существуют, может быть, небольшие отклонения от вышеописанных обрядов или некоторые другие торжественные церемонии.

По окончании пятничной службы собрание остается большей частью в мечети для совместного совершения полуденной молитвы. Этот последний пункт, т.е. обязательно ли совершать полуденную молитву после пятничной, стал предметом споров и разногласий.

Как писал Али Каяев², «факихи позднейшего периода в нашей стране сильно различаются во мнениях относительно обязательности повторения полуденной молитвы после пятничной и разделяются из-за этого на враждебные группы и партии». Одни говорят, что нет нужды повторения полуденной молитвы после пятничной. Вторые — что необходимо повторение полуденной молитвы после нее, чтобы выйти из сомнения и исполнить обязанность, установленную на этот час достоверным образом (с глубоким убеждением

¹ Пока *имам* находится на кафедре, он держит в руке меч или палку (посох).

² 'Али ал-Гумуки. Пятничная молитва и повторение полуденной молитвы после нее // Джаридат Дагистан. 19 марта 1916. № 12. С. 3–4.

о ее исполнении). Третьи говорят о неправильности ее совершения в селах и без наличия разрешения султана на это.

Муртада из с. Кудали¹ пишет, что вопрос о повторении полуденной молитвы после пятничной в деревнях и городах Дагестана нуждается в разъяснении относительно следующих семи моментов. Первое — это определение количества людей для созыва пятничной молитвы. Касательно этого пункта, пишет Муртада из с. Кудали, у ученых имеется 15 высказываний. В Дагестане же с древних времен цитируется выражение, что достаточно 3 человек для истинности пятничной молитвы. А новое, правильное определение заключается в том, что пятничная молитва созывается только при наличии 40 свободных, дееспособных людей, проживающих в этой местности.

Относительно первого пункта Али Каяев² цитирует Ибн Хаджара ал-'Аскалани (ум. 1449)³, который, в свою очередь, комментируя ал-Бухари, сказал, что ал-Бухари не возражает относительно количества людей, в присутствии которых можно совершать пятничную молитву, и не выдвигает никаких условий для этого.

Далее Али Каяев пишет, что ученым принадлежит 15 высказываний относительно пятничной молитвы. Так, Ибн Хазм утверждает, что пятничная молитва истинна при наличии одного человека, Ан-Нахайи — при наличии двух людей, Абу Юсеф Мухаммад — при наличии двоих с *имамом*, Абу Ханифа — при наличии трех человек с *имамом*, пятое высказывание — при наличии семи человек, шестое — 9 человек, седьмое — 12 человек, восьмое — 12 человек без *имама*, сказал Исхак, девятое — 20 человек, в передаче Ибн Хабиби со слов Ибн Малика, десятое — 30 человек, одиннадцатое — 40 человек с *имамом*, сказал аш-Шафии, двенадцатое — 40 человек без *имама*, сказали 'Умар б. Абдалазиз и его община, тринадцатое — 50 человек, сказал Ахмад со слов 'Умара б. Абдалазиза, четырнадцатое — огромное количество без подсчета. Это последнее высказывание наиболее предпочтительное с точки зрения аргументации.

Здесь же Али Каяев пишет, что Ибн Хаджар ал 'Аскалани писал следующее: «Я знаю, что ас-Суйути (1445–1505)⁴ и др. ученые

¹ Джаридат Дагистан. 22 июня 1913. № 25. С. 3–4.

² 'Али ал-Гумуки. Проблема пятничной молитвы // Джаридат Дагистан. 7 мая 1916. № 19. С. 4.

³ Ахмад б. 'Али ал-Аскалани — египетский *хадисовед*, историк, литератор и поэт.

⁴ Абдаррахман б. Аби Бакр Джалаладдин ас-Суйути — знаменитый египетский ученый-энциклопедист, количество сочинений которого превышает 500 названий. Они охватывают все области литературных и научных знаний своего времени

говорили, что нигде, ни в каких *хадисах* не устанавливается определенное количество людей для проведения пятничной молитвы».

Али Каяев приводит выдержки из книги «*ал-Умм*» имама аш-Шафии касательно пятничной молитвы, где, по утверждению Али Каяева, нет никакого обоснования присутствия 40 человек на пятничной молитве и неистинности ее, если будет присутствовать меньше 40 человек. Кроме того, считает Али Каяев, нет ссылок на это ни в Коране, ни в сунне.

Второй момент, требующий разъяснения, согласно Муртада из с. Кудали, — то, что народы Дагестана — *шафииты* — не арабы по происхождению и совершенно неграмотны.

Комментируя этот пункт, Муртада из с. Кудали замечает, что дагестанцы-*шафииты* — не арабы по происхождению — дело ясное, вне всякого сомнения, исключая только то, что они уже не неграмотны и владеют правилами чтения текстов.

Третий момент — это то, что собравшиеся должны быть чтецами Корана на одном из семи чтений Корана.

Этот пункт сомнительный, ибо его можно проверить, пишет автор статьи, если проверить чтение 40 человек и тогда убедиться достоверно, что чтение их совершенное, что в условиях Дагестана сделать обычно трудно.

Четвертое высказывание — чтобы молящийся дагестанец первым делом умел хорошо читать Коран.

Этот пункт, комментирует Муртада из с. Кудали, неясный, так как большинство дагестанцев не обращают внимания на различие схожих звуков. Как указывает шейх Мухаммад Хакки в своей книге «*Хазинат ал-асрар*» («Хранилище тайн»), надо учиться Корану из уст своих шейхов, и это возможно сделать только так. С другой стороны, он говорит, что не следует нам полностью полагаться в этом деле на наших шейхов и на то, что написано в этих книгах по соответствующим проблемам этой науки [науки чтения], и сравнивать то, что написано в этих книгах, беря за основу то, что в этих книгах.

Все же повторение полуденной молитвы здесь разрешается, хотя и 40 собравшихся являются образцовыми мусульманами, принимая во внимание наличие противоречия, о чем будет сказано ниже.

Пятый момент, требующий разъяснения, по Муртада из с. Кудали, — это то, что собравшиеся для молитвы проявляют небрежность в обучении. Этот момент, комментирует он, — очевидный.

Шестой момент — всякая молитва, в отношении которой есть сомнение, что она выполнена правильно, повторяется заново.

Муртада из с. Кудали пишет, что этот момент подтверждается в книге Ибн Хаджара ал-Хайтами «*Тухфат ал-мухтадж*».

Седьмой момент — что это повторение (т.е. указанное в пункте 6) — есть *аят* (знамение) для всякого повторения. Смысл его, по Муртада из с. Кудали, заключается в следующем: а) как упоминают *факихи* по данной проблеме, совершение молитвы во второй раз делается чисто как доброе дело; б) согласно их высказываниям, повторная молитва желательна, но пятничная молитва при этом вовсе не повторяется полуденной молитвой, а делается это только в качестве подкрепления, усиления (об этом говорится в «*Фетвах*» Ибн Хаджара ал-Хайтами, в комментариях Ибн Касема на «*Тухфат ал-Мухтадж*» Ибн Хаджара). Совершение молитвы во второй раз происходит из-за сомнения или неуверенности в ее правильности. И согласно им (*факихам*) это желательно делать со всякой молитвой, в совершении которой есть неясность, противоречие, даже если она была бы одиночной.

Суммируя все сказанное, пишет Муртада из с. Кудали, повторение полуденной молитвы после пятничной в селах Дагестана не выходит за пределы того, чтобы быть обязанностью. И не значит, что в день есть шесть молитв, так как мы говорим, что когда не осуществляется у нас то, что очищает нам совесть достоверно, мы прибегаем к оправданию совести достоверным образом. И следует *кадиям* и муэдзинам и др. разъяснять невежественным массам месяц за месяцем, что повторение полуденной молитвы после пятничной не есть долг, предписание, *фард*, а только для того, чтобы выйти из противоречия, следуя за выдающимися имамами; разъяснять, что это делается в качестве предосторожности во время совершения самой величественной религиозной церемонии (обряда), чтобы массы не уверовали, что это дополнительная обязанность (*фард*), т.е. два *фарда* — пятничная и полуденная молитвы.

Все сомнения по этому вопросу (т.е. повторении полуденной молитвы после пятничной), пишет Али Каяев¹, проистекают из-за игнорирования дагестанцами того, что есть по этому поводу в Коране и сунне, их косности в отношении того, что они читают в книгах по *фикху*, имеющих хождение среди них, от того, что они зубами вбиваются в них, не исследуя основ их и источников.

Все книги, пишет Али Каяев, последователей *шафиитской* и *ханафитской* школ и позднейшего периода изданы, и легко их прочитать и изучить людям науки. И в них также, считает он, нет

¹ «Али ал-Гумуки. Пятничная молитва и повторение полуденной молитвы после нее // Джаридат Дагистан. 19 марта 1916. № 12. С. 3–4.

ничего такого, чтобы они оба — аш-Шафии и Абу Ханифа — цитировали это из Корана и сунны или упоминали в *иджма*¹ или *кийасе*². В книге «Хатимат ал-Алфаз» Ибн Хаджара ал-‘Аскалани — *шафиита*, Джамал ад-дина ас-Суйути, также *шафиита*, и др. упоминается, но не утверждается ничего по обусловливанию определенного количества людей в пятничной молитве.

Шейх аш-Шабрамасли в своем комментарии «ан-Нихая» на Ибн Хаджара цитирует его, который считал слабыми все *хадисы*, обуславливающие 40 человек на пятничной молитве.

Не выдерживает критики условие, считает Али Каяев, что каждый молящийся должен быть свободным — он может быть и рабом, а также то, что он должен быть гражданином этой местности, проживать там, — путешественник тоже может входить в число молящихся, временно находясь на этой местности.

Чтение Корана и исправление произношения, пишет А. Каяев, является условием всех молитв, в том числе и пятничной. Если чтение Корана не обуславливается в других молитвах, то оно не обуславливается и в пятничной. Если же возникает сомнение в правильности чтения (имеется в виду произношение) пятничной молитвы, то какой смысл повтора полуденной молитвы, если она будет произнесена также неправильно, резонно спрашивает А. Каяев.

Али Каяев³, развивая эту тему и отвечая на подобные вопросы, пишет, что на Кавказе, который покорили русские и установили над мусульманами своего правителя, мусульманам следует проводить пятничную молитву, и будет она истинной и в селах, и в городах, но для этого не нужно разрешения султана, присутствия его самого или его наместника. А если кто-то из числа *имамов* деревень отвергает проведение ее, считает ученый, то это означает только то, что он сбился с пути сам и вводит в заблуждение и приостанавливает один из самых величественных обрядов (церемоний) ислама и лишает мусульман ее великой пользы, которая предписана шариатом и против которой (пользы) нет ни одного аргумента ни в Коране, ни в сунне.

А тот, считает А. Каяев, кто совершает пятничную молитву, а затем после нее полуденную, т.е. в обязательном порядке, в равной степени *ханафит* он или *шафиит*, совершает ересь по отношению к

¹ *Иджма* — согласие, единодушное мнение авторитетных лиц по обсуждаемому вопросу, один из источников (*усул*) мусульманского права (*фикха*).

² *Кийас* — суждение по аналогии, один из источников (*усул*) *фикха* (мусульманского права), наряду с Кораном, сунной и *иджма*.

³ ‘Али ал-Гумуки. О проблеме пятничной молитвы // Джаридат Дагистан. 26 марта 1916. № 13. С. 4.

религии, то, чего нет в ней, добавляя к пяти предписанным молитвам шестую безо всякого законного аргумента на это, ссылаясь на слабые доводы и условия, которых нет ни в Коране, ни в сунне.

Ахмед Рида ал-Бакуги¹ пишет: «...И вот мы спрашиваем вас, сообщество великих ученых и благородных факихов, которые говорят об обязательности полуденной молитвы после пятничной: есть ли у вас что-либо, свидетельствующее об этом из Корана, или знаете ли хадис от Пророка, который он подтвердил словом и делом? Если есть, то было бы наиболее целесообразно поблагодарить вас. И если же нет здесь аргумента ни из Корана, ни из сунны, то кто же является законодателем в религии и покушается в религии на то, чего не разрешает Аллах, и добавляет поклонения после Пророка, чего он не делал [сам] и не повелевал делать».

Вместе с тем, пишет А. Каяев, религия уже была совершенна в его эпоху, в высказывании Всевышнего: «Сегодня я довел до совершенства вашу религию для вас», а *аят*, который явился в пятницу, не свидетельствует о повторении полуденной молитвы после пятничной, а, напротив, свидетельствует о неповторении ее, когда Пророк сказал: «И когда совершите пятничную молитву, то расходитесь!»

Ахмед Рида считает, что Аллах повелевает расходиться после пятничной молитвы, а не совершать полуденную молитву. Никто не видел, чтобы Пророк молился после нее (пятничной молитвы), а совершал пятничную молитву и выходил из мечети. Абдаллах б. 'Умар сказал в *хадисе*: «Он (Пророк) не молился после пятничной молитвы, пока не отходил и молился два рака'та».

В целом, заключает Ахмед Рида, полуденная молитва после пятничной — есть ересь, *бид'а*, которую совершают люди после Пророка, ересь, которую запрещали Аллах и Пророк нам.

¹ Ахмед Рида ал-Бакуги. О повторении полуденной молитвы после пятничной // Джаридат Дагистан. 21 мая 1916 г. № 21. С. 4.

§ 3. О хутбе не на арабском языке

Следующий вопрос, вызвавший оживленную дискуссию читателей на страницах газеты «Джаридат Дагистан», — можно ли читать хутбу не на арабском, а на местных языках?

Хутба — речь, проповедь, выступление *хатиба*. В мусульманском ритуале *хутба* появилась, очевидно, еще во времена Мухаммада, хотя в Коране она не упоминается. О *хутбе* говорится в жизнеописаниях Пророка, в многочисленных *хадисах*. При разработке *фикха* *хутба* была регламентирована в специальных разделах законодческих трудов как часть богослужения по пятницам, в дни двух главных праздников и по особым поводам (затмение, засуха и т.п.). Пятничную службу начинает *имам-хатиб*, одетый согласно предписанию и ритуально чистый, он произносит *хутбу*, приветствует собравшихся, воздает хвалу Аллаху, испрашивает благословение у Пророка, читает отрывок из Корана, молится за верующих и наставляет их в благочестии. Он должен находиться на *минбаре* (или любом возвышении), сидеть до *азана* и после первой *хутбы* говорить стоя и опираясь на лук, меч или посох. Затем он выступает со второй *хутбой*, состоящей из тех же элементов. В праздник и по особому случаю *хутбу* произносят после общей молитвы, от пятничной она отличается лишь некоторыми частностями (когда угрожает бедствие, в *хутбу* вводятся многократные *такбир*ы и *истиғфар* — мольбы о прощении). Текст *хутбы* варьируется за счет подбора молитв, коранических цитат и увещаний. В письменных источниках многие конкретные *хутбы* приводятся текстуально, целиком или в выдержках. Есть и сборники образцовых или рекомендуемых *хутб*.

Важное политическое значение *хутба* приобрела благодаря одному ее пункту: в молитве за верующих полагалось упомянуть имя здравствующего халифа. Неизвестно, когда этот обычай установился, быть может, лишь при Аббасидах, но во второй полови-

не IX в. отдельные правители добились упоминания своего имени после имени халифа.

Поименование в *хутбе* («право *хутбы*») стало одним из основных внешних признаков независимости правителя. В *хутбе* выражалась политическая ориентация *хатиба* и представляемой им общины: если имя правителя опускали, это означало его непризнание или низложение. В колониальный период власти косвенно вмешивались в содержание *хутбы*. В современных мусульманских государствах текст *хутбы* обычно согласовывается с представителями власти¹.

Так как *хутба* (проповедь) должна быть произнесена по-арабски² (только в арабских странах), а во многих неарабских странах редко найдется *имам*, который бы настолько владел этим языком, чтобы мог читать на нем проповедь, то для этого употребляют составленные в Египте сборники, в которых написаны проповеди на каждую пятницу и на каждый праздник в году, которые таким образом повторяются из года в год.

Как пишет Ахмед Курди³ из Кумуха, «не секрет для разумных людей, что проповеди, которые читают проповедники ислама на религиозных торжествах, являются одними из красот ислама и наиболее важными причинами продвижения к прогрессу и культуре. И если бы у ислама не было других качеств, кроме этого, то его было бы достаточно по красоте и гордости».

Ахмед Курди пишет, что «шариат установил собрание мусульман для достижения согласия в своих сердцах, чтобы они побеседовали между собой относительно своих дел», а также (шариат) «определил, чтобы один из них, т.е. мусульман, ученый и разумный, читал проповедь остальным с мудрым обоснованием и хорошим наставлением, побуждая их к тому, что улучшает их положение, вразумлять их в том, в чем они испытывают нужду в земных и потусторонних делах согласно времени и месту... показать им правильный путь, предостеречь от падения в пропасть дикости и варварства, предостеречь от плохого исхода невежества и застоя», — и все это благодаря *хутбе*, установленной в исламе и узаконенной именно для этого.

И, чтобы она была таковой, считает Ахмед Курди, необходимо, чтобы ее понимали слушатели и извлекали из нее пользу, иначе

¹ Халидов А.Б. *Хутба* // Ислам: Энциклопедический словарь. М., 1991. С. 285.

² Коран. Пер. с араб. и коммент. М.-Н.О. Османова. М., 1999. 26:194, 195. С. 388. Из Корана 19:4. С. 268.

³ Ахмед Курди ал-Гумуки. Статья о хутбе-проповеди // Джаридат Дагистан. 21 мая 1916. № 21. С. 4.

зачем она, она тщетна и есть бесполезная трата времени огромного количества слушающих проповедь мусульман.

Не секрет, пишет автор статьи, что проповедники на заре ислама читали проповеди на арабском языке. И это потому, что все их слушатели или большинство их в тот период были арабами. А если бы они читали проповедь на арабском и в более поздний период, когда значительную часть населения в завоеванных странах составляли неарабы, то не было бы от нее никакой пользы, и не поняли бы из нее ничего слушатели, она была бы лишней и бесполезной. И отсюда, заключает автор, нет необходимости быть ей на арабском языке во всех странах, как утверждают это некоторые мусульманские ученые.

Удивительно, и даже весьма, продолжает Ахмед Курди, что дагестанские проповедники читают проповеди людям, увещевают их на арабском языке, хотя люди не понимают значения ни одного слова из их проповеди, как будто проповедь установлена просто для напевания мелодий для них.

Был у дагестанцев много веков назад обычай чтения проповеди по-арабски в наших мечетях громко и напевая, хотя большинство из них ничего не понимало в этом. Но время это прошло, считает Ахмед Курди. То, что делаем сейчас, считает он, есть ошибка и явное невежество, не цель проповеди — повторение этих арабских оборотов, как повторяет граммофон мелодии стихов, цель ее — сделать понятным для мусульман то, что следует им знать.

Пение проповедниками арабских оборотов, считает автор статьи, которые не понимают присутствующие, есть преступление против религии. И они воистину ответственны перед Аллахом Всевышним за это, заключает Ахмед Курди.

Необходимо, пишет он, чтобы проповедники читали проповеди на языке слушателей, чтобы проповедник разъяснял своему народу о пользе мирской и духовной и чтобы не обманывал их мирскими примерами, «опасаясь из страха». «Бедность горда. Чтобы объяснял им, что сохранение религии и потустороннего мира невозможно, не сохранив этот мир».

Имам должен читать проповедь *джамаату* на языке, понятном *джамаату*, или при помощи переводчика, считает Ахмед Рида ал-Бакуги¹. «Имам побуждает их на благочестивые деяния и полезные поступки, разъясняет им законы Аллаха и заповеди, которые он предписал в служении, и что он велит делать добро и запрещает

¹ Ахмед Рида ал-Бакуги. Об истинности проповеди (хутбы) // Джаридат Дагистан. 21 мая 1916. № 21. С. 4.

зло...» Можно надеяться, что у общества, которому проповедник читает каждую неделю таким образом, пишет Ахмед Рида, будут воспитываться (улучшаться) его нравственные качества, и члены общества будут соревноваться в достижении своего счастья, постепенно будет прогрессировать общественное мнение, люди станут разумными в их духовных и мирских делах; укрепится в их сердцах любовь к науке, знаниям и прогрессу, и они не захотят оставлять своих детей в невежестве и неполноценности, а будут прилагать усилия к их воспитанию и образованию, как и все люди.

Это есть истина *хутбы*, установленной в пятницу, считает автор статьи. А самое лучше для этой *хутбы* — если люди совершают ее истинным образом. А мы же, пишет Ахмед Рида, стали врагами всем красотах ислама из-за нашей невежественности.

А что касается нашей *хутбы* и *хутбы* Пророка, сравнивает Ахмед Рида, то это две различные вещи. То, что мы называем *хутба* — это не *хутба*, а чтение ее, и читается она только для слушания. И нет ее воздействия на умы и души, так как дагестанские проповедники читают арабские обороты и рифмованные выражения публично перед *джамаатом*, взяв на себя обязанность читать хорошим голосом, чрезмерно повышая его, надеясь, что люди будут хвалить их за хороший голос и его звонкость, так что услышит его проходящий по улице, даже если не будет от них требуемого воздействия.

Ахмед Рида обращается к ученым и проповедникам, чтобы они отбросили противодействие и фанатизм в вопросе назначения *хутбы* и ее пользы, является ли она просто слушанием людьми голоса проповедника, слушанием арабских фраз и оборотов, даже если они не понимают их, или это понимание хороших увещаний и действенных предупредительных мер, чтобы облегчить ими воспитание нравов людей и улучшить их поведение еженедельным слушанием проповеди. «Капля, если будет капать постоянно, сделает брешь в скале».

Абу Мухаммад Касем ал-Алахи Хаджи Хусейн¹ пишет, что в последнее время стали полны страницы газеты «Джаридат Дагистан» письмами мужей науки и пера, просящими своих братьев-ученых и проповедников читать пятничную *хутбу* на языке собравшихся и выражающими удивление в отношении проповедников, произносящих проповеди на арабском. Эти мужи науки, следуя своим праведным предкам, утверждают, что чтение пятничной *хутбы* для неарабов на арабском языке есть явная ошибка,

¹ Абу Мухаммад Касем ал-Алахи Хаджи Хусейн. О хутбе не на арабском // Джаридат Дагистан. 20 августа 1916. № 34. С. 4.

невежество и преступление против религии и расточение времени миллионов мусульман.

Хаджи Хусейн считает просьбы в этих письмах оспаривающими и противоречащими тому, что есть в *шафиитских* книгах относительно *хутбы*, и не считает их правильным обоснованием, чтобы *хутба* была на языке слушателей.

Редакция газеты в своем ответе¹ пишет, что говорящие об обязательности чтения *хутбы* на языке собравшихся не невежественны в отношении того, что написано в шариатских книгах по *фикху*, т.е. об обусловливании *хутбы* на арабском языке, когда отвечают сторонникам *хутбы* на арабском противоположно тому, что они говорят. Напротив, считает редакция газеты, они знают это достоверно и противоречат вместе с тем, принимая во внимание то, что цель *хутбы* — принесение пользы для присутствующих. А присутствующие извлекают пользу только тогда, когда *хутба* читается на их языке, что очевидно.

Удивительнее всего, отвечает редакция, что эти *факихи* сами пишут в своих книгах, чтобы *хутба* была понятной, близкой к пониманию, не архаичной, чтобы извлекали из нее пользу большинство людей. Затем обусловливают вместе с тем, чтобы она была на арабском, который не знают большинство мусульман, вследствие чего они не извлекают никакой пользы из такой проповеди. И это потому, что сегодня число мусульман на земном шаре достигло примерно 400 млн человек, из них 40 или 50 млн — арабы, а остальные 350–360 млн — неарабы, большинство из которых не понимают ни арабский, ни *хутбу* на арабском, которую произносят каждую пятницу, не понимая даже одного слова.

Суммируя сказанное, редакция просит Хаджи Хусейна привести ясные аргументы в отношении того, чтобы *хутба* была по-арабски. А что касается предшественников, продолжает свой ответ редакция, например большинства сподвижников и последователей Пророка, почему они читали проповеди на арабском, то это происходило не из-за обусловленности арабского языка в *хутбе*, а из-за того, что арабский был их языком и языком большинства слушателей *хутбы*.

В своем другом письме² вышеупомянутый Хаджи Хусейн ал-'Алахи вновь поднимает проблему *хутбы*, но никаких конкретных доводов в подтверждение своих мыслей не приводит, на что

¹ ('Али ал-Гумуки). Ответ редакции // Джаридат Дагистан. 20 августа 1916. № 34. С. 4.

² Хаджи Хусейн ал-'Алахи. Проблема проповеди // Джаридат Дагистан. 8 октября 1916. № 40. С. 4.

Али Каяев резонно указывает в своем ответе¹ ему и выдвигает аргументы в подтверждение своих мыслей о чтении *хутбы* на языке слушателей.

Аргументом в пользу этого, пишет Али Каяев, является следование каждого человека и каждой нации Пророку в том, в чем они понимали его каждый на своем языке и наречии. И действительно, считает А. Каяев, нет сомнения в том, что Пророк не беседовал ни с одним человеком или народом иначе, если только понимали его язык и говор. И следовали ему в этом его сподвижники, которые передавали, что Пророк говорил с кем-либо, языка которого он не знал, только с помощью переводчика.

Али Каяев считает, что это было традицией не только нашего Пророка и его сподвижников, всех пророков и посланников, никто не разговаривал ни с кем из своего народа, не читал им проповедь, если они не понимали его язык. Кто будет отвергать такое: проповедник читает проповедь людям, которые не понимают его, и призывает их с самого высокого места — *минбара* и самым высоким голосом приказывает и запрещает им, говоря примерно следующее: «О люди, делайте так, не делайте этак», а они не понимают ничего из его слов. Это есть ересь по отношению к религии, считает А. Каяев, это не следование пути, которым шли пророки, посланники и все разумные мужи; это лишение смысла регламентации *хутбы* шариатом и превращение мусульман только в слушателей мелодий и звуков речи проповедника.

Маджид ал-Кабарди ал-Фанзави² пишет, что достаточно по данному вопросу того, что отвечает Али Каяев Хаджи Хусейну в № 34 и 40 газеты, но вместе с тем он хочет добавить несколько слов по данной проблеме.

Не осмелятся на такой вопрос, пишет он, только глупцы, которые не обладают знаниями о духе ислама, и те, кто болтает обо всем, чего не знают. Факихи пришли к единодушному мнению, что *хутба* — есть условие пятничной молитвы и что она, согласно терминологии шариата, слово, включающее хвалу, прославление и приветствие Аллаху и молитву Пророку, завет о богобоязненности и увещание. Последнее — есть смысл регламентации *хутбы*, считает он, а то, что предшествует ему — хвала, прославление и т.д., то им начинаются наставление и увещание, как начинается любое разумное дело. Разве будут осуществляться завет о богобоязнен-

¹ ('Али ал-Гумуки). Ответ Хаджи Хусейну // Джаридат Дагистан. 8 октября 1916. № 40. С. 4.

² Маджид ал-Кабарди ал-Фанзави. Проповедь не на арабском // Джаридат Дагестан. 12 ноября 1916. № 45. С. 4.

ности, наставление, увещевание и обращение к народу с тем, чего он не понимает, даже если *хутба* является условием истинности пятничной молитвы? Или, спрашивает автор статьи, разве неарабы находятся на положении домашних животных, неполнокровных без подражания арабам, у которых нет *хутбы* для своей молитвы?

Масуд из Могоха¹ также считает, что проповеднику следует читать проповедь на языке слушателей или с помощью переводчика. Предпочтительней, пишет он, если *имам* стоит лицом к слушателям и тылом к *кибле*, в противоположность другим поклонениям. *Имам* поворачивается к людям, когда читает проповедь, согласно мнению автора статьи, чтобы они всецело отдались слушанию его проповеди и понимали его слова с тем, чтобы извлечь из нее пользу.

Салех, сын Ахмеда Эфенди ал-Кахи², пишет, что в газете напечатано огромное количество высказываний ученых Дагестана в отношении пятничной *хутбы*, которая сейчас читается во всех исламских странах по-арабски. Возможно ли ее прочтение на языке собравшихся или нет? — спрашивает он.

Автор замечает, что *хутба* имеет две стороны. Одна — упоминание и приветствие, вторая — увещевание, наставление. Первую ее часть, по его мнению, разрешается читать по-арабски, даже если присутствующие не знают этого языка и не понимают смысла проповеди. Здесь тот случай, считает автор, когда непонимание смысла упоминаний и приветствий не вредит. Однако основная цель *хутбы*, заключает автор статьи, это наставление, и нельзя читать ее иначе, как на языке собравшихся, так как наставление достигает цели при понимании смысла, а не при отсутствии его.

¹ Масуд из Могоха. Возвращение к проблеме хутбы // Джаридат Дагистан. 25 июня 1916. № 26. С. 4.

² Салех сын Ахмеда Эфенди ал-Кахи. Несколько строк о «хутбе» // Джаридат Дагистан. 10 декабря 1916. № 49. С. 4.

§ 4. О вакфах и их использовании

Другой вопрос, интересовавший читателей газеты «Джаридат Дагистан» в письмах, адресованных и опубликованных на ее страницах, — это использование вакфа.

Вакфом именовалось движимое и недвижимое имущество, завещанное в пользу религиозных учреждений — мечетей, медресе, дервишеских обителей (*ханака*), а также гробниц святых и государей, благотворительных учреждений, как то: госпиталей, странноприимных домов, приютов для стариков, вдов и сирот. Но только часть доходов шла непосредственно на содержание религиозных и благотворительных учреждений. Значительная, быть может, большая, часть доходов (вакфов) шла в пользу их попечителей (*мутавалиев*), *кадиев* и мусульманских богословов.

Согласно мусульманскому праву любое лицо может завещать в вакф всякую вещь, в частности недвижимость (*'акар*): земли, сады, мельницы, каналы, источники, лавки, ремесленные мастерские, целые базары и т.п. Завещанное считается собственностью (*мульк*) Аллаха, но доходами с него пользуются религиозное или благотворительное учреждение, лицо или фамилия, в пользу которых завещан вакф. *Вакуфное* имущество не может быть продано, заложено, подарено или передано в руки частного лица.

«Вакфы пользовались налоговым иммунитетом и не платили ничего в диван; право взимания всех диванских податей переходило к владельцу вакфа»¹.

В наиболее широком смысле вакф — все завоеванные мусульманами земли, с которых платится *харадж*, — *фай* (добыча, трофей) мусульман. В более узком, общеупотребительном смысле — имущество, право собственности на которое по волеизъявлению

¹ Петрушевский И.П. Земледелие и аграрные отношения в Иране в XIII–XIV веках. М.-Л., 1960. С. 247–248.

учредителя вакфа (*вакифа*) ограничено использованием всем или частью дохода или продукта.

По мнению мусульманских *факихов*, такое имущество сразу же перестает быть собственностью дарителя, но не становится собственностью того, кому подарено, так как это не акт купли-продажи и не передача по наследству (признанные мусульманским правом формы передачи собственности), действие права собственности как бы останавливается.

Вакф может быть передан как отдельному дееспособному лицу, так и группе точно определенных лиц (в том числе всем или некоторым из детей или потомков), а также предназначен на определенные благотворительные цели; последняя форма (*вакф-хайри*) обычно и подразумевается под вакфом.

В вакф может быть обращена только безусловная собственность учредителя, приносящая пользу (доход) и не расходующаяся (нельзя завещать пищу, одежду, деньги).

«Вакф имеет строго определенное назначение, и если, например, он завещан детям, то после их смерти вакф не переходит к их наследникам, а передается в пользу бедных. Акт учреждения вакфа может быть письменным (заверяется судьей и свидетелями) или устным (оглашается публично в мечети), он безоговорочно вступает в силу с момента подписания или оглашения и не может быть отозван учредителем. Отсрочка допустима только в завещании, которое, естественно, вступает в силу после смерти завещателя, но в этом случае (как и при освобождении по завещанию рабов) имущество, обращаемое в вакф, не может быть больше $1/3$ состояния»¹.

Вопрос использования вакфов очень интересно, на наш взгляд, рассмотрен в одной из статей² Али Каяева на страницах «Джаридат Дагистан». Он пишет, что добропорядочные люди в Дагестане стали часто завещать имущество на частные и общественные благотворительные цели. Однако, замечает А. Каяев, большинство дагестанцев неправильно делают выбор банков для своих вакфов, им не удается вложить их в места наиболее выгодные, полезные и нужные для людей, как, например, школы; в пользу ученых из студентов и учителей, бедняков, сирот, несчастных, как это имеет место традиционно за пределами нашего Дагестана. На эти цели завещают вакфы в Дагестане очень в редких случаях, пишет А. Каяев, а завещают вакфы согласно адатам своей эпохи, не заботясь, чтобы

¹ Большаков О.Г. Вакф // Ислам: Энциклопедический словарь. М., 1991. С. 45.

² «Али ал-Гумуки. Наши вакфы // Джаридат Дагистан. 10 декабря 1916. № 49. С. 3–4.

они были наиболее полезны для них и для людей. Дагестанцы, как замечает А. Каяев, завещают вакфы мечетям своей местности или деревни в очень большом количестве. Некоторые из них идут на пользу этих мечетей, большая же их часть — на кормление ревностных приверженцев мечетей. Этот второй вид вакфов, замечает А. Каяев, очень увеличился, и очень часто завещают вакф такого вида, где в мечетях раздают хлеб, мясо, пшеничную кашу и т.п., где весами, *ратлями* и *мискалями* взвешивают хлеб, жир и др.

А. Каяев пишет, что люди рассказывают друг другу о наличии вакфов и устремляются в мечети отовсюду, поодиночке и толпами, даже те, которые никогда не молятся в своих домах и присутствуют в мечетях только из-за хлеба и мяса, иногда не делая различия между взрослым и ребенком, а иной раз специально назначают для этого взрослого и зрелого представителя и не определяют доли из вакфа для юношей, чужих людей, даже если они сироты и наибеднейшие люди.

Далее, пишет А. Каяев, еда находится в мечетях в грязи и в беспорядке. И иной раз в мечетях бывает так много мяса, что оно портится без всякой пользы. Случается, добавляет А. Каяев, что служители мечети — выходцы из одного или нескольких домов, которых можно сосчитать по пальцам, и только они получают все, что дается по вакфу этой мечети из еды, и тогда только их домашняя скотина питается всем этим.

Вот таковы наши вакфы, заключает А. Каяев, которым нет подобия в какой-либо стороне земли. И это наши адаты, которым мы следуем, в этом наша доля, и за которые цепляемся зубами, с горечью замечает он.

Часто случается, приводит пример А. Каяев, что в мечети бьют старые ковры, завещанные в вакф мечети с давних пор, и если их оставить в таком состоянии, то от них не будет пользы, и прекратится от вакфодателя воздаяние. Приходят в мечети торговцы, желающие дать за них цену, за которую можно купить такие же или подобные им, но новые ковры, которые выполняли бы ту же функцию, что и старые, до тех пор, пока не износятся. Затем можно было бы продать их, как и первые ковры, и купить за их стоимость другие новые ковры. Но *факихи* не хотят вынести заключение по этому вопросу и отвечают отказом и запретом, аргументируя это тем, что нельзя продавать и заменять вакфы чем-либо другим, не задумываясь о том, что ковры могут износиться, и прекратится воздаяние от вакфодателя.

Также случается, пишет А. Каяев, что завещанные в вакф земли находятся рядом с селом или в середине его. Если возделывать

ее по условиям вакфа, не получишь от нее большой пользы из-за того, что пасется часто на ней домашний скот деревни. А если же она будет продана, то можно купить за ее стоимость такую же землю или намного лучше в середине пашни или наилучшее место для сельского хозяйства с наилучшей плодородной почвой, потому что есть много из сельчан, желающих приобрести *вакуфные* земли под строительство дома и т.д. Служители мечети хотят продать завещанные в вакф земли, чтобы купить за их стоимость лучшие земли и более полезные для мечети. Просят ученых-*факихов* вынести решения, а они не выносят их, отвечая отказом и запретом, не обращая внимания ни на уменьшение воздаяния вакфодателя, ни на его прекращение, ни на то, что вакфополучатель лишается возможности получать пользу.

Третий случай, связанный с вакфами, который описывает Али Каяев, — когда появились стеклянные чистые лампочки, которые горят на керосине, люди хотели ими заменить старые лампы в мечетях и заменить жир, завещанный в вакф для ламп на керосин, и попросили ученых-*факихов* вынести решение для этого. Одни из них вынесли решение о невозможности нарушения адатов, которые продолжаются со времени вакфодателя до наших дней. И не обращают внимания (*факихи*) ни на загрязненность стен мечетей и их потолков, ни на закопченность старых ламп; не обращают внимания и на то, что они вредят здоровью служителей мечети, а также достижению целей вакфодателей путем освещения мечетей новыми лампами, наряду с чистотой вдобавок.

Другие *факихи*, замечает А. Каяев, выносят решение о разрешении замены жира на керосин, ссылаясь на то, что написано в «*Тухфат ал-мухтаж*» Ибн Хаджара ал-Хайтами, а если бы не он, то они не вынесли бы такого решения.

Если бы дело касалось меня, пишет А.Каяев, то я не разводил бы этот застой и не причинил бы этот величайший вред вакфодателям, которого не желает любой разумный человек, и разрешил бы продавать указанные выше старые ковры мечетей, чтобы купить (за их стоимость) новые ковры, и не колебался бы в даче разрешения на замену жира, завещанного в вакф, на лампы, горящие на керосине, и сделал бы это даже, если бы не нашел ссылок *факихов*, а также на продажу завещанных в вакф сельхозугодий, чтобы купить за полученную цену сельхозугодья лучше и более полезные, и поступил бы только в соответствии с условиями вакфодателей, как поступили бы они сами, если бы они были живыми и выделили то, что видим мы, и то, что произошло после них. Оставил бы из их условий то, что следовало бы оставить, исходя из интересов дела,

и изменил бы то, что следовало изменить, как сделали бы сами вакфодатели, если бы они были живы. И это потому, считает А. Каяев, что они люди, которые завещали вакф из того, что было у них, а затем ушли своим путем (т.е. умерли). Дело выпало из их рук, и они не могут исправить те ошибки в условиях вакфа и внести то изменение, которое вменяет изменившийся мир. Нам, согласно А. Каяеву, следует занять их место в этом и делать за них то, что они делали бы, если бы дело было в их руках, и не оглядываться на их фразы и фразы *факихов*.

И если бы его слушали люди, продолжает А. Каяев, то он сказал бы им, чтобы они тратили все, что завещается в вакф в виде хлеба, мяса и т.д., которое распределяется среди молящихся в мечети, на бедняков, несчастных, на школы, учителей, студентов, *имамов* и *муэдзинов* и т.п., чтобы улучшилась их жизнь и желали люди учиться и предъявляли спрос к науке после того, как ушли из нее деятели науки из-за плохого ее положения.

И в заключение Али Каяев пишет, что нет ничего не только в Коране и сунне, но и в *иджма* и в *кийасе*, где был бы запрет на продажу вакфа, чтобы купить за стоимость проданного то, что является вчетверо больше этого, и это будет вместо предыдущего вакфа... Али Каяев добавляет, что он говорит о разрешении продажи вакфа в правильных целях, которые имеют длительность и непрерывность.

§ 5. О посте

Среди вопросов, вызывавших интерес читателей и затронутых на страницах газеты «Джаридат Дагистан», — мудрость установления поста в исламском культе.

Пост (ар. — *ас-саум*, перс. — *рузе*, тур.-татар. — *ураза*) — одно из пяти основных обязательных предписаний ислама¹.

Пост в мусульманском праве — одна из важнейших обязанностей верующего в отношении Аллаха².

После переселения (*хиджры*) Мухаммада из Мекки его последователи постились обыкновенно 10-го мухаррама и в течение так называемых белых дней каждого месяца, т.е. в течение трех дней, когда луна достигает высшей точки на небе. Позже³ был установлен один обязательный пост — в течение месяца Рамадан, так как Пророк в этом месяце получил первое откровение⁴.

Пост в месяц Рамадан должен начинаться, как только появится на небе новая луна этого месяца, и оканчивается с появлением новой луны следующего месяца шавваля.

Каждый совершеннолетний⁵ мусульманин в течение месяца Рамадан должен воздерживаться, начиная с самого раннего утра⁶ до заката солнца, не только от всякой пищи и питья, но даже от принятия чего-либо внутрь, причем запрещается в то

¹ Халидов А.Б. Ас-саум // Ислам: Энциклопедический словарь. М., 1991. С. 208.

² Коран. 9:13; 30–35.

³ Коран. 2:179–183.

⁴ Коран. 46:1–5.

⁵ Что касается детей, то к ним применяется то же правило, что и в отношении молитвы, т.е. с семилетнего возраста убеждают детей поститься, а с 10-летнего их принуждают к этому.

⁶ То есть с того момента, когда при свете утренней зари можно отличить белую нитку от черной. Коран II, 183.

же время облегчать себе пост посредством извержения слюны и пускания крови¹.

В течение поста не допускается умащаться благовониями, курить, совершать какое-либо действие, доставляющее наслаждение, даже плевать. Желательно воздерживаться, насколько это возможно, от всяких разговоров, кроме серьезных и религиозных, в особенности от клеветы и гнева. Напротив, должно строго совершать свои ежедневные молитвы, часто читать Коран, заниматься благочестивыми размышлениями, а для этого принимать участие в *зикре*. Желательно также, чтобы постящийся произносил про себя постоянно имена или атрибуты Аллаха² и принимал участие в молитвах, которые в течение этого месяца совершаются в мечетях.

В течение поста почти все дела останавливаются, в судебных местах нет заседаний. Но так как поститься следует только днем, то мусульмане проводят обыкновенно ночи в течение месяца Рамадан, насколько позволяют их средства, в угощении друг друга, готовясь таким образом к нелегкой задаче следующего дня.

Всякое сознательное нарушение указанных выше предписаний делает пост целого дня недействительным. Этот день должен быть возмещен позже другим днем, а сверх того постящийся должен, смотря по обстоятельствам и тяжести проступка, принести искупительную жертву (*каффарат*), состоящую в насыщении 60 бедных или посте, продолжающемся двойное число нарушенных дней.

От поста освобождаются:

1. Престарелые, силы которых недостаточны для перенесения его, но они должны за каждый день поста дать бедным один *мудд* ($1/4$ *са*) жизненных припасов.

2. Больные, путешественники и воины во время священной войны. Последние должны, по возможности, впоследствии возместить этот пост.

3. Умалишенные.

4. Женщины во время беременности, равным образом те, которые вследствие регул или родов находятся в состоянии нечистоты, не могут поститься. От поста освобождены также женщины, кормящие грудью, когда пост оказывается вредным для них и для их грудных младенцев.

¹ Сверх того при посте должно, как при всяком религиозном действии, иметь намерение (*нийат*) совершить богоугодное дело.

² Аллах имеет сто имен, из которых каждое указывает на одно из его свойств. При произнесении его имени мусульмане употребляют четки, состоящие из 100 зерен, из которых одно больше других и служит для обозначения важнейшего его имени — Аллах. Коран. 7:179; 20:7; 59:24.

Конец поста празднуется в течение нескольких дней. Этот праздник называется *'иду-л-фитр* — праздником разговения, малым праздником или байрамом (*ал-'йд-с-сагир*).

Праздник этот продолжается обычно два-три дня, в течение которых надевают лучшую одежду, умащаются благовониями, посещают друзей, подают милостыню. В первый день этого праздника в мечетях произносится по этому случаю проповедь (*хутба*). В эти дни часто посещают кладбища и украшают могилы цветами.

Кроме вышеупомянутого поста, считается богоугодным делом поститься добровольно¹ в другие дни, особенно в течение белых дней, т.е. 13-го, 14-го и 15-го числа каждого месяца; затем по понедельникам и четвергам каждой недели, 9 и 10 мухаррама, во время солнечных и лунных затмений, большой засухи и т.п., но поститься в дни празднования большого и малого праздников, равно как и в так называемые *айаму-т-таширик*², положительно запрещено³.

Али Каяев⁴ пишет, что Аллах Всемогуший установил пост и сделал его общей обязанностью в культе мусульман не зря и не ради только измора их голодом и водой, без всякой для них пользы, а установил его для знания сокровенного, высоких целей, смысла и великих интересов людей.

Среди них — тренировка души держащего пост, чтобы управлять злом [в себе] и подчинять свою душу: уметь держать ее в своих руках так, чтобы облегчить обуздание ее, подчиняясь дисциплине; удерживать от плохих дел и от ненависти, если они постигли тебя. Кто привык подчинять свою душу и удерживать ее от сильных желаний, приучил к голоду и жажде в жару и холоду в течение целого месяца каждый год, тот овладел собой, тому легче удерживаться от своих капризов, удерживаться от возбуждения, и не только во время поста, но и в другое время.

Далее Али Каяев пишет, что пост побуждает постящегося человека к состраданию бедным и несчастным.

Затем он цитирует слова автора книги «Сокровища наук и языка»: «Обрати внимание на мудрость обязанности поста для нас, мусульман, и размышляй о мудрости исламских культов. И если хочешь успеха в жизни и после смерти, то следуй мето-

¹ Этот добровольный пост называется *нафилат*.

² Так называются три дня, следующие за принесением жертв в долине Мины

³ *Фан ден Берг Л.В.С.* Указ.соч. С. 40–42.

⁴ *'Али ал-Гумуки.* Зачем предписывается пост // Джаридат Дагистан. 19 июля 1914. № 28. С. 4.

ду в посте, который определил Посланник Аллаха. Кто постится так, как постился Посланник Аллаха, тот сделает месяц Рамадан месяцем нетребовательности и умеренности в пище, принимая ее только в достаточном количестве. И результат его поста для мусульман по значимости будет значительно больше того, что можно было бы ожидать от различных реформ».

§ 6. Суфизм

В этом разделе мы попытаемся дать обзор статей «Джаридат Дагистан» на суфийскую тематику, касающихся норм поведения и поступков суфиев. Эта проблема затрагивалась многими дагестанскими учеными и ранее. Так, среди произведений раннего суфизма на аналогичную тематику, где «сосредоточены в одном целом подвиги и достоинства людей истины, их поведение, поступки, позиции... в поисках истины», — все это мы можем проследить в труде Абубакара Мухаммада б. Мусы б. ал-Фараджа ад-Дербенди¹. Нормам поведения *мюрида*, вступающего на путь *накшбандийского тариката*, посвящен труд шейха Абдурахмана-хаджи из Согратля (ас-Сугури)².

Статьи, опубликованные в газете «Джаридат Дагистан», посвящены суфиям современности. Среди них статья³ Шарафутдина сына Кади Мухаммада из Кумуха, который пишет, что «суфизм — образ действий, поведения, распространенный в III в. *хиджры*. Основа этого образа действий — отказ от всех чувственных желаний и очищение своего нутра, умеренность и бережливость в исканиях

¹ Абдуллаев М.А. Важный источник средневекового суфизма // ВФ. 1986. № 7. С. 82–90; Саидов М.-С.С. Рукопись Абубакара Мухаммада, сына Мусы, сына ал-Фараджа ад-Дербенди «Райхан ал-хака'ик ва-бустан ад-дака'ик» («Базилик истин и сад тонкостей») / предисл. Х.А. Омарова // Рукописная и печатная книга в Дагестане: Сб. статей. Махачкала, 1991. С. 23–47; Аликберов А.К. «Райхан ал-хака'ик ва-бустан ад-дака'ик» Мухаммада ад-Дербенди как памятник мусульманской историографии (кон. V–XI вв.): Автореф. дис... канд. ист. наук. СПб., 1991.

² Шейх Абдурахман-хаджи ас-Сугури. Ал-машраб ан-накшбандия (накшбандийское направление) / пер. с араб. А.Р. Наврузова // Абдуллаев М.А. Деятельность и воззрения шейха Абдурахмана-Хаджи и его родословная. Махачкала, 1998. С. 201–268.

³ Шарафутдин б. Кади Мухаммад. Суфизм и наши суфии // Джаридат Дагистан. 9 ноября 1913. № 45. С. 3–4.

мирской жизни и направление взоров суфия постоянно к Аллаху Всевышнему... для достижения полноты веры...».

Далее автор статьи говорит, что «речь идет не только о произнесении исповедания веры языком, но об истинной любви к Аллаху сердцем, чтобы Всевышний представал перед его глазами». Если тот, кто избрал Аллаха предметом своей любви, не отказался от своих страстей и желаний, то его притязания на любовь к Аллаху тщетны, «ибо любовь к Аллаху не утверждается в сердце раба божьего, если не приподнимается завеса между ним и Аллахом».

Дагестанские суфии, укоряет автор статьи, не могут отказаться от своих стремлений и притязаний, а их любовь к Аллаху есть не что иное, как «стремление к высокому положению, деньгам, славе среди людей». И если, обладая такими качествами, дагестанец претендует быть суфием и направлять мусульман, разве он прав в своих притязаниях? — вопрошает Шарафутдин, сын Кади Мухаммада из Кумуха.

Он продолжает свою мысль тем, что «в суфизме есть большая польза для людей в направлении и воспитании их морали», и сетует, что суфии сегодняшнего дня не сведущи в Коране и сунне, истории, небесных науках, подобно имамам ал-Газали и ал-Фахр ар-Рази, шейху Мухидину Ибн Араби, которые «овладели суфизмом, науками и знаниями и выправляли в них то, что было подпорчено суфиями-невеждами до них в здании суфизма». Таким образом, делает Шарафутдин, сын Кади Мухаммада из Кумуха, вывод, как пагубно и вредно для людей и религии, если имеют отношение к суфизму «люди, не сведущие, не подготовленные в науках». И, действительно, продолжает он, когда «суфизм в последние века оказался в ведении людей невежественных, это стало причиной застоя наук и знаний. И распространились среди людей новшества и небылицы... Религия стала мишенью и объектом для нападок и поношения со стороны безбожников»... Она стала «сборищем людей, обучающихся выдуманному молитвам и танцам с упоминанием Аллаха», «стала соревнованием шейхов между собой в увеличении толпы своих последователей и соревновании в ненависти одного к другому». «Кто же, — спрашивает Шарафутдин сын Кади Мухаммада, — приносит больший вред людям, отвращая их от занятий рационалистическими науками и необходимыми ремеслами, от размышлений и созерцания над словами Аллаха Всевышнего, хадисов его Пророка, от чтения газет и журналов?»

Еще вреднее, добавляет автор, отвращение людей от зарабатывания и торговли. Нынешние суфии повелевают людям отказ от земного мира и его благ, в то время как сами «цепляются за них зубами». Они вкладывают в слова «упования на Аллаха» не тот смысл, который хотят последователи шариата, говоря о необходимости упования на Творца, не ощущая потребности в труде и усердии, так как «Творец якобы берет на себя ответственность в обеспечении средств существования своих рабов». «Есть ли отвратительнее и вреднее для людей, чем эта доктрина? Разве без труда и усердия есть жизнь для какой-либо души на всем земном шаре?» — задает вопрос Шарафутдин, сын Кади Мухаммада. Он пишет, что «труд и усердие есть обязанность каждого здорового мусульманина, законодатель шариата запретил нам быть в тягость людям». В доказательство автор приводит сподвижников Посланника Аллаха, которые были очень деятельными в своей мирской жизни, расширении своего экономического благосостояния. Среди них называются имена 'Усмана б. Аффана¹, Амру б. ал-Аса и др., которые достигли своего богатства «трудолюбием и усердием в торговле. Торговля не отвлекала их от поклонения Аллаху, а они не обольщались своим богатством, тратя его на необходимое и жертвуя беднякам и обездоленным».

Таким образом, делается вывод, что ислам в той же мере, в какой он призывает нас к труду и усердию в будущей жизни, призывает нас к труду и усердию в этом (земном) мире. Свидетельством того, что усердие и труд — долг каждого мусульманина, автор приводит следующие *хадисы*: «работай в этом мире, как будто ты будешь жить вечно, но работай для будущей жизни, как будто ты умрешь завтра», «Улучшайте свой земной мир и работайте для будущего, как будто умрете завтра», «Нет вам блага в том, что вы покинете земной мир во имя будущего или будущий мир во имя земного, а благо ваше в том, чтобы взять от того и этого».

Шарафутдин, сын Кади Мухаммада, спрашивает: «Разве не разъясняют эти *хадисы* порочность того, к чему призывают наши невежественные шейхи, когда говорят, что совершенствование земного мира и усердие в нем гневят Аллаха и обуславливают наказание? Не есть ли это ложь, наговор на Всевышнего и поклеп на религию? Что же случилось с нашими шейхами, с прискорбием замечает автор, что они не замечают наших соседей, которые прогрессировали с помощью денег, знаний и богатства и достигли независимости и счастья? Разве они не видят, что мы приблизились

¹'Усман (Осман) б. Аффан (ок. 575–656) — третий праведный халиф.

к черте, за которой — наше исчезновение, и все это из-за нашего невежества и бедности? Что же случилось с ними, если они опускают взоры перед высказыванием Аллаха: «Не забудь свою долю в земном мире» или *хадисом*: «Как прекрасны праведные деньги в руках праведного человека». И разве есть место рядом с этими двумя изречениями тому, к чему призывают эти шейхи и учат массы, что «ислам ослабевает от зарабатывания и богатства и что мы сотворены для будущего мира». Вот какие справедливые, на наш взгляд, претензии выдвигает Шарафутдин, сын Кади Мухаммада, из Кумуха в статье к суфиям современности.

6.1. О Хидре

У мусульман есть «святой», своего рода покровитель всех мореходов по имени Хидр, но не все верят в него. Чтобы предохранить себя от кораблекрушения и других несчастий на море, обычно прибегают к изображению туфли Мухаммада как символическому средству против бушующей морской стихии. Все же в некоторых местностях есть особо чтимые святые, призвание которых, по народному верованию, — охранять от морских несчастий. Так, в Индии Хидр почитается как покровитель путешествующих на море. В индусских поэмах он изображается как спасающий от кораблекрушений. Он представляется уму индусов в виде старика в зеленой одежде, с белой бородой и с четками в руках. В Индии устраиваются особые празднества в честь него. В день годового празднества ему приготавливается большая лодка, которая с тысячью церемоний переносится на берег реки и сдвигается на ее середину. Кроме ежегодного такого празднества в честь Хидра устраивают еженедельные празднества по пятницам, причем спускают на воду маленькие лодки. Жители островов (мусульмане) бросают в море ежегодно маленькие сосуды, наполненные благовониями как жертву королю моря, каковым, без сомнения, они считают Хидра как покровителя моря.

Ал-Хадир (ал-Хидр, Хидр, Хизр, Хадрати Хизр, Ходжа Хидр) — персонаж мусульманских преданий, праведник, один из первых людей, которому дарована вечная жизнь, чтобы поддерживать в людях веру в Аллаха, один из четырех бессмертных в мусульманской мифологии наряду с 'Исой, Ильясом, Идрисом. Живет якобы на островах, летает по воздуху, все время путешествует по миру, совершает ежегодные паломничества в Мекку,

молится по пятницам в мечетях Мекки, Медины и Иерусалима. Он покровительствует плавающим по морю, его можно специальными молитвами призвать на помощь: он потушит пожар, спасет тонущих, оградит от краж, происков джиннов, укусов змей. Его цвет зеленый, он олицетворяет жизнь растений, дарованную водой. Для суфиев он — *вали* (святой), один из самых почитаемых и могущественных, иногда его считают самым главным из них. Ал-Хидр пользуется огромной популярностью в бытовом исламе, во многих мусульманских странах есть места поклонения ему, включающие в себя реликты доисламских верований, часто связанных с божествами плодородия.

Для большинства комментаторов Корана ал-Хидр¹ — один из рабов Божьих, обладающий данными от Аллаха знаниями и охраняемый Им².

Али Каяев³ остановился на этом вопросе на страницах газеты. Он приводит высказывания ученых, которые говорят, что он жив, а также ученых, которые говорят о его смерти, — у каждого свои аргументы. Здесь же Али Каяев упоминает о шейхе Ахмаде Фаруки ас-Сарханди ан-Накшбанди, известном как имам Раббани и считающемся новатором второго тысячелетия, что он также отрицает видение суфийскими шейхами ал-Хидра. Али Каяев пишет, что ал-Хидр — из мира духов, но Аллах Всевышний придал ему силу, с помощью которой ал-Хидр принимает многочисленные формы и образы, и что поклоняться ему не является обязанностью мусульманина по шариату. Али Каяев полагает, что если такой *накшбандийский имам* признает смерть ал-Хидра и что он из мира духов, то не следует обращать внимание на высказывание тех, кто утверждает, что он жив со времен Моисея до сегодняшнего дня.

Отвечая на утверждения некоторых шейхов, что видения духов бывают материализованными (приобретающими рельефные формы), Али Каяев пишет, что это невозможно. Он полагает, что, быть может, делаются рельефными для них смысл и образы, которые в их воображении, а не реальные картины. Нельзя утверждать наличие в действительности того, что они утверждают, убежден он. В подтверждение этого Али Каяев цитирует *имама* Раббани, который писал в своих письмах: «...когда Аллах Всевышний являлся в умы чтецов Корана и их слушателей и запечатлевался в их

¹ Коран. 18:59/60–81/82.

² Пиотровский М.Б. Ал-Хадир // Ислам: Энциклопедический словарь. М., 1991. С. 262.

³ 'Али ал-Гумуки. Жив ал-Хидр или мертв // Джаридат Дагистан. 5 декабря 1915. № 49. С. 3–4.

фантазиях, возможно, что эти видимые образы в действительности являются образами, закрепившимися в их фантазиях, хотя эта действительность не является реальной».

Далее Али Каяев приводит высказывание Сахиб ал-Ибриза, который цитирует шейха 'Абд ал-Азиза ад-Дибаци: «Когда возбуждаются центры мозга кого-либо по какой-то причине, то сила его воображения начинает видеть умственные образы очень ясно, как будто они являются реальностью, и он не может сам утверждать, что они — фантазия, поэтому можно сказать подобное, очевидно, о видении шейхами ал-Хидра. Возможно, то, что они видят и представляют ал-Хидра, в действительности — это образ, запечатленный в их очень сильных фантазиях, а не он сам и не его дух, получивший рельефные очертания»¹.

6.2. Ал-иджтихад и традиция

Среди вопросов, нашедших отражение на страницах газеты, — проблема *ал-иджтихада* и *ат-таклида*.

Ал-иджтихад (усердствование, большое страдание) — деятельность богослова в изучении и решении вопросов богословско-правового комплекса, система принципов, аргументов, методов и приемов, используемых им при этом исследовании, а также степень авторитетности самого ученого (*муджтахид*) в знании, интерпретировании и комментировании богословско-правовых источников.

Согласно традиции, *ал-иджтихад* возник еще при жизни Мухаммада в среде его сподвижников, которые считаются носителями совершенного *ал-иджтихада*. Как вид направленной деятельности, *ал-иджтихад* появился в конце XII в., когда обнаружились значительные расхождения (*ихтилаф*) в том, что передавали, как объясняли и чего требовали оставшиеся в живых *асхабы*, ссылаясь на известные им высказывания и действия Мухаммада. Кроме того, в связи с изменяющимися условиями жизни в мусульманской общине возникло множество проблем правового характера. Поэтому главной целью *ал-иджтихада* стало обнаружение и решение вопросов — новых или не решенных предшественниками — таким образом, чтобы эти решения одновременно опирались на ислам и поддерживали его.

¹ 'Али ал-Гумуки. Жив ал-Хидр или мертв // Джаридат Дагистан. 5 декабря 1919. № 49. С. 3–4.

Ал-иджтихад состоит в выборе правовых источников, их оценке, определении их соотношения, выборе и классификации аргументов и методов, казуистском рассмотрении вопросов и выработке типовых формул их решения, а в случае несовпадения этих решений с реальностью — в изыскании компромиссов.

Основным орудием *ал-иджтихада* был арабский язык, на котором, кроме Корана, были записаны *хадисы* и все другие вспомогательные материалы (*тафсир*, *тайвил*, *асар* и др.). Поэтому знание арабского языка со всеми его грамматическими и лексическими тонкостями стало первым условием *ал-иджтихада*. Второе условие — знание Корана наизусть, умение его истолковывать грамматически и по смыслу, знание всех обстоятельств появления как целых *сур*, так и отдельных *аятов*. Третье — знание *хадисов*, до 3 тыс. *хадисов* надо было знать наизусть. Четвертое — знание обстоятельств сложения согласного мнения (*иджма'*) и расхождения (*ихтилаф*) по главным вопросам *фикха*. Пятое — владение методикой интерпретации избираемых правовых материалов. Шестое — ясное понимание задачи, которую ставит перед собой ученый. Седьмое — здравая оценка полученных выводов. Восьмое — убежденность в вере и преданность ей. Из всех этих условий складывался совершенный, или полный, *ал-иджтихад* (*ал-иджтихад ал-камил*).

Главными центрами *ал-иджтихада* были крупные города халифата, где жили ученые-богословы: Мекка и Медина в Хиджазе, Куфа и Басра в Ираке, Дамаск и Бейрут в Сирии.

В течение почти четырех веков — с конца VII по XI в. — шло напряженное соревнование за приоритет в теоретическом обосновании ислама, переходившее время от времени в прямые столкновения. К концу этого периода сформировались богословско-правовые школы (*мазхабы*), сложились принципы ислама как идеологии и как обоснование общественного устройства. Дальнейшая их разработка прекратилась, «двери *ал-иджтихада* закрылись», уточнялись некоторые второстепенные вопросы, переписывались и комментировались сочинения предшественников, богословский авторитет которых считался незыблемым.

С возникновением в XIX в. реформаторских течений в исламе появились тенденции к возрождению *ал-иджтихада*, чтобы пересмотреть исламские принципы с позиций современной жизни. Однако широкой поддержки со стороны исламской общественности эти тенденции не находят¹.

¹ Боголюбов А.С. Ал-иджтихад // Ислам: Энциклопедический словарь. М., 1991. С. 92.

Ат-таклид (следование, подражание) — следование авторитету *муджтахид*а какого-либо одного *мазхаба* в разработке частных вопросов *фикха*. В VIII в. *ат-таклид* означал принадлежность к кружку кого-либо из сподвижников Мухаммада, а позднее — к кружкам последователей такого сподвижника. С середины X в., когда «двери *иджтихада*» стали постепенно закрываться и его степени стали труднодостижимыми, *ат-таклид* приобретает значение «уровня авторитетности *факих*а, не являющегося *муджтахидом*».

*Ат-таклид*¹ делится на *таклид ал-хасс* (уровень ученых) и *таклид ал-'амм* (уровень обычных знаний). *Таклид ал-хасс* делится на три разряда: 1) *таклид ат-тахридж* — уровень выведения решений, которым обладают те, кто может разъяснить недостаточно определенные места шариата на основании разработок *муджтахидов* своего *мазхаба*; 2) *таклид ат-тарджих* — уровень предпочтительного выбора, которым обладают те, кто может выбрать лучшее решение из уже разработанных *муджтахид*ами; 3) *таклид ат-такдир* — уровень оценки, которым обладают те, кто, хорошо изучив работы предшественников и постигнув систему их аргументации, может составлять изложение их работ, писать к ним комментарии и т.п., ничего не прибавляя от себя. Претендующему на какой-либо разряд *ат-таклида* необходимо подтвердить свои претензии в ученых собраниях и письменными трудами. Выпускники высших духовных училищ и богословских факультетов после сдачи экзамена становятся носителями степени *ат-такдир*. Основы *ат-таклида* впервые разработал Ибн Суреидж² (ум.918), затем их развили его последователи³.

В современной социально-политической литературе термин «*ат-таклид*» приобрел значение консерватизма, в работах реформаторов ислама — косности.

Все мусульмане подразделяются на две основные категории: 1) *муджтахиды* («*муджтахид*» ар. терм. — «достигший» высокой ступени религиозного знания) и 2) *мукаллиды* («*мукаллид* ар. терм. — «подражающий кому-либо»), «последователь, ученик». В исламе сложилось сословие богословов-законоведов, которое практически играло примерно такую же роль в феодальном обществе, как христианское духовенство. *Муджтахиды*, собственно, и составляют верхи этого сословия. Только они могут высказывать-

¹ Боголюбов А.С. Ат-таклид // Ислам: Энциклопедический словарь. М., 1991. С. 222.

² Ахмад б. Суреидж, умер в 918 г. в Багдаде. *Шафиит*, был *кадием* Шираз. Ему принадлежит около 400 работ.

³ 'Али ал-Гумуки. Проблема Ат-таклид и его вырождения // Джаридат Дагистан. 17 октября 1915. № 42. С. 4.

ся по вопросам религии и права и давать юридические заключения — *фетвы*. Все остальные мусульмане (в частности, и низы духовного сословия) именуются *мукаллидами*. Они не имеют права обсуждать вопросы богословия и законоведения, высказывать свои мнения. Они должны безусловно доверять заключениям *муджтахидов*. Каждый *мукаллид* обязан признавать авторитет определенного *муджтахида* и следовать за ним. Связь между *мукаллидом* и *муджтахидом* обозначается термином «*таклид*» (ар., «подражание», также «предание», «традиция»).

Муджтахиды делятся на три степени. *Муджтахиды* высшей степени — это авторитеты, которые могли высказывать свои мнения по вопросам «корней» богословия и права, иначе говоря, это *асхабы* и их продолжатели вплоть до *имамов* — основателей *мазхабов*. Среди *муджтахидов*, достигших высшей степени, Али Каяев называет такие имена, как Абу Савр ал-Багдади, Дауд аз-Захири, Мухаммад Исмаил ал-Бухари и др.¹ *Муджтахиды* средней степени — это те, которые имели право высказывать свои мнения только по вопросам «ветвей» (*фуру'*), т.е. по частным вопросам теологии и права. Это ученики и продолжатели *имамов* — основателей *мазхабов*. Али Каяев называет среди них Абу Юсуфа из *ханафитов*; ан-Навави, Ибн Салаха, Ибн Дикик ал-'Ийда, Таки ад-дина ас-Субки, Тадж ад-дина ас-Субки, ас-Сираджа ал-Балкини, Ибн аз-Заманкали, ас-Суйути — из *шафиитов*. Но некоторые из них, как, например, ал-Матуриди, ал-'Ашари, ал-Газали, впрочем, практически завоевали себе не меньший авторитет, нежели *муджтахиды* первого периода.

В наши дни *муджтахидов* (суннитских) этих двух степеней уже нет, есть только *муджтахиды* низшей степени. Они не имеют права высказывать свои мнения ни по вопросам *усул*, ни по вопросам *фуру'*. Они могут только в нужных случаях цитировать и излагать *мукаллидам* мнения и решения *муджтахидов* первых двух степеней и на основе их мнений составлять юридические заключения (*фетвы*) по отдельным казусам. Таким образом, *муджтахиды* низшей степени являются специалистами-знатоками теологии и права; во многих случаях это очень авторитетные знатоки, но их авторитет заключается лишь в знании сочинений и *фетв* *муджтахидов* высших степеней; никакая самостоятельная роль в разработке теологии и права для них невозможна. Да и сами эти предметы давно застыли в устоявшихся формах, дальнейшее развитие их прекратилось.

¹ 'Али ал-Гумуки. Проблема иджтихада и его вырождения // Джаридат Дагистан. 17 октября 1915. № 42. С. 4.

Муджтахиды, бывшие первоначально толкователями вероучения и права, позднее — авторами компилятивных трактатов по системам шариата, в конце концов в большинстве своем превратились в юрисконсультов-казуистов, дело которых — давать заключения на основе мнения старинных авторитетов веры по определенным конкретным юридическим и бытовым казусам. Отсюда среди *факихов* развилось стремление к рассмотрению и изучению самых разнообразных казусов, иногда практически невероятных¹.

Шииты-имамиты (*джа'фариты*) отрицают мнение, принятое у суннитов, будто «врата *иджтихада* теперь закрыты», т.е. что *муджтахидов* высоких степеней, имеющих право давать заключения по вопросам корней (*усул*) и ветвей (*фуру'*) права, больше не может быть. Это обстоятельство способствовало развитию методологии *джа'фаритского мазхаба* и позволяло быстро реагировать на события изменяющегося мира². Шииты утверждают, что высокоавторитетные *муджтахиды* существуют и могут существовать вплоть до возвращения *имама* Махди. *Муджтахиды*, носящие *лакаб* «*худжжат ал-ислам*» (ар., доказательство ислама), у *имамитов* пользуются большим уважением и почитанием. Высшие, наиболее авторитетные *муджтахиды* живут в «святой земле» *шиитов* — арабском Ираке, а именно в Кербеле, Наджафе, Кизимейе, Самарре, вблизи священных гробниц *имамов*. После победы *шиизма* в Иране при Сефевидах все указы шахиншахов и любые государственные реформы должны были предварительно получить одобрение авторитетных *муджтахидов*; объявление «священной войны за веру» также должно было быть санкционировано ими³.

Али Каяев, автор статей по проблеме *ал-иджтихада* и *ат-таклида*, опубликованных в «Джаридат Дагистан», будучи в Египте в ал-Азхаре и обучаясь у Мухаммада Рашид Рида⁴, ученика Мухаммада Абдо⁵, проникся этой проблемой. Являясь их последователем, он призывал к абсолютному *ал-иджтихаду*⁶, а также смело изучать Коран и сунну и выводить из нее заповеди

¹ Петрушевский И.П. Ислам в Иране в VII-XV веках. Л.: Изд-во ЛГУ, 1966. С. 144–145.

² Прозоров С.М. Ал-джа'фарийа // Ислам: Энциклопедический словарь. М., 1991. С. 61–63.

³ Петрушевский И.П. Указ. соч. С. 272.

⁴ См.: Мухаммад Абдалмуни Хафаджи. Ал-Азхару — 1000 лет. Бейрут–Каир, 1988. С. 34–44.

⁵ Там же. С. 13–34.

⁶ Степанянц М.Т. Мусульманские концепции в философии и политике XIX–XX вв. М., 1988. С. 25.

в соответствии с требованиями эпохи¹. В своих статьях он приводит высказывания предшественников мусульман-*факихов* и доводы, доказывающие, что *иджтихад* не прекратился после четырех *имамов*, появилось много выдающихся *имамов*, особенно в *шафиитском мазхабе*, которые выносили *фетвы* о своем *иджтихаде* по различным вопросам, такие как Абу Исхак ал-Асфараийни (Хорасан) и его шейхи, *имамы* Ирака, *имамы* Хорасана, как *имам* Мекки и Медины ал-Джувайни (1028–1025), ученики Абу Хамида ал-Газали, а также известные *имамы* в *мазхабе имама* Малика, Абу Ханифа, которые продолжали выносить самостоятельные (свободные) решения и *фетвы* во всех странах.

Среди книг, на которые ссылается Али Каяев по этому поводу, — «*ан-Нафи' ал-Кабир ли ман йутали' ал-джамии' ас-сагир*» шейха 'Абд ал-Хайя ал-Кахнави ал-Хинди (из Индии)², «*Джамии' байан ал-'илм ва фадлихи*» Ибн 'Абд ал-Бирра³, книги ас-Субки, ас-Суйути и др.

За то, что Али Каяев отвергал традицию и призывал к абсолютному *ал-иджтихаду*, консервативная часть духовенства совершенно необоснованно навесила на него ярлык *ваххабита*.

6.3. Маулид

Маулид ан-Наби — «место рождения», «время рождения» Пророка Мухаммада, отмечаемое 12 раби' I, а также место рождения Пророка — дом в Мекке, превращенный в VIII веке в место молитвы. Поскольку точная дата рождения Мухаммада не известна, то *маулид ан-Наби* приурочен ко дню его смерти. Согласно суннитским источникам, первый *маулид ан-Наби* был организован Музафар ад-Дином Кекбюри, зятем Салах ад-дина, в городе Иrbиле в Верхней Месопотамии в 1207 г.

С самого начала *маулид ан-Наби*, как и *маулид «святых» (авлийа)*, *имамов*, суфийских шейхов, были объявлены религиозными авторитетами нововедением (*бид'а*). Суннитские богословы, радетели чистого ислама, резко выступали против них, отмечая, что

¹ Левин З. Указ. соч. С. 99.

² 'Али ал-Гумуки. О ал-иджтихаде и ат-таклиде // Джаридат Дагистан. 3 августа 1913. № 31. С. 4.

³ 'Али ал-Гумуки. Ибн 'Абд ал-Бирр о таклиде // Джаридат Дагистан. 3, 16 октября 1915. №№ 40, 41. С. 4.

существо праздника противоречит духу и букве ислама. Несмотря на критику, *маулид ан-Наби* был закреплен *иджма'* как одобряемое нововедение (*бид'а хасана*). После этого критика сосредоточилась в основном на практикуемых во время праздника ритуалах суфийского и христианского характера. Остались и непримиримые противники *маулида ан-Наби*, в первую очередь это Ибн Таймийя, позднее — ваххабиты, в Новейшее время — египетские модернисты во главе с Мухаммадом Абдо.

Маулид — праздники дней рождения или смерти (т.е. рождения для вечной жизни) «святых», имамов, шейхов суфийских орденов, в которые считается наиболее предпочтительным паломничество к местам их погребения. Такие паломничества часто становятся массовыми народными праздниками. В ряде случаев эти праздники носят название *мавсим* (сезон), что является, видимо, отражением сохранения древних праздников, связанных позднее с легендарной биографией «святого»¹.

Эту проблему затрагивает и Али Каяев², где он пишет, что *маулид* возник не во времена Пророка Мухаммада, не во времена его сподвижников и не во времена Омейядов и Аббасидов, а в VII веке *хиджры*, когда нашел его прекрасным один из правителей. Одни говорят, что это один из Фатимидских правителей, другие — один из черкесских правителей, третьи — что это Абу Саид Музаффар ад-Дин ал-Арйали (ум. в 630 г.х.).

Далее Али Каяев пишет, что люди нашли его нужным и считали хорошим новшеством из-за обилия в нем благ, а также из-за того, что он свободен от пагуб дурного и отвергаемых поступков. День рождения Пророка, продолжает Али Каяев, — это день, заслуживающий почитания и уважения, и не запрещается празднование его, но в рамках шариата и исламской этики. В то же время Али Каяев упоминает причину запрета празднования *маулида*, заключающуюся в том, что люди дискредитировали его хорошие качества тем, что «изобрели неподобающие, постыдные, отвергаемые поступки; смешали *маулид* с ними, что и привело к его отрицанию со стороны ученых».

Что касается *маулида* в Дагестане, считает Али Каяев, то он пришел сюда изменившимся в сравнении с первоначальным состоянием, полным дурных, неподобающих и греховных поступков. Дагестанцы же приняли его радушно и усердствовали в его празд-

¹ Резван Е.А. Маулид // Ислам: Энциклопедический словарь. М., 1991. С. 163.

² 'Али ал-Гумуки. Наши маулиды // Джаридат Дагистан. 26 декабря 1915. № 52. С. 4.

новании, устраивали пиры в его честь, стремились к изысканности в приготовлении еды и питья для праздника, тратили на это такие суммы, одной сотой которых не тратили на науки, обучение и тому подобные общественные нужды. Они выбирали для декламации *касыд* «исполнителей с самым лучшим голосом и наиболее живым напевом», слушали их, наслаждались возбуждающими мелодиями исполнителей, даже если ничего не понимали из того, что они исполняли. Иной раз, пишет Али Каяев, суфии из числа присутствующих добавляли на *маулиде* чтение имен духовных вождей, к которым они относились, а также имена вождей их вождей до конца цепочки, пели хвалебные песни в их честь и наслаждались их слушанием. И во время слушания их имен, т.е. имен своих духовных вождей и их званий, которые ниспослал Аллах Всевышний, они достигали совместного ощущения расстройств, безумия, опьянения, подобного чему они не испытывали даже близко к этому во время слушания слов Аллаха Всевышнего, *хадисов* посланника Его Мустафы и жизнеописаний Пророка, находя иной раз тягостным чтение Корана, *хадисов* и биографии Пророка.

Дагестанцы прибавляют к этому в *маулид* танцы и удары бубна во славу Аллаха Всевышнего, как он видел сам воочию на некоторых *маулидах*, пишет Али Каяев, и смешивают развлечения с богослужением, чего не было в деяниях мусульман в лучшие их времена.

Среди порочащих поступков населения нашей страны, считает Али Каяев, то, что некоторые из них проводят *маулиды* раньше, чем уплачивают причитающиеся с них налоги. Они проводят *маулиды*, тратя на них средства в большом и малом количестве, и откладывают осуществление обязательств, возложенных на них Аллахом Всевышним или людьми, предпочитая таким образом новшества обязанностям, и иной раз вынуждены после этого ограничивать свои семьи и ввергать их в нужду.

Среди порочащих поступков, пишет Али Каяев, то, что большинство дагестанцев на свои *маулиды* особенно приглашают богатых людей.

Среди адатов суфиев, проводящих *маулиды*, то, что они распределяют их проведение таким образом, что наказывают проведение его сегодня одному, завтра — второму, послезавтра — третьему и т.д., чтобы обеспечить присутствие всех (т.е. организаторов) на всех без исключения *маулидах* с тем, чтобы не ускользнуло что-либо из еды для них. Так как, если двое проведут *маулид* в одно и то же время, это лишит их присутствия и еды на одном из *маулидов*.

В другой статье Али Каяев¹ пишет, что многие дагестанцы устраивают *маулиды* и расточают на них большие суммы денег, не заботятся о бедных, несчастных и нуждающихся, вдобавок к этому имеет место смешение мужчин и женщин, слушание возбуждающих песен и стихов, побуждающих к соблазнам и низменным страстям.

Основное в *маулиде*, пишет Али Каяев в третьей статье², то, что люди собираются в мечетях для благодарения Аллаха Всевышнего, воскрешения в памяти образа жизни Пророка, того, что он претерпел от язычников (*мушриков*) — муки, невзгоды, лишения; какое бремя пророчества и миссии он выполнил; какими мистическими талантами наделил его Аллах Всевышний и какие превосходные чудеса он явил перед ним. И поэтому, считает Али Каяев, ученые этих веков согласились с людьми в том, что они устраивают *маулид*, так как он содержит в себе великие положительные качества и свободен от порицаемых поступков и новшеств.

На современном этапе в Дагестане празднование *маулида* несколько отошло от своего первоначального значения. Его проведение не обязательно связывают только с днем рождения Пророка. Празднование его приобрело более обобщенный смысл, сегодня *маулиды* устраивают в связи с поминовением усопшего, рождением ребенка, наступлением круглой даты, в честь других знаменательных событий в жизни мусульман.

¹ 'Али ал-Гумуки. Маулид в Дженгутае // Джаридат Дагистан. 1 января 1917. № 1. С. 4.

² 'Али ал-Гумуки. Наши маулиды // Джаридат Дагистан. 2 января 1915. № 1. С. 4.

Заключение

Роль и заслуга газеты «Джаридат Дагистан» в пропаганде мусульманских идей просвещения в силу ряда причин по достоинству не оценены до сих пор. Как свидетельствуют материалы данного исследования, ее роль, место и значение трудно переоценить, она по праву занимала достойное место в пропаганде просветительских идей среди мусульманских народов Дагестана и Северного Кавказа. Газета с благодарностью была воспринята населением Дагестана, Чечни, Черкесии, Притеречья, Кубани, Ставрополья, Туркестана и Азербайджана.

Созданная по инициативе царской колониальной администрации, газета «Джаридат Дагестан» стала не перепечаткой «Дагестанских областных ведомостей», а смогла стать вполне независимой, имеющей самостоятельное направление деятельности газетой. Она не была органом помещичье-клерикального блока, не проповедовала пантюркистские и исламистские идеи, тем более не была печатным органом «Общества исламистов» и органом милликомитета. Она старалась объективно информировать читателей обо всех изменениях в жизни страны. Газета выражала в основном интересы трудовых крестьянских масс, к пробуждению которых к активной общественно-политической жизни она стремилась. Вопросы ликвидации частной собственности на землю и превращения ее в общественную, ликвидации аренды, наследования земли и передачи ее в руки тех, кто ее обрабатывает, часто обсуждались на страницах газеты.

Возникшая в период зарождения и развития революционного просветительства, для которого просвещение — необходимое условие сознательного изменения существующей действительности, газета «Джаридат Дагистан» способствовала культурному развитию и осмыслению действительности. Она, несомненно, способ-

ствовала внутреннему сближению различных общественных групп, формированию общественного мнения и складыванию либеральной интеллигенции.

Благодаря деятельности Бадави Саидова, стоявшего у истоков создания газеты, Али Каяева, являвшегося фактически ее редактором (сначала неофициальным, а затем официальным) и Мухаммад-Мирзы Мавраева, оказывавшего финансовую и организационную помощь, газета сплотила вокруг себя наиболее прогрессивных деятелей арабоязычной интеллигенции, таких как Абусуфьян Акаев, 'Аскер Кади из Дженгутая, Гамзат из Цада, Мухаммад Дибиров из Караха, Масуд из Могоха, Муртада из Кудали, Масуд из Чечни, Ахмед Курди Закуев из Кумуха, Саид Габиев, Сейфулла Башларов, Тут ал-Баруки и Яхйя аш-Шафари из Черкесии, Хаджиали из Согратля, Кади Мухаммад Алхасов из Урахов, Хаджи Идрис из Костека, Муса из Сумбатля, Ахмед Рида из Бакуги, Гази Мухаммад Аварский и многих других.

Статьи мусульманских реформаторов и просветителей Дагестана и Северного Кавказа — *джадидов* и их сторонников, опубликованные в газете, сыграли чрезвычайно важную роль в перестройке религиозного сознания общества в этот сложный исторический период, перенося на почву Дагестана и Северного Кавказа идеи западноевропейских мыслителей, подготавливая умы к усвоению идей о прогрессе, социальной справедливости, национальной независимости, свободе, прогрессивном развитии. Газета стала притягательным центром и организатором всего мусульманского просветительского движения в Дагестане и на всем пространстве Северного Кавказа в период с 1913 по 1918 год. Благодаря ее деятельности у передовой части интеллигенции формировались представления о дальнейших путях развития дагестанского общества, из его среды была подготовлена и вышла плеяда выдающихся организаторов и руководителей его дальнейшего переустройства.

Период работы в газете был наиболее плодотворным и в жизни Али Каяева, принес ему огромную популярность и авторитет в Дагестане, на всем Северном Кавказе и далеко за его пределами. Незадолго до этого, в 1905–1907 гг., он был в Каире, где ознакомился со взглядами Мухаммада Абдо (1834–1905), Джамал ад-Дина ал-Афгани (1839–1909), Рашида Рида (1865–1935) (с последним был знаком лично), которые являлись известными представителями исламского модернизма начала XX века. Они выступали за приобщение мусульманских народов к европейской цивилизации, пропагандировали естественно-научные знания, светскую культуру,

т.е. приспосабливали ислам к новым реалиям. Али Каяев глубоко проникся их идеями и стал их последователем.

С идеями исламского модернизма во многом связаны просветительские и педагогические взгляды Али Каяева на страницах «Джаридат Дагистан».

Общую отсталость, застой дагестанцев Али Каяев связывал с отсутствием в Дагестане руководителей, людей, которые повели бы массы за собой по пути прогресса, экономического роста и процветания. В качестве таковых он видел ученых, многие из которых, по его мнению, сами прозябали в невежестве.

Другую причину отсталости он видел в том, что дагестанцы продолжают придерживаться старых традиций, унаследованных ими у своих дедов и отцов, и остаются в полном неведении относительно изменений, происходящих в мире, хотя, наряду с ними, он видел и более реальные причины отсталости — слабое развитие промышленности, торговли, наук.

Как и все просветители, Али Каяев был убежден в тот период в возможности нравственного совершенствования общества, в том, что если обратиться к богатым людям и побудить их к спонсорству для возведения библиотек, школ, к выделению материальных средств для студентов, увлечь другими благотворительными проектами, то можно решить многие общественные проблемы.

Среди причин отставания народов Дагестана Али Каяев называет упадок науки, связанный с уменьшением интереса к науке и научным знаниям из-за увеличения интереса к ремеслу и торговле, а кроме того, пренебрежение ученых к самим себе, неуважение к своему труду, достоинству.

Среди признаков упадка науки Али Каяев считает распространяемые слухи о том, что рационалистические науки (логика, философия, искусство ведения диспута, богословие, арифметика, геометрия, тригонометрия, астрономия, метеорология) являются науками безбожников, а *фикх*, *тафсир* и *хадисы* — науками мусульман. Он предлагает изучать только самое необходимое — *фикх*, *тафсиры*, *хадисы* и рационалистические науки.

Он считает неправомерным деление ученых на крупных, основное предназначение которых — написание комментариев, отчетов и возражений, и ученых низшего звена — мулл сел и аулов, на которых лежат все остальные задачи. Подобное деление, считает Али Каяев, является причиной того, что простой народ прозябает в невежестве, ереси, совершении порочащих их поступков, преступлений и разлагается нравственно. Он убежден, что всем ученым, независимо от рангов и званий, следует объ-

единить свои усилия и, перенимая опыт ученых других наций, просвещать свой народ, видя в просвещении и науках выход из создавшегося положения.

Али Каяев был одним из первых, кто предложил реформировать методы обучения в школах Дагестана. Он считает важным опираться при обучении на методические разработки Ибн Халдуна, в частности, рассматривая арабский язык, логику как инструмент для изучения других наук. Ученый называет новации и те практические наработки, которые дали блестящие результаты при обучении арабскому языку в его школе в Кази-Кумухе: обучение на языке обучаемых, принцип сознательного подхода к изучаемому материалу, отсутствие зубрежки и др. Причем надо не ограничиваться отвлеченным изучением правил арабского языка, а учить применению этих правил на практике.

Другая проблема, которой также касается Али Каяев, — выбор языка обучения в дагестанских школах. Он считает, что Русское государство проводило политику русификации и христианизации, затем определенные силы пытались проводить политику отуречивания. Али Каяев убежден, что начальное обучение должно быть на родном языке.

В статьях о народах и языках Дагестана Али Каяев в 1915 г. высказывал предположение о том, что аварский, даргинский (урахинский) и кази-кумухский языки были когда-то единым языком.

Как и все реформаторы, Али Каяев не мог обойти вниманием женский вопрос. Хотя ученый имел традиционные для мусульманского общества взгляды, но редактируемая им газета была открыта и для публикации всех материалов, относящихся к женской эмансипации.

Али Каяев был ученым с широкими энциклопедическими знаниями. На страницах газеты он предстает не только как педагог и языковед, но и как человек, имеющий глубокие познания в астрономии и географии.

Он предлагает создать единый орган, как это было тогда в Закавказье и Татарии, который бы определял единое время начала поста Рамадан и празднования Разговения.

Просветительская деятельность Али Каяева наиболее ярко проявилась в статьях, где он популяризирует географические знания. Более 30 статей он посвятил географической тематике, знакомству с первыми арабскими географами и их трудами. Из них более 20 статей посвящено экономико-географическому, политико-историческому и этнографическому обзору ряда стран Европы, Азии и Африки.

На страницах газеты опубликовано большое количество статей Али Каяева по адатам дагестанцев, черкесов, чеченцев, осетин. Красной нитью в них проходит мысль о том, что настала пора отказаться от тех адатов, время которых давно вышло и которые приносят огромный вред людям.

Али Каяев предстает как ученый, деятель просвещения и популяризатор медицинских знаний в статьях, посвященных вопросам медицины и охраны здоровья.

На страницах газеты Али Каяев выступает и как квалифицированный востоковед, глубоко разбирающийся в богословских и правовых проблемах ислама, за что снискал себе заслуженный авторитет и популярность среди людей. Глубина и широта его знаний в вопросах ислама и шариата, а главное — его реформаторские подходы и взгляды, близость к нуждам и чаяниям простых масс озлобила против него консервативную часть духовенства. Али Каяев не верил в возможность перевоспитания духовенства. Ученые и *кадии*, считал он, находятся в отрицании всего нового, это категория людей, которая сама увязла в пороках и не может дать народу научные знания и передовую культуру.

Он критиковал дагестанских *мюридов* и суфиев, когда они безмерно прославляли и порочили своих шейхов, приписывая им качества, которые никому и в голову не могут прийти. А также за то, что они поклоняются портретам своих шейхов — духовных вождей *тариката*, перед тем как войти в состояние экстаза, считая это язычеством.

Али Каяев положительно относился к празднованию *маулидов*, считая их одобряемым нововведением. Он писал, что не запрещается празднование дня рождения Пророка, так как в этом есть великий положительный смысл, но следует праздновать его в рамках шариата и исламской этики. Он категорически выступал против смешения богослужения с развлечением.

Али Каяев призывал к изучению *хадисов*, считая их важным и удобным источником обновления ислама, ибо они позволяли приспособить догматику ислама к современности.

Являясь последователем Рашида Рида, ученика Мухаммада Абдо, он призывал к абсолютному *ал-иджтихаду*, а также смело изучать Коран и сунну и выводить из нее заповеди в соответствии с требованиями эпохи.

За его реформаторские взгляды, за то, что отвергал традицию и призывал к абсолютному *иджтихаду*, консервативная часть духовенства совершенно необоснованно навесила на него ярлык *ваххабита*.

В своих статьях Али Каяев выступает также как историк и общественный деятель. Он публикует в газете серию исторических очерков о вкладе арабов в сокровищницу мировой науки, об их заслугах в развитии географической и астрономической наук, общей истории и истории отдельных личностей, истории арабского языка и литературы. Кроме того, публикует очерки по истории философии. Он упоминает такие имена, как Ибн Рушд (Аверроэс), Рамус, Кампанелла, Бэкон, Декарт, Огюст Конт, а также Сократа, его учеников — Платона, Аристотеля, Перрона. К сожалению, Али Каяев на страницах газеты ничего не пишет о достижениях русской науки.

Али Каяев опубликовал в газете более 30 исторических очерков о странах Азии, Африки и Европы со времени их возникновения и до наших дней.

Будучи человеком, получившим фундаментальное религиозное образование, глубоко знавшим ислам и убежденным его сторонником, он проводил исторические параллели и аналогии между нахождением Мухаммада и его сторонников в окружении язычников Мекки и дагестанцами под покровительством Российской империи. Но в разъяснении вопросов реальной действительности его отличали рационализм и трезвость мысли. Он отговаривал некоторые еще встречающиеся в Дагестане отчаянные головы от войны с русскими, говоря, что она обречена на поражение и навлечет дополнительные беды и невзгоды на дагестанцев. Это с одной стороны. С другой, — считал он, ситуация уже другая. Дагестанцы живут в мире с русскими. Русские, пишет он, дали дагестанцам свободу, которую их отцы не завоевали с оружием в руках. Более того, убежден Али Каяев, дагестанцы честны в своем повиновении Российскому государству, любят русских и готовы отдать жизнь во имя защиты Российского государства.

Али Каяев выступает против воровства и присвоения имущества неверных, считая, что это имело место только во время войны. Он осуждает чеченцев за их насилия, грабежи и набеги на близлежащие русские села. Но еще большую вину за это он возлагает на ученых и шейхов, которые выносят решения — *фетвы* о разрешении проливать кровь неверных и присваивать их имущество в стране неверных.

Он был категорически против эмиграции дагестанцев в страны Османской империи, приводя высказывание Пророка, что *хиджра* (переселение) была предписана шариатом на заре ислама и что он запретил ее, когда была завоевана Мекка.

За период работы в газете мировоззрение Али Каяева прошло сложный путь эволюции — от просветительства до понимания

проблем социал-демократии. В социально-политической области он выступал идеологом и защитником крестьянских масс. Среди целей и задач, которые сблизили его с социал-демократами, — это ликвидация частной собственности на землю и передача ее в общественное пользование. Решение земельного вопроса, как и все социалисты, он возлагал на Учредительное собрание.

Однако у Али Каяева были значительные расхождения с ними по ряду других вопросов. Так, например, будучи убежденным сторонником ислама, он рассматривал земельный вопрос в комплексе всех религиозных проблем ислама, наряду с верованиями и поклонением.

Если рассматривать основы доктрины социалистов — защиты бедных и слабых, то, по мнению Али Каяева, ислам более мудро решает эту проблему, исключив всякую потребность в социалистах и им подобных, установив *закат*, налог в пользу бедных. Если бы мусульмане соблюдали этот столп, считает он, на земле не было бы ни богатых, ни бедных.

Али Каяев полемизировал с социалистами, когда те говорили, что дали народу свободу для отправления религий, которой не было при самодержавии. Али Каяев отвечает на это, что свобода была и остается в исламе за редким исключением. Ее же, считает он, действительно, не было у русской части населения. Так, самодержавие запрещало им переходить в ислам не иначе, как перейдя сначала в католичество или протестантство, не признавало брак между русской и мусульманином, считая это прелюбодеянием, а ребенка — незаконнорожденным. Али Каяев считает это язычеством, а теперь же русские, а не мусульмане получили действительную свободу.

Освещая внутривнутриполитическую обстановку в Дагестане, Али Каяев публикует многочисленные материалы о деятельности большевиков. Однако, как видно из них, он не воспринял в этот период их взгляды и идеи¹.

Он не был кабинетным ученым, а активно участвовал в общественной жизни: 9 марта 1917 года был избран членом Временного Дагестанского исполнительного комитета, 14 января 1918 г. — членом Дагестанского областного Совета. Он имел большой авторитет, к его мнению прислушивались как духовенство, так и другие слои населения.

¹ 'Али ал-Гумуки. В Дагестане сегодня и прежде // Джаридат Дагистан. 1918. № 3. С. 3–4.; *Его же*. Расстройство отношений между Дагестаном и большевиками и начало вражды между ними // Джаридат Дагистан. 1918. № 6. С. 2–3.

Газета «Джаридат Дагистан» не потеряла своей актуальности и значимости и в наши дни. По культуре оформления и насыщенности публикуемого материала она могла бы соперничать со многими современными светскими периодическими изданиями в Дагестане и на Северном Кавказе. Написанная на литературном арабском языке, газета является ценным научным, справочным, методическим пособием с охватом широкого круга вопросов как светского, так и духовного характера. Статьи научного раздела газеты содержат арабские термины почти по всему спектру знаний, которые являются ценным подспорьем для изучения арабского языка. Газета служит объективным источником для исследования истории и культуры Дагестана и Северного Кавказа в 1913–1918 гг.

[illegible]

Титульный лист газеты «Джаридат Дагистан»
(1913–1918)

*Издатель газеты и директор типографии
в Темир-Хан-Шуре Мухаммад-Мирза Мавраев (1878–1964)*

Бадави Саидов, начальник канцелярии военного губернатора Дагестанской области (1877–1927), официальный редактор «Джаридат Дагистан» с 7 января 1913 до 19 января 1918 года

*Сигизмунд Викторович Вольский,
военный губернатор Дагестанской области в 1908–1916 гг.*

*Али Каяев (1878–1943) —
редактор газеты «Джаридат Дагистан»*

Али Каяев — последний энциклопедист Дагестана

Каяев Али, сын Абдулгамида (или, как его называли в Дагестане, **Замир Али**), выдающийся дагестанский ученый-энциклопедист и мусульманский педагог-просветитель, родился в 1878 году в селении Кумух Лакского округа в семье *узденя*. Отец будущего ученого — Абдулгамид был искусным мастером-оружейником, работал на отходе, преимущественно в Закаталах. В 1884 году он трагически погиб. Али в год гибели отца исполнилось 7 лет.

Как и все сверстники, Али начал учиться в примечетской школе у известного в селении преподавателя арабского языка Гази Сейидгусейнова. Изучал грамматику арабского языка, риторику, логику, *тафсир*, *хадисы*, мусульманское право — *фикх шафиитского* толка, основы математики, астрономии и другие светские науки. Первый наставник Али был человеком широко образованным, прекрасно владел арабским, русским, персидским и турецкими языками. Он имел личные контакты с известными учеными-арабистами своего времени. Гази Сейидгусейнов обучал своих воспитанников как религиозным, так и светским дисциплинам. Он сыграл в судьбе будущего ученого очень важную роль. Видя необычайную одаренность Али, он настойчиво убеждал его не прерывать учебу и всеми средствами содействовал занятиям своего воспитанника.

Уже в годы учебы Али выделяется среди сверстников интересом и тягой к знаниям. После окончания примечетской школы в Кумухе Али Каяев совершенствует свои знания у различных дагестанских алимов. Это Халил-эфенди из селения Тлярош и Джабраил из селения Хочода, Курбан-Алил Мухаммад-эфенди из сел. Шулани и Муртазаали-эфенди из селения Кудали, Хантатаев Мирза — Кадиефенди из сел. Балхар, Шейх 'Али-эфенди, Махди-Мухаммад-эфенди и Абдуразак-эфенди из сел. Согратль. Известно, что Замир Али учился также в медресе селений Унчукатль и Параул.

По свидетельству известного знатока арабоязычной литературы Дагестана Нурмагомедова Магомеда Гаджиевича, близко знавшего Али Каяева, большую роль в становлении будущего ученого сыграл Шейх-‘Али-эфенди Согратлинский. От всей души полюбив своего воспитанника, он предоставил в его распоряжение свою богатую библиотеку, поддерживая интерес Али Каяева к научным изысканиям. В Согратле Али Каяев проучился около пяти лет.

В годы учебы он интересуется мусульманским законодательством, историей и этнографией, астрономией. Обладая незаурядными природными дарованиями, он почти в полсрока завершает традиционную в Дагестане 15–20 летнюю программу арабоязычного образования.

В 1899 году Али Каяев по заказу своего первого учителя Гази Сейидгусейнова снимает копию с известной хроники Мухаммед Тахира ал-Карахи «Блеск дагестанских шашек в некоторых битвах Шамиля» и посылает ее в дар астраханскому ученому ‘Абд ар-Рахману. Впоследствии эта рукопись стала одной из трех копий, положенных в основу «Хроники Мухаммед Тахира ал-Карахи», изданной в 1941 году А.М. Барабановым под редакцией И.Ю. Крачковского.

Вскоре по приглашению астраханского ученого ‘Абд ар-Рахмана Али Каяев выезжает в Астрахань, где работает в качестве преподавателя медресе и одновременно углубляет свои знания. Астраханский период учения окончательно определил востоковедческую ориентацию Али Каяева. В 1905 году он приезжает в Каир с целью поступления в известный в мусульманском мире университет ал-Азхар.

Ю. Меджидов и М. Абдуллаев, авторы монографии, посвященной жизни и творчеству Али Каяева, освещая этот период ученого, пишут: «Нам не удалось подробно выяснить обстоятельства жизни ученого в Каире. По одной версии, Каяев не поступил в ал-Азхар, так как университетская программа не удовлетворяла его запросам. Но в течение двух лет самостоятельно изучал труды восточных ученых в университетской библиотеке и одновременно вел курс арабского языка в одном из приуниверситетских медресе. По другой версии, он поступил в университет и в кратчайший срок (за два года) усвоил всю программу и имел университетский диплом».

Автор первой версии И.Х. Курбаналиев из сел. Унчукатль, а второй — уже упомянутый выше арабист М.Г. Нурмагомедов. М. Абдуллаев и Ю. Меджидов отдают предпочтение первой версии, основанной на воспоминаниях И.Х. Курбаналиева.

Версия М.Г. Нурмагомедова, на наш взгляд, более близка к истине. Согласно его воспоминаниям, в ал-Азхаре в годы учебы Али Каяева обучалось около 17 тысяч студентов из разных мусульманских стран. Из этого количества студентов первым по своему прилежанию и знаниям в различных областях науки был студент — выходец из Индии. Вторым по тем же параметрам признавали самого Али. Далее М.Г. Нурмагомедов утверждает, что Замир Али после двух лет обучения, экстерном сдав экзамены, получил диплом, и ему предложили вести курс арабского языка в университете.

В Каире Али Каяев ознакомился со взглядами Мухаммада Абдо (1834–1905), Джамал ад-Дина ал-Афгани (1839–1909), Рашида Рида (1865–1935), с последним он был знаком лично, которые являлись известными представителями исламского модернизма начала XX века. Они выступали за приобщение мусульманских народов к европейской цивилизации, пропагандировали естественно-научные знания, светскую культуру, т.е. приспособляли ислам к капиталистическим отношениям. Али Каяев глубоко проникся их идеями и стал их последователем.

Рашид Рида привлекает Али Каяева к сотрудничеству в реформатском журнале «ал-Манар». Работа Каяева в журнале, видимо, была весьма плодотворной, и в знак признательности Рашид Рида преподносит Али рукопись своего труда по вопросам реформизма.

В 1908 году Али Каяев переезжает из Каира в Стамбул, чтобы ознакомиться с трудами восточных ученых, сосредоточенных в местных научных центрах. Но вскоре был арестован и выслан в Россию за радикальные взгляды.

Вернувшись через Одессу на Кавказ, Али Каяев находит здесь широкое поле для просветительской деятельности. В селении Гунделен Терской области (ныне Кабардино-Балкария) он открывает медресе, где увлеченно работает с учениками. Здесь Али Каяев впервые на Кавказе реформировал систему мусульманского образования, переориентировав ее на изучение истории и светских наук — математики, истории, естествознания.

В 1913 году Али Каяев переехал в г. Темир-Хан-Шуру (ныне Буйнакск) Дагестанской области. Когда в марте 1918 года в Дагестане началась гражданская война, Али Каяев перебрался в Кумух, где на свои средства открывает медресе.

С 1918–1928 гг. Али Каяев руководил крупнейшей в районе медресе при соборной мечети. В ней обучалось около 300 учащихся со всех концов Дагестана. Здесь он безвозмездно обучал детей горцев разных национальностей. Али Каяев продолжал реформу преподавания, значительно расширив круг изучаемых

дисциплин. В их число были введены химия, физика, алгебра, геометрия, география, естествознание, астрономия, родная история и лакский язык.

По уровню образования школа Али Каяева не уступала крупнейшим мусульманским университетам начала XX века в России и за ее пределами.

У Али Каяева учились известные представители либерально-демократической интеллигенции Дагестана начала XX века — М. Алиев, Г. Гитинаев, К. Закуев, И.-Х. Курбаналиев, Г. Саидов, М.-Д. Шамхалов и др. Его учеником был крупный дагестанский ученый советского времени М.-С. Саидов.

На примере своего медресе Али Каяев блестяще доказал, что его воспитанники по уровню и качеству знаний значительно превосходят своих сверстников в обычных светских школах. Али Каяев предлагает новые методы обучения, практически реализованные им на практике в Кумухе.

Али Каяев писал, что в начальных школах Дагестана, в которых не знают ни слова по-арабски, начинают обучение по известному у нас сочинению — *тасрифу*, написанному, как все это знают, на арабском языке. Наряду с этим, замечал А. Каяев, все мы знаем и наблюдаем, что учащиеся не понимают ничего ни по *тасрифу*, ни по тем книгам, которые они изучают после, — они начинают понимать только спустя долгие годы. И тратят усилия учителя на их обучение и затуманивают умы учащихся, и, быть может, это является причиной их отдаления от науки и забрасывания ее навсегда.

А. Каяев считал, что необходимо отказаться от такого метода и обучать начинающих основам морфологии и синтаксиса на языке, на котором они разговаривают.

Али Каяев главное внимание уделял реформе методов обучения, направленной на то, чтобы облегчить распространение знаний среди населения. Он писал, что начинать обучение детей на арабском языке нецелесообразно, ибо они еще не знают его. Следует первоначальное обучение вести на родном языке, а изучение арабского языка не следует начинать с грамматики. Эти рекомендации были не просто пожеланиями, а выводами из практики и опыта самого Каяева.

Каяев хорошо знал задачи педагогической науки, понимал большую ответственность педагога за обучение и воспитание молодого поколения перед обществом. Об этом свидетельствуют его многие советы и рекомендации.

Али Каяев, как и другие дагестанские просветители, был убежден в необходимости реформы методов обучения и образования

в школах Дагестана. Он предлагает опираться при обучении на методические разработки Ибн Халдуна (ум. 1405 г.), в частности рассматривая арабский язык, логику как инструмент для изучения других наук. Он предлагает не ограничиваться отвлеченным изучением правил арабского языка, а учить применять эти правила на практике. Али Каяев замечает, что учителям арабского языка, логики необходимо обращать внимание на цели обучения и обращаться при этом к Ибн Халдуну.

Али Каяев считал, что дагестанские ученые должны обучать в школах рационалистическим и шариатским наукам, таким как *тафсир*, *хадис* и его основы, арифметике, истории, географии с выбором самых лучших книг, обеспечивающих самый короткий путь к достижению поставленных задач обучения.

В первую очередь, как считал А. Каяев, надо, чтобы начальное обучение было на дагестанских родных языках, чтобы дагестанские (родные) языки утвердились в молодых сердцах, чтобы они знали, кто они, а кто другие. Когда родной язык утвердится, то пройдет страх перед обрусением, отуречиванием или арабизацией. А затем их можно обучать и арабскому, и турецкому, и русскому, и всем европейским языкам.

Таким образом, Али Каяев еще в 1917 г. высказывался за введение изучения родных языков в школах начального обучения.

Особое значение Каяев придавал изучению географии, астрономии и физики. По его мнению, эти науки сделали большой скачок в своем развитии и играют важную роль в расширении знаний. Не случайно он написал книги, посвященные этим наукам: «Трактат по новой астрономии», «Физическая география», серию статей по экономической географии, отдельные статьи по физике и химии.

Каяев считал необходимым сохранить в мусульманских школах изучение ислама. Он стремился не только ввести новые важные для жизни предметы, но и обновить систему арабо-мусульманского образования. Учитывая религиозное воспитание, полученное им в детстве и оставившее глубокий след во всем его творчестве, мировоззрение Каяева не могло не быть противоречивым. Свои идейно-теоретические концепции он строил на почве окружающей его реальной жизни, с учетом духа времени. Он был убежденным просветителем-демократом, видевшим в науке и просвещении решающее средство для улучшения жизни, развития культуры и прогресса общества.

Борьба Али Каяева за обновление системы и методов обучения, его новаторская педагогическая деятельность оказали бла-

готворное влияние на школьное дело не только в Дагестане. Его творчество сыграло положительную роль в развитии прогрессивной мысли дореволюционного Дагестана, стало фактором, способствовавшим культурному возрождению республики.

Али Каяев живо интересовался общественно-политической жизнью в мире, России и на Кавказе, сотрудничая в различных либерально-демократических изданиях.

В 1913 году по инициативе Бадави Саидова, служившего начальником канцелярии генерал-губернатора Дагестанской области, Али Каяев был привлечен к изданию газеты на арабском языке «Джаридат Дагистан» — («Газета Дагестан»). М.М. Мавраев по просьбе Бадави Саидова отправляется в селение Гунделен за Али Каяевым и привозит его в Темир-Хан-Шуру. Али Каяев становится фактически главным редактором этой газеты. Газета «Джаридат Дагистан» выходила в 1913–1918 гг. и доставлялась по подписке.

Али Каяев он активно сотрудничает также в газетах «Илчи» («Вестник») — печатном органе дагестанского просветительского агитационного бюро, и «Чана Цуку» («Утренняя звезда») — общественно-политической и литературной газете.

Начавшаяся Гражданская война и закрытие газеты «Джаридат Дагистан» вынудило Али Каяева в марте 1918 года переехать из Темир-Хан-Шуры в Кумух.

Февральская революция вовлекает Али Каяева в водоворот общественной жизни. Каяев приветствовал Февральскую революцию 1917 года, увидев в ней начало освобождения народов Кавказа от царского колониального режима — он даже напечатал в газете «Джаридат Дагистан» статью, посвященную изложению решений Седьмой (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП.

Он избирается в состав Дагестанского областного Совета и с января 1918 года становится членом Исполнительного комитета, где примыкает к демократическому крылу. Но в марте 1918 года, когда к власти в области пришло крайне правое крыло мусульманской партии во главе с идейным противником Али Каяева — Наджмудином Гоцинским (ум.1925), он вышел из состава правительства.

Помимо преподавательской работы Али Каяев продолжает активно заниматься научной деятельностью. Он поддерживает дружеские и научные контакты с известными дагестанскими учеными и просветителями: К. Закуевым, Б. Саидовым, Абусуфьяном из Казанище, Гасаном Гузуновым, Юсуп-кади Муркелинским и др.

После того как Кавказ пережил сначала «белый», а затем и «красный» террор, Али Каяев разочаровался в революции. Уже

весной 1918 года он перестал участвовать в общественной жизни Дагестана. Большую часть времени проводил в Кумухе, занимаясь преподаванием, научной и писательской работой. Кроме того, в 1918–1925 гг. служил председателем шариатского суда селения Кумух.

Новый этап в его деятельности — работа по приглашению правительства Дагестана в республиканском краеведческом музее (1926–1928) и Дагестанском научно-исследовательском институте с ноября 1928 года по 21 октября 1930 года.

В 1928 году он по заданию правительства пишет историю Гражданской войны в Дагестане (на лакском языке). Работа сохранилась в рукописи. В этой связи представляет интерес письмо А. Тахо-Годи к Али Каяеву:

«Дагестанское правительство постановило издать книгу по истории Дагестана с изложением событий, происшедших после свержения Николая Романова с российского трона. Цель написания такой истории — прославить героизм дагестанских народов, осветить перед всем миром их прогресс, чтобы обессмертить имя Дагестана и его героев, сражавшихся за свободу.

...Согласно постановлению правительства Дагестана Вам следует написать историю того, что Вы видели и что Вы знаете относительно вышеуказанного и вообще, как все было, поскольку Вы — из числа прогрессивных деятелей и руководителей во время борьбы с казаками. Вам надлежит доставить эту книгу нам до 15 ноября сего года».

В 1928–1930 гг. он много ездил по горным районам ДАССР, собирая материалы по истории и этнографии горцев. Али Каяев — один из основателей рукописного Фонда Института национальной культуры. Им собраны богатейшие материалы по фольклору горцев, составившие более (10) десяти объемистых папок. Он сосредоточил в Фонде многочисленные материалы по истории материальной и духовной культуры народов нашей республики, сохранив их для будущих поколений. Эта работа проходила в условиях, когда по всему Дагестану уничтожались книги и рукописи на арабском языке, а за их хранение люди подвергались преследованиям.

Сталинские репрессии не обошли и его самого. В 1930 году по необоснованному обвинению в принадлежности к религиозной организации, ставившей якобы целью свержение Советской власти в Дагестане, Али Каяев был арестован НКВД и сослан на пять лет в Челябинск. Затем по состоянию здоровья был перевезен для отбытия наказания в Воронеж.

Следует отметить, что Али Каяев был одним из первых репрессированных ученых-арабистов Дагестана. Но это не могло остановить его научной деятельности. Из ссылки он писал Д. Коркмасову, председателю Совнаркома Дагестана:

«Уважаемый Джелалэтдин!

В настоящее время нахожусь в городе Воронеже, работаю сторожем. Узнав Ваш адрес, решил написать письмо, не забыв оказываемую Вами мне помощь и то, что Вы давали мне возможность работать по истории Дагестана.

Несмотря на неподходящие условия, я продолжаю работать и уже написал большую часть «Истории» и, можно сказать, окончил, что было мне здесь возможным.

Имею переписку с товарищем Шовкринским, кому и собираюсь послать ее для обозрения. По-моему, если бы я находился в Дагестане, «История» бы вышла хорошая и точная.

Пробую добиться разрешения поехать в Дагестан и докончить начатую работу, для чего и решил, с большими надеждами на Вас, послать Вам мое заявление для направления куда следует. Не чувствуя за собой никакой вины, прошу оказать последнюю мне Вашу услугу и ответить мне письмом с Вашими советами, чего буду ждать нетерпением.

Здоровье мое неважное и работа, какую я несу, неподходящая. Живу одними надеждами скорого возвращения в Дагестан.

Еще прошу уделить для меня полчаса Вашего столь дорогого времени.

С почтением, Али Каяев».

Видимо, ходатайство Д. Коркмасова сыграло свою роль, и вскоре Али Каяев был досрочно освобожден. Уже 15 ноября 1934 года Али Каяев вновь приступил к своей работе в качестве сотрудника Научно-исследовательского института Дагестана в Махачкале. В эти годы он продолжал собирать материалы по дореволюционной истории Дагестана, много переводил с арабского, фарси, турецкого, ездил по селам Дагестана, работал в НИИ Тбилиси и Москвы.

Исследовательская деятельность Али Каяева высоко оценивалась в научных кругах республики. Профессор Г.-А.Д. Даниялов писал: «Со дня организации Института национальной культуры по 1938 год Али Каяев активно и неумолимо продолжал собирать материалы, способствующие воссозданию истории материальной и духовной культуры народов нашей республики. Помимо своих собственных исследований, свидетельствующих об исключительном трудолюбии Али Каяева, неоднократно побывав в большин-

стве районов Дагестана, он сосредоточил в Институте многие материалы, без которых трудно обойтись исследователю истории, языков и литератур народов Дагестана. Собранные им фольклорные материалы представляют большую научную ценность. Для многих поколений сохранены произведения устного народного творчества, бытовавшие в прошлом».

Работа в научно-исследовательском институте продолжалась вплоть до декабря 1938 года. В январе 1939 года последовал второй арест ученого. После года заточения в одиночной камере, в феврале 1940 года он был на пять лет сослан в Казахстан. Причиной повторного ареста послужило опять-таки необоснованное, но стандартное для тех времен обвинение в принадлежности ученого к турецкой разведке, а также Али Каяев был обвинен в связях с «врагом народа» Д. Коркмасовым.

Перенесенные им невзгоды, аресты, ссылки не сломили Али Каяева как ученого. В этой связи интересно привести письмо Дмитрия Кузьмича Крючкова, жителя г. Георгиевска Семипалатинской области, где ученый отбывал ссылку, сыну Али Каяева Нажмутдину:

«Здравствуйте, Нажмутдин Алиевич!

Получили от Вас письмо и стараемся ответить подробно о Вашем отце. Я, Крючков Дмитрий Кузьмич, вашего отца знал с октября 1940 года. А также мой отец, Крючков Кузьма Гаврилович и живущие в этом районе другие соседи, знали мы его потому, что по соседству с нашей усадьбой была расположена баня коммунального хозяйства, где он жил и работал сторожем.

Жил он в очень плохих условиях. Что из себя представляла баня: ...окон не было, печи не было. В первоначальное наше знакомство я увидел дым в бане, зашел туда, смотрю, сидит измученный старик в шубе среди углей, спрашиваю: “Что, старик, делаешь?” — “Да вот, греюсь я”. Побеседовал с ним, смотрю, старик образованный, предложил ему приходить к нам греться, попить чаю. И так с этой поры старик стал часто заходить к нам. Не раз мне приходилось его спасать от сильных буранов. Пойдет на базар, обратно идет, его ветром сбивает. Я лично очень любил беседовать с ним об истории. Он охотно рассказывал, что он в свою пору видел быт разных народов и изучал их.

И вот в этой бане старик писал какую-то историю на арабском языке. Я очень удивлялся его натуре, сутками читал в таком холоде, писал на разных клочках бумаги, чернила даже оттаивал на огне, все говорил мне: “Пишу, сынок, ценное дело будет, люди будут читать”.

И так у меня было знакомство с ним до осени 1941 года.

В декабре 1941 года меня мобилизовали в армию, старик мне все говорил: “Не бойся, главное, наша возьмет, живой домой придешь”. Так и сбылось: в 1947 году демобилизовался домой. Когда приехал, уже старика не было.

С получением сегодняшнего письма я опросил подробно отца, мать. Они говорят, что старик перед приездом сына жил на квартире у одной старой казашки. Во время войны к нему приехал сын с Дальнего Востока (к нему приезжал старший сын Абдулмеджид, служивший на Дальнем Востоке, который перед отправкой на фронт сумел навестить отца). Старик с радостью знакомил моих родителей со своим сыном, было это примерно в 1942 году. Старик был рад приезду сына, передал ему все написанные труды и сказал: “Я свое дело сделал, сына увидел”.

В декабре 1943 г. он заболел тифом, хозяйка дома, где он жил, сдала его в больницу тяжело больным. На второй день он умер, похоронили его на русском кладбище, но как его хоронили и где, никто не знает, но, думаю, можете себе представить, как хоронят беспризорных. Мать говорит, что он до последнего дня ходил с большой температурой, ему советовали обратиться к врачу, но разве он пошел бы в таком состоянии, да и уже ему тяжело было ходить.

С приветом к Вам и Вашей семье Крючков Дмитрий Кузьмич, Крючков Кузьма Гаврилович, Крючкова Матрена Максимовна. 26/10.1957 года».

Несмотря на последующие розыски, предпринятые сыном ученого Абдулмеджидом, обнаружить место захоронения Али Каяева так и не удалось.

13 апреля 1957 года дело Али Каяева было пересмотрено и отменено за отсутствием состава преступления. Али Каяев был полностью реабилитирован Ростовским военным трибуналом.

Али Каяев оставил огромное литературное и научное наследие на арабском, турецком и лакском языках. До сих пор оно полностью не собрано и не описано. Из его работ, написанных при советской власти, изданы только незначительные отрывки. Много пропало при арестах Али Каяева. Только в 1938 году сотрудники НКВД изъяли 7 (семь) объемистых папок с рукописями. Обнаружить их в архивах КГБ не удалось. Первые принадлежавшие его перу работы напечатаны в Темир-Хан-Шуре в типографии М. Мавраева. Это учебники по истории Дагестана («Ал-Хикайат ал-мадийя» — «Рассказы о прошлом», 1910 г. — эта работа переиздана в 1998 году в Махачкале Фондом им. Амет-Хана Султана) и астрономии («Ар-

Рисала фи-л-хайа'т ал-джадийда» — «Трактат о новой астрономии», 1913 г.). Обе работы написаны Али Каяевым на арабском и изданы в переводе на лакский язык. В 1913–1930 гг. Али Каяев написал ряд трудов по естествознанию, лексикографии, хадисоведению, истории и литературе народов Дагестана, десятки небольших статей на естественно-научные, гуманитарные и педагогические темы. Основные из них: «Физическая география» (дата не известна, на лакском языке), «Стрела, пронзившая глотку безбожника» (на арабском языке, начало 20-х годов), написанные по заказу дагестанского правительства; «*Аш-Шарий'а ал-исламиййа*» (1926) и «История гражданской войны» (на лакском языке, 1924–1934 гг.). Крупнейшие работы Али Каяева 1930–1943 гг. — это «Материалы по истории Дагестана», «Тарикат в Дагестане». Материалы по языку и истории в Дагестане», «Толковый словарь лакского языка» (все на лакском языке), «Сравнительный словарь лакского, даргинского и аварского языков» (не окончена). Тогда же составлены «Биографии дагестанских ученых» (на азербайджанском языке). Последняя его работа «Материалы по языку и истории лаков» завершена в ссылке в 1942 году и передана сыну Абдулмеджиду Каяеву. Эта и большая часть других рукописей Али Каяева хранятся ныне в частном архиве его внука Ильяса Каяева в г. Буйнакске.

Работы Али Каяева имеются также в Рукописном Фонде Института истории, археологии этнографии в г. Махачкале. Это следующие работы:

1. «Биографии дагестанских ученых-арабистов». 62 листа. На азербайджанском языке.
2. «Материалы по истории лаков». 271 лист. На лакском языке.
3. «Об уцмиях Кайтага». 1929 г. 4 страницы. Рукопись на арабском языке.
4. «Материалы по истории Дагестана». Рукопись. 20 листов.
5. «Материалы и документы, собранные А. Каяевым по истории Дагестана». 1935 г. 141 лист.
6. «Лакские юмористические сказки». 15.06.1931. Рукопись. 17 листов. На лакском и русском языках.
7. «Сказки о Мулле Насреддине». 15.06.1931 г. 16 листов. На лакском языке.
8. «Лакские сказки». 16.06.1931 г. 7 листов. На русском и лакском языках.
9. «Лакские исторические песни». 1929 г. 143 листа.
10. «Лакские загадки». 11.06.1931 год. 9 листов. На русском и лакском языках.
11. «Песни о набегах». 1931 г. 44 листа. На лакском языке.

12. «Отрывки из исторических лирических и любовных песен». 19.06.1931 г. 15 листов. На лакском языке.

13. «Песни Париль Мисиду и Амирдуль Заза». 23.06.1931 г. 22 листа. На лакском языке.

14. «Песни Будугал и-Мусы и историческая песня». 24.06.1931. 7 листов.

15. «Лакские поверья». 1931 г. 12 листов. На лакском языке.

16. «Лакские пословицы». 1931 г. 15 листов. На лакском и русском языках.

17. «Песни Мисиду Парил и Заза Амира». 1928 г. 25 листов.

18. «Пожелания и проклятия». Пословицы. 3 листа. На русском языке.

19. «Лакские пословицы». 34 листа. На лакском и русском языках.

Список неопубликованных работ и рукописей¹ Али Каяева

1. *Каяев Али*. Стрела, пронзившая глотку безбожника. Рукопись (на арабском языке).

2. *Каяев Али*. Материалы на арабском языке (рукопись). 160 листов.

3. *Каяев Али*. Биографии дагестанских ученых. 2-я часть. Рукопись (на азербайджанском языке). 125 листов.

4. *Каяев Али*. Из истории гражданской войны. 1920 год. Рукопись (на арабском языке). 84 листа.

5. *Каяев Али*. Материалы по истории Дагестана. Рукопись (на лакском языке). 103 листа.

6. *Каяев Али*. Некоторые данные по истории Дагестана. Рукопись (на арабском языке). 73 листа.

7. *Каяев Али*. История восстания 1877 года в Дагестане и Чечне. Рукопись (на лакском языке). 239 страниц.

8. Материалы по истории Ирана, Турции и Дагестана. Рукопись (на арабском языке). 242 страницы.

9. *Каяев Али*. Материалы по истории, литературе и языку лакков. Рукопись (на лакском языке). 378 страниц.

13. *Каяев Али*. Физическая география (дата не известна, на лакском языке).

¹ В список не вошли рукописи Али Каяева, которые сохранились отдельными фрагментами. Они еще не сведены в самостоятельные блоки под определенными названиями.

14. Каяев Али. Аш-шари'а ал-исламиyyа (1926 г.).
15. Каяев Али. История гражданской войны (на лакском языке, 1924–1934 гг.)
16. Каяев Али. Тарикат в Дагестане.
17. Каяев Али. Сравнительный словарь лакского, даргинского и аварского языков (не окончена).
18. Каяев Али Исторические песни на лакском языке. Рукопись (на лакском языке). 131 страница.
19. Каяев Али. Грамматика лакского языка. Рукопись (на лакском языке). 124 стр.
20. Каяев Али. Поговорки на лакском языке. Рукопись (на лакском языке). 131 страница.
21. Сказки о Мулле Насреддине. 15.06.1931 г. 16 листов. На лакском языке.
22. Лакские сказки. 16.06.1931 г. 7 листов. На русском и лакском языках.
23. Лакские исторические песни. 1929 г. 143 листа.
16. Лакские загадки. 11.06.1931 год. 9 листов. На русском и лакском языках.
24. Песни о набегах. 1931 г. 44 листа. На лакском языке.
25. Отрывки из исторических лирических и любовных песен. 19.06.1931 г. 15 листов. На лакском языке.
26. Песни Париль Мисиду и Амирдуль Заза. 23.06. 1931 г. 22 листа. На лакском языке.
27. Песни Будугал и-Мусы и историческая песня. 24.06.1931. 7 листов.
28. Лакские поверья. 1931 г. 12 листов. На лакском языке.
29. Лакские пословицы. 1931 г. 15 листов. На лакском и русском языках.
30. Песни Мисиду Парил и Заза Амира. 1928 г. 25 листов.
31. Пожелания и проклятия. Пословицы. 3 листа. На русском языке.
32. Лакские пословицы. 34 листа. На лакском и русском языках.

Литература:

Абдуллаев М.А. Общественно-политическая мысль в Дагестане в начале XX в. М. 1987. С. 130, 141–144.

Абдуллаев М.А. Арабо-мусульманская научная и философская мысль в досоветском Дагестане // Ислам и исламская культура в Дагестане: Сб. ст. / отв. ред. А.Р. Шихсаидов. М. 2001. С. 138–170.

Бобровников В.О. Каяев Али /Ислам на территории бывшей Российской империи: Энциклопедический словарь / под ред. С.М. Прозорова. М., 2006. Т. С. 192–194.

Каяев И. Али Каяев выдающийся дагестанский ученый // Молодежь Дагестана. 30 октября 1998. № 43. С. 9.

Каяев И. Ибн 'Абд-ал-Хамид // Знамя ислама, № 1(10), декабрь 1998 г.

Каяев И. Не берите на себя ложь и явный грех // Городские новости. Буйнакск. 31 марта 1994 г. С. 3–4.

Каяев И. Али Каяев — дагестанский алим // Халиф. Махачкала, июль 1997 г.

Меджидов Ю. Абдуллаев М. Али Каяев. Жизненный путь, естественно-научные и общественно-политические воззрения. Махачкала. 1968., 2-е изд. 1993.

Наврузов А.Р. «Джаридат Дагистан» — общественно-политическая газета на арабском языке (1913–1918 гг.). Научная сессия, посвященная итогам экспедиционных исследований Института ИЯЛ в 1990–1991 гг. Махачкала, 1992. С. 57.

Наврузов А.Р. Ученый-просветитель Али Каяев на страницах газеты «Джаридат Дагистан» (статьи по географии) // Республиканская научная конференция молодых ученых Дагестана по проблемам гуманитарных наук. Махачкала. 1993. С. 33–34.

Наврузов А.Р. Дагестанские адаты на страницах газеты «Джаридат Дагистан» // Научная конференция «Состояние и перспективы исторической науки Дагестана и Северного Кавказа: актуальные проблемы». Махачкала, 1997. С. 105–107.

Наврузов А.Р. Газета «Джаридат Дагистан» (1913–1918) — историко-культурный памятник: Автореф. канд. дис. Махачкала, 2000.

Наврузов А.Р. О суфиях современности (по материалам газеты «Джаридат Дагистан») // Научная конференция: «История Северного Кавказа с древнейших времен по настоящее время». Пятигорск, 2000. С. 171–173.

Наврузов А.Р. Джадидизм и реформа методов обучения в школах Дагестана (по материалам газеты «Джаридат Дагистан») // Международная научная конференция «Исмаил Гаспринский — просветитель народов». М., 2001. С. 82–84.

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ*

Философия — слово греческое, означает «любовь к мудрости». Первым местом, где люди познакомились с философией, был Египет. Здесь были философы и мыслители более чем за 2 тыс. лет до Рождества Христова, но наука у них была монополизирована в руках касты жрецов, которая была разрешена только для специального обучения своих учеников. И поэтому между наукой и массами была очень глубокая пропасть. Простые люди поклонялись кошкам, тельцам и быкам, верили камням и монументам.

Пришли греки и взяли у египтян основы их философии и наук, не скрыв их, как делали их египетские учителя, а распространили их среди своих соотечественников. Они (т. е. основы философии и наук. — А. Н.) пустили ростки и дали удивительные всходы, которые не постигнуты и до сегодняшнего дня. За ними следовали арабы в VII веке н.э., которые взяли из их книг то, что смогли взять, не жалели сил для исправления наук, отбора и усиления их основ и оставались такими до тех пор, пока не закончилась их роль, пока не прекратился их прогресс в XII в. н.э.

Однако их соседство с Европой в Андалусии (Арабская Испания) принесло пользу европейцам в том, что они заинтересовались наукой¹, и благодаря их знаниям просветились те, чье внутреннее состояние было подготовлено к возрождению. И они начали рас-

* Перевод с арабского некоторых статей из газеты «Джаридат Дагистан» осуществлен А.Р. Наврузовым.

¹ Один из превосходнейших математиков Европы сказал: «В течение нескольких веков у европейцев не было ни одного математика, который бы не учился у арабов». Мистер Дийфонборт в своей книге «Извинение перед Мухаммадом» писал, что арабы сохранили произведения греческих философов и создали науки по медицине, инженерии и другим наукам, другими словами, арабы — учителя Европы со времени варварства, с IX до XIII в. Однако месть Сийдийу из Франции в одной из своих книг сказал следующее: «Действительно, великие врачи, выдающиеся философы и славные инженеры, крупнейшие западные ученые, т.е. европейцы, они — ученики ученых-арабов Андалусии». Он обосновывал это ясными доказательствами в главах своей книги, где он разъяснял, что большое количество изобретений западных ученых заимствовано у арабов. Они случайно нашли их, разведали их тайны, постигли их суть, а затем перевели и сожгли их, приписав открытия себе самим.

пространять в Европе книги Ибн Рушда из Андалусии¹ и его идеи, пока факультет Парижа, а он увидел увлечения умов его теориями, не был вынужден объявить, что они колеблют веру. Затем был издан указ — повеление Папы о запрещении изучать их. И все это в XII в. н.э., но, однако, они не запретили жаждающим правды умам трудиться во имя них, и они втайне твердо стояли на своем, пока в XVI веке не появились высокие инстанции, давшие публично разрешение философской истине, как, например, Рамус. Он был первым, кто публично заявил об упразднении философии Аристотеля. А богословы в то время считали эту философию священной и убили его. Затем после него появился Патририй и стал следовать курсу Рамуса. После него выдвинулся Кампанелла, которого богословы приговорили к сожжению. Затем удивительно непрерывно следовали друг за другом выдающиеся люди — пришел англичанин Бэкон, француз Декарт и др., которые подняли здание философии на высоту, на какую она не поднималась ни в какие времена. В середине XIX века появился философ Огюст Конт и заложил основы сенсуализма.

Основы философии — понятие и видение — два внутренних природных качества в человеке, распространенные во многих нациях. Однако эти два качества не принесли плоды древним нациям, подобно тем, какие они дали греческой нации, даже заполнилась земля их философскими учениями. Однако когда информация в этот период была недостаточной в методике, здание этой науки в большинстве случаев составляли мысли, идеи, философия была в постоянном изменении в руках отцов этих направлений. У каждого из них были принципы, которые они исследовали, осознали и затратили свои усилия для их укрепления и усиления соответствующими обоснованиями и критериями, для подкрепления своего направления, на службу чему они потратили всю жизнь. Его ученики заимствовали у своего учителя то, что слышали, или буквально все, букву к букве, или с добавлениями чего-либо, не вытекающего из первоначальных основ учения своего учителя.

(‘Али ал-Гумуки. «Джаридат Дагистан». 1 ноября 1914 г. № 43. С. 4).

¹ Ибн Рушд — один из выдающихся арабских философов, о нем остались великая слава и прекрасные воспоминания в Европе, его книги переведены на все языки Европы и были в ходу у европейцев на протяжении длительного периода времени. У европейцев есть много переводов его утерянных книг, скопированные по-арабски Эрнестом Ренаном, известным французским писателем, который написал книгу, рассказав о истории жизни Ибн Рушда, упомянув в ней его биографию, его философские взгляды, которыми он упразднил философию Аристотеля. Книга издана в 1866 г. в Париже. Европейцы изменили его имя и называли его Аверроэс, так же как называли Ибн Сина Авиценной и аль-Фараби — Фарабиус.

ВОЗЗВАНИЕ ВРЕМЕННОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА ДАГЕСТАНА

О братья дагестанцы-мусульмане, знайте, что поднялись рабочие, военные и другие жители государства из-за своей любви к родине, из-за своей крайней спешки установить всеобщее равенство между людьми и уравнивание всех наций, проживающих в Великой России, несмотря на их национальные различия. Они начали, а руководит ими Государственная Дума, бороться с гнетом и эксплуатацией всеобщими объединенными силами, так что отняли власть у императора и его министров. И сосредоточилась государственная власть сейчас в руках 12 человек, избранных из членов Думы и умнейших мужей России.

Новое правительство, которое уничтожило старые несправедливости, рекомендует нам сохранять спокойствие, мир и безопасность. Оно объявило всем людям, что воздвигнет здание нашей жизни после этого на новых принципах равенства между всеми людьми в правах и законах и устранении всякого разделения и различий, которые имели место до этого. И не будет с этого дня ни в отношении никого притеснения — ни религиозного, ни национального, ни политического. И орган, который закладывает эти новые принципы и делает равными всех людей, — это всеобщий съезд, который создан в Петрограде в эти дни для кодификации законов государства и регламентации ее новых законоположений вместо наших законов, которые были до сегодняшнего дня. И будет на этом съезде представитель (уполномоченный) или несколько уполномоченных от каждой области России.

В Дагестане также (Темир-Хан-Шуре) сформирован для сохранения строя и мира Дагестанский Комитет, сосредоточивший в своих руках власть, в который люди избрали ее членов из своей среды с их согласия. Власть будет в руках этого Комитета до тех пор, пока указанный съезд завершит формирование новых законов и основ. Этот Дагестанский Исполнительный Комитет посылает своих посланников в округа, районы и села Дагестана, чтобы довести до них правду об этой революции и изменениях. Нет у нас других интересов в отправлении посланников, кроме как сохранение этого строя и спокойствия. Военные и другие жители России дали клятву повиноваться этому новому высшему правительству в Петрограде.

Сейчас все приказы и распоряжения исходят из двух источников: одни — высший исполнительный комитет в Думе, состоящий

из 12 умнейших мужей России, и второй — министры, которых назначает этот Комитет. Мы вам советуем также, а мы ваши братья — члены Исполнительного Комитета, повиноваться этому новому правительству и подчиняться его приказам и директивам, которые мы доводим до вашего сведения, а также сохранять спокойствие, мир и порядок. Мы повторяем вам во второй раз для всеобщей пользы и чтобы вы выполняли то, к чему мы призываем и стремились к этому благоразумно, зная истинное положение. И это будет для вас средством для достижения добра и величайших благ, к которым мы придем.

Подписали это воззвание Дагестанского Временного Исполнительного Комитета облеченные полнотой власти Председатель Зубаир Темирханов и два его помощника — инженеры Мухамад-‘Али Дахадаев и Адиль-Гирей Даитбеков, писари — Ахмед Бадави Саидов, Абдусалам Талхатов и Али Каяев (из Кумуха). Члены: Зайнутдин Доногуев, Нурмухаммад Шахсуваров, князь Нух Тарковский, Мухаммад-Мирза Мавраев, Мухаммад-Кади Дибиров (из Караха), Ризван Мавраев, Курбан-Мухаммад сын Мулла-Мухаммада, ‘Али Султанбеков, Дауд Будаев, Наджмуддин Гоцинский, Сейфулла Башларов, Сейфутдин Куваршалов, Якуб Исхаков, Пир-‘Али Амиров, Асадула Амиров, Абдужалил Коркмасов, Гамзат-Бек Юсуфханов, Абу Джа‘фар Магомедов, Абдусалам Абдуллаев, Хаджи-Мурад Абдулганиев, Муртада-Хаджи сын Фейдуллы, Джамал сын Салмана-Султана Магомаева и Кебед-Хаджи Гасанов.

(Али Каяев. «Джаридат Дагистан». 18 марта 1917. № 12. С. 2).

ПОЧЕМУ ДАГЕСТАНЦЫ ЭМИГРИРУЮТ В СТРАНЫ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ?

Причин, побуждающих дагестанцев переселяться в страны Османской империи, много. Среди них, например, такая, которую распространяют сеющие ложные слухи паникеры, что Дагестан — это страна безбожия и, согласно шариату, в ней жить нельзя; или другая, распространяемая некоторыми сторонниками шейхов (духовных вождей) тариката, что мусульманин непременно должен быть последователем идей одного из шейхов *тариката* (наставника) и идти по его пути. А если он поступает вопреки этому, то Аллах якобы не поверит в его чистоту и справедливость и все его служение будет отвергнуто. А если же такого наставника нет в Дагестане, то тогда надо якобы ехать в страны Османской империи (в поисках

его) и жить там, рядом с ним... И другой тому подобный вздор, из-за которого оказываются введенными в заблуждение многие ученые мужи Дагестана, в которых здесь и так ощущается недостаток. И они, продавая свою движимость и недвижимость, эмигрируют в эти далекие страны, подвергая себя и свои семьи опасности.

Ничего, что мы приведем здесь часть из того, что приводил Посланник Аллаха, да благословит его Аллах и приветствует, и часть из его наследия — учения в отношении переселения (*хиджры*), из чего следует, что очищающий шариат предписывал мусульманам переселение не иначе, как на заре ислама, в дни, когда верующие мусульмане были еще не так сильны, чтобы обнаруживать свою религию в городе язычников Мекке и т.д. ...и запретил переселение, когда была завоевана Мекка и отпала надобность в этом. Мы приведем здесь то, что сообщил ал-Бухари в своем сочинении ас-Сахих об Айше, да будет доволен ею Аллах. Она сказала: «Сегодня нет хиджры. Только один из верующих убежал со своей религией к Аллаху Всевышнему и его Посланнику (да благословит его Аллах и приветствует), боясь, что его оклеветают, а что касается дня сегодняшнего, то Аллах открыл ислам, и сегодня поклоняются Господу там, где пожелают».

Передавали также со слов Абу Саида ал-Хадари (да будет доволен им Аллах): «Пришел бедуин к Посланнику Аллаха и спросил его о хиджре. Тот ответил: Горе тебе, значение хиджры огромно! Есть ли у тебя верблюд? Бедуин ответил — да. Посланник спросил: Ты отдашь его в качестве милости? Бедуин ответил — да. Посланник спросил: Ты подаришь его? Бедуин ответил — да. Посланник опять спросил: Ты подоишь его в день его возвращения? Бедуин ответил — да. Посланник сказал: Так работай за морями, и действительно Аллах не забудет ничего из твоего труда».

Как рассказывал ал-Хафиз Абу Бакр ал-Хазими со ссылкой на Ибн Аббаса, что Ибн Аббас сказал: «Посланник Аллаха сказал в день завоевания Мекки, что нет *хиджры*, но есть *джихад* и цель».

Также рассказывали, что Я'ла б. Омеййа сказал: «Я обратился к посланнику Аллаха и сказал ему, что мой отец присягнул, что есть хиджра». А посланник Аллаха спросил: «А присягнул ли он, что есть джихад?» И после этого прекратилась *хиджра*, а по легенде *хиджра* прекратилась в день завоевания Мекки.

Рассказывали, ссылаясь на Мухаммада, что он сказал, что *хиджра* не прекратится, пока не прекратится покаяние. Однако в его (Мухаммада) источнике есть статья, противоречащая *хадису* упомянутого выше Ибн Аббаса, а эта статья правильная, связана с источником, о котором говорил ал-Хитаби. Для оценки правиль-

ности ее (статьи) собрались ученые (как сторонники Мухаммада, так и Ибн Аббаса). Они согласились с тем, что *хиджра* не превратится в рекомендуемую *хиджру*, как это цитировал ал-Хазими со слов ал-Хитаби.

Не было в каком-либо из текстов по шариату ничего такого, что говорило бы об обязательности *хиджры* (переселение) в какой-либо мусульманский город, как до завоевания Мекки, так и после. По этому поводу ал-Маварди писал: «Если мусульманин может отправлять свою религию в каком-либо немусульманском городе, то этот город становится мусульманским, и проживание в нем предпочтительней, чем *хиджра* или чем когда он просит принять кого-либо другого в ислам вместо него».

Не секрет, что все мусульмане в наши дни могут отправлять свою религию по всему свету, подобно тому, как это могут жители Османской империи и эмигрирующие в эту страну, безо всякого различия. Как и то, что видишь при этом мечети, построенные мусульманами во многих столицах великих государств, таких как Петербург, Москва, Лондон, Ливерпуль и др.

Как-то спросили выдающегося ученого Шихабутдина ар-Рамли, необходима ли *хиджра* мусульманам, живущим в Андалусии под гнетом правителя-христианина, с которых он берет поземельный налог (*харадж*) в зависимости от того, сколько приходится на каждого. Его «гнет» этим и ограничивается. А в их распоряжении мечети, где они молятся, держат пост в месяц Рамадан и открыто отправляют исламские заповеди. Но они не уверены, что их, боже сохрани, не заставят быть отступниками своей религии или обяжут отправлять свои (немусульманские) заповеди.

И он ответил в своих *фетвах* (решениях), что не следует им эмигрировать со своей родины, где они могут отправлять свои религиозные чувства. Также отвечал, что им нельзя эмигрировать с родины, так как ислам просит жить на родине им, а не другим, так как мусульманская страна, если бы они эмигрировали из нее, стала бы страной немусульманской. А что касается вопроса выполнения ими заповедей очищающего шариата и непротиводействия им со стороны безбожников по этому поводу на протяжении многих лет, что якобы убеждает мнение большинства людей в том, что они верят в Аллаха под страхом и что их принудят силой к вероотступничеству или заставят выполнять заповеди безбожников, он отвечал, что Аллах один знает, хорошо это или плохо.

Да, конечно, мусульмане, которые живут под властью христианских правителей, не могут в наши дни так открыто выполнять заповеди ислама, как это делали мусульмане в Андалусии,

находясь под защитой христианского правителя. Однако они там не обособлялись, а, напротив, жители Османской империи сотрудничали с ними, правителем которых был старый, дряхлый султан-мусульманин.

Здесь мы отклонились от разговора по вопросу необходимости полного следования (уподобления) идеям наставника (*муршида*), одного из шейхов тариката, или, наоборот неследования им в силу преобладания невежества и глупости в подражание шейхам современности и избытка слепого фанатизма в отношении их и тех, кто противоречит им.

(‘Али ал-Гумуки. «Джаридат Дагистан». 4 февраля 1913 г. № 5. С. 4).

РЕЧЬ К МУСУЛЬМАНАМ — БОГАТЫМ И БЕДНЫМ, УЧЕНЫМ И НЕВЕЖЕСТВЕННЫМ, ПРАВЕДНЫМ И НЕЧЕСТИВЫМ

Знайте, да будет Аллах милостив к вам, что я, как и вы, один из рабов Аллаха, которому судьбой даровано знание. Знания научили меня религии и мирской жизни в той мере, насколько позволили мне мои силы. Я учился знаниям у нескольких ученых-мусульман и поэтому хочу принести пользу исламской *умме* (общине) и уберечь шариат от гибели. Вы знаете, что я обучался моим знаниям не за плату, не будучи *кадием* и преподавателем, а, истинно, получил знания во имя Аллаха, за сохранение его религии, не за земные блага. И если бы земной мир был бы необходим мне, то русские школы не были бы закрыты передо мной. И если бы я поступил туда, то был бы инженером или врачом или др., что явилось бы причиной для накопления богатств земного мира. И я дожил до этого моего возраста, а мне около 56 лет, среди этих мусульман так, как стремится человек, желающий сохранить свою совесть, оберегая ее от грехов и подозрений.

А что касается моего желания отвратить вред от мусульман, моей защиты их и моего противодействия нечестивым правителям, когда они проявляют нечестие в отношении людей, то, может быть, не секрет для людей разумных, что даже нечестивые правители стали следить за мной и стали приписывать меня к защитникам ислама. Однако правители не занимаются специально этим, а мусульмане сотрудничают с ними относительно этих дел. Так что я жил эти последние 20 лет в огне духовной войны.

Затем, после восхода солнца свободы из-за высот политики, люди разделились в деле свободы. Среди них есть те, кто хочет ша-

риатской свободы, а она освобождает людей от обязанностей по отношению к деспотическому, несправедливому государству, запрещающему выполнение большинства заповедей магометанского шариата, и не освобождает людей от того, чтобы быть рабом Аллаха и выполнять предписания Аллаха. Следовательно, никто не может сделать людей свободными, освобожденными от обязанностей перед Аллахом. Однако люди остаются в истинном своем поклонении Аллаху, который соберет их в Судный день и воздаст им по заслугам. Несмотря на это расхождение, они решают текущие нормы среди людей по Корану, в равной степени касается это (уголовных. — А. Н.) преступлений или вопросов брака или имущества — движимого и недвижимого и хотят брать Коран в качестве мерила своих дел. И выносят решение согласно тому, что ниспослал Аллах, так как Аллах Всевышний сказал в Коране: «Те, кто не решает согласно тому, что ниспослал Аллах, они-то и есть неверные». А также он сказал: «Те, кто не решает согласно тому, что ниспослал Аллах, они-то и являются преступающими религиозный закон».

Затем есть другая группировка, которая понимает под свободой социалистическую свободу. Это свобода, которая освобождает людей от рабства обязанностей по отношению к деспотическому государству, а также свободу от поклонения Аллаху и обязанностей по отношению к нему. Они из-за своего невежества, незнания шариата не знают аспектов этой свободы, противоречащих очищающему шариату и соответствующих ей. Однако если их спросят об этих аспектах, которые противоречат шариату, при наличии у них этой свободы — противоречат эти аспекты шариату или свободе, они отвечают, что противоречат шариату.

Я не знаю, по сути, причину расхождений людей на две группировки, кроме как по чистейшей глупости. Однако у одной из этих группировок имеется цель, которую они скрывают в глубинах своего ума. И если они разъяснят шариат своими устами (вслух), то люди последуют за ними, чтобы добиться желаемого. И следует каждому разумному человеку спросить себя, проверить самого себя и задуматься: какая же из двух группировок наиболее права? Каждая группировка упрекает друг друга в предательстве шариата. Ученые или социалисты? Кто из них больше стремится к оживлению шариата? Ученые, которые являются носителями шариата и наследниками пророков, или другая группировка, которая изучала иную науку, не шариатскую. И формировала свой характер на основе светских наук на русском языке.

Я сейчас пускаюсь в рассуждения по другому вопросу. Я знаю от людей, что ученые, праведные и разумные мужи и др. влиятель-

ные люди из Дагестана, Чечни, Черкесии и др. люди Северного Кавказа выделили меня и избрали для шариатского руководства. Они называют меня различными именами, однако среди них нет иного имени, кроме как одного из рабов Аллаха, которому вменяется в обязанность приводить в исполнение нормы шариата и оживлять их, не жалея для этого ни своей души, ни своей семьи, ни своего имущества.

Действительно, я слышу, что некоторые клеветники и ненавистники шариата говорят, что я хочу стать *имамом* для того, чтобы чинить насилие, чтобы покорять и подчинять. Это чистейшая ложь. Напротив, я хочу оживления шариата и в ответе перед мусульманами, которые призвали меня к руководству шариатом и приведению норм шариата в соответствие с тем, как присягнули мне в этом люди. И требую от того, кто примет от меня эту должность, чтобы он был достоин этого и были довольны им люди. Я обязан передать эту должность тому из ученых, кто пригоден для этого. И я дам тому еще 1000 туманов сверх этого.

Я слышу также, что они (клеветники) говорят про меня, что я землевладелец и владелец загонов (овец). Да, я (собственник земель) землевладелец. Эти земли я унаследовал от своего отца, и они являются распределенными в числе другого наследства по шариату. И мой отец не отнимал их силой ни у кого-либо, а купил их у других мусульман после того, как они подтвердили свою собственность в суде доказательствами, достаточными для суда, для продажи земель. И если найдется или есть кто-либо, кто захочет отобрать их у меня, то пусть придет с доказательствами, приемлемыми по шариату, и я действительно приму их безо всяких колебаний (проволочек).

Также слышу, что они боятся, что я приму сторону правителей в отношении земель. Это обвинение, не знаю из-за чего возникло в душах людей, после того как я решил земельный и другие вопросы по шариату, так как нормы шариата яснее солнца. А если кто из правителей выступит против шариата в земельном вопросе, в отношении земель, которые ему принадлежат, то я буду первым, кто вынет меч из ножен против него и против того, кто хочет решения вопроса не по шариату, в равной степени, будь он правителем или свободным человеком. А я же не причастен к этому, и это идет не от меня, я ни к чему подобному не причастен. Я не касаюсь проблем земли (земельного вопроса) вовсе, а делегирую шариатскую проблему по земельному вопросу собранию улемов (ученых) и шейхов *муршидов*. Но и мы привлечем к этому собранию улемов из Бухары, Казани, Крыма, Стамбула, и всем мусульманам следует

удовлетвориться их решением. А кто отвергнет их решение, тот нечестивец, находящийся за пределами истины, на таких падут гнев Аллаха и его наказание. А Исполнительному Комитету необходимо собрать это собрание, т.е. собрание *улемов*, как можно скорее, чтобы быстро успокоить людей.

Я также слышу, что глупцы дискредитируют (меня) тем, что войскам, которые спустились со мной с гор, Асельдер¹ пожертвовал некоторую сумму денег. Я расследовал и изучил, как это произошло, и обнаружил нескольких богатых людей из мусульман, среди них были и Асельдер, и *кафиры*, которые пожертвовали войскам (денежные суммы), боясь, что случится набег на город, если придут войска. Даже евреи пожертвовали войскам 300 туманов. Ко мне также пришли с этими деньгами, предлагая взять их, и я вернул им их, сказав, чтобы искали того, кто собирает помощь войскам, и вручил их ему в руки. Я же не знаю, что случилось затем после.

От Наджмуддина.

(Наджмуддин ал-Хуци (Гоцинский). «Джаридат Дагистан».

19 февраля 1918. № 3. С. 1–2.)

ОБ ОСНОВАХ НАШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Я не думаю, что каждый, кто имеет представление об основах нашего нынешнего образования и знаком с его реальным положением и его результатами, сомневается в их (т.е. основах образования) непригодности, ибо это яснее ясного ученым людям, и у них нет разногласий на этот счет.

Обучающийся в соответствии с этими основами подобен ослу на мельнице: крутится, а остается на месте. Однако наш пример с настаиванием на обучении с использованием их подобен примеру, когда собака встречает другую собаку, у которой во рту обугленная кость. И вот вторая собака говорит первой: «Беда! Какая это скверная кость!» Первая отвечает на это: «Да пусть обрушится проклятие Аллаха на эту кость и на того, кто бросит ее, пока не найдет лучше нее!»

¹ Асельдер Казаналипов родился в с. Капчугай, чанка. Окончил Константиновское военное училище, с 1876 г. служил прапорщиком в 82-м пехотном Дагестанском полку. За военное отличие в 1879 г. произведен в прапорщики. До Февральской революции служил чиновником особых поручений при наместнике царя на Кавказе в Тифлисе. Эмигрировал в Турцию (1920). Похоронен в Турции, в кумыкском селении Доганчи.

А что касается отрицания группой людей из нас этого положения и их настаивания на утверждении правильности и верности этих основ, то это является следствием или губительной зависти, или незнания новых методов образования. Эти упрямы если откажутся от своих слов и признаются в непригодности своего пути, то их пример будет подобен притче: «Охотник продал свою сеть». А если охотник продал свою сеть, то чем он будет ловить, т.е. тогда им следует отказаться от тех денег, которые они получали до этого в школах, обучая учеников негодными методами.

(Аскер ал-Джункути. «Джаридат Дагистан». 15 июня 1913. № 24)

НАШИ УЧЕНЫЕ И ИХ ЖАЛОБЫ

Наши ученые жалуются на плохое свое положение и скудность средств к существованию, малое, а порой и полное отсутствие внимания и уважения людей к ним (ученым), говорят: «Испортилось время, и ухудшились нравы, все люди стремятся к материальным, земным благам и не осталось никого, кто обратил бы свой взор к науке, пока она не исчезла совсем». И, бывает, возлагают вину за все это на других людей, забывая самих себя и оправдывая себя во всем. И, если бы дело обстояло наоборот, оно было бы ближе к истине. Если бы они (ученые) были требовательными (прежде) к самим себе, поняли бы, что не заслуживают ни почитания, ни уважения к себе со стороны простых людей. И это потому, что человек заслуживает почитания и уважения со стороны другого человека, если бы этот первый был востребован своим знанием науки или религии, или своим имуществом, или положением или другим, к чему предъявляют спрос. Так как второй извлекает пользу из этого. Наши простые люди сегодня не нуждаются в тех науках, которыми владеет большинство наших ученых. И у них нет других знаний, помимо этих наук, за что они заслуживали бы какого-либо уважения. И почему они должны ожидать проявления уважения и почитания от простых людей и какова вина простых людей в том, что они оставили ученых и их метод, который считают бесполезным.

И это, по-моему, происходит не от того, что люди не нуждаются в науках и ученых. Напротив, люди нуждаются в них сверх всякой меры в этот наш век, век знаний и наук. А из-за того, что науки и знания, в которых люди нуждаются в этот наш век, это не те науки, которые имеют хождение среди большинства наших уче-

ных, а ученые, которых они (простые люди) ищут, это не те ученые, которые есть у нас.

И это потому, что науки, в которых они нуждаются, это такие науки, как арифметика, геометрия, география, новая естественная философия, новая химия, новая астрономия, здравоохранение, история, коранические науки, *хадисы* и их составляющие, этика, жизнеописание (*сира*), в особенности жизнеописание Посланника Аллаха и его праведных халифов и др. науки, которые пробуждают спящих, питают умы и просветляют разум и взор. А ученых, которых они ищут и в которых они нуждаются, это те, которые идут с ними в ногу со своим временем, пробуждают спящего, направляют на правильный путь заблудшего и возвышают слово веры и светоч его, очищают ислам от всего, что прилипло к нему в виде новшеств, домыслов и заблуждений. Не те, которые придумывают их (новшества, небылицы, домыслы и заблуждения) и распространяют между собой. У нас есть такие науки и ученые такого порядка только самое малое количество, я думаю, число их не превышает числа пальцев на руках. А самое большее (предел), что существует у нас из этих наук, представляет собой несколько правил из синтаксиса и морфологии вместе с известными доводами, исследованиями и пустыми спорами, которые упоминают авторы в своих книгах и которые, как оказывается, не имеют никакого отношения ни к синтаксису, ни к морфологии, ни к другим изучаемым наукам. Плюс к этому то, что включает «Шарх ал-Минхадж» шейха Ибн Хаджара ал-Хайтами по некоторым проблемам *фикха*.

Все наши ученые, говорит автор, интересуются только написанием документов, если являются *кадиями*, или толкованием комментариев по проблемам книг, которые они читают, и написанием возражений на обратившихся к ним таких же, как они сами, авторов комментариев и толкований, если являются учителями. И они видят в этом предел того, что необходимо им сделать и обратить внимание. И не болит голова у них о простом народе, ни о том, что на них лежит обязанность наставлять и направлять простых людей на правильный путь, так как они будут держать за них ответ в Судный день. И вместе с тем приписывают себе великие права, ожидают от людей почитания и уважения, жалуются на свое тяжелое положение и скудность средств к существованию, на отсутствие научных и духовных обязанностей, чтобы хорошо зарабатывать на жизнь, и винят во всем этом также простой народ.

Дело обстоит как раз наоборот. Простых людей можно понять, почему они перестали уважать того, кто не приносит им никакой

пользы, что они не нуждаются в том, что есть у нынешнего ученого из того, что он называет наукой.

Полезные научные функции, которые приносят великие блага тем, кто неукоснительно соблюдает их, есть, они сохраняются и востребованы. И это потому, что большинство наших сел, если не сказать все, но достаточное количество из них, очень сильно нуждаются в учителях, которые обучали бы детей чтению, письму, Корану, вышеперечисленным рационалистическим наукам, таким как арифметика, география, история, здравоохранение, этика, вопросам *фикха*, если в них он будет нуждаться, когда повзрослеет, т.д. тому, что необходимо человеку в его жизни, чтобы быть человеком этого века, для которого создал его Аллах Всевышний. Чтобы жить среди своего народа согласно принципам этого народа в пропитании и нравственности, а не по принципам народа прошлых веков. Я знаю несколько наших селений, население которых ищет таких учителей (готовые платить столько, сколько бы учителя ни захотели, и сколько бы ни велика была бы оплата), и, вместе с тем, не находят их. И потом, научные функции сводятся не только к обучению в школе, но, в целом, и к написанию полезных трактатов и книг по важным вопросам и различным полезным наукам (не к написанию новшеств, небылиц, домыслов и заблуждений), таким как психология, *сира* (жизнеописание), арифметика, география, история и др. на арабском языке или других языках и распространение их среди людей, с тем чтобы принести пользу, как это обстоит у других более преуспевших в этом. А люди испытывают сильную потребность в подобных трудах. И как говорят, наряду с этим, что у ученых нет научных функций, кроме как быть судьей и *имамом*. О, если бы мне знать, какая же функция более высокая, более почитаемая, более уважаемая, чем функции обучения и написания трактатов, которыми пользуются и которые приносят пользу людям.

(Муса ас-Сумбатли. Наши ученые и их жалобы.
«Джаридат Дагистан». 28 января 1917 г. № 5. С. 4).

КЕМ МЫ БЫЛИ ИСЛАМИЗИРОВАНЫ

Широко известно среди масс и отдельных лиц в Дагестане, что завоевателем Дагестана и распространителем исламской веры во все ее уголки был Абу Муслим, погребенный в селении Хунзах, хорошо известной столице Аваристана. Хотя большинство из них не знают ничего, кроме этого рассказа и не считают ни с чем кроме него.

Однако об этом Абу Муслиме нет упоминания в каких-либо книгах по истории, кроме как известном сочинении «Дербенд-Наме» и других подобных ему сочинениях, которые неизвестны и неизвестно, когда они написаны. Также нет в каких-либо известных книгах по истории упоминания, что завоеватель этой страны умер в Дагестане и погребен в какой-либо ее области. И даже, если бы было бы это упоминание, мы не могли бы сказать с уверенностью, что этот завоеватель назывался Абу Муслим и что таковым он был и известен среди дагестанцев.

Между тем есть убедительные доказательства того, что этот погребенный в Хунзахе не является завоевателем этой страны и распространителем исламской веры в ней. Так как на его мече и халате, сохранившихся в могиле, есть строки, написанные почерком, который мы используем сегодня. Ученые-историки сходятся во мнении, что эта страна (Дагестан) была завоевана в эпоху Омейядов¹, а в это время этого почерка не было, он возник позже, в эпоху Аббасидов². А иначе как представить наличие на мече предводителя Омейядских войск почерка, который возник позже, при Аббасидах. А почерк, который знали и использовали в эпоху Омейядов, — это *куфическое* письмо, исчезнувшее после возникновения письма, на котором мы пишем и используем в наши дни.

Вот строки из *бейта*, написанные на мече и одежде этого шейха:

Призовите Али³, средоточие (?) чудес

Он ('Али) будет помощью тебе в превратностях твоей судьбы

¹ Омейяды — династия мусульманских правителей Арабского халифата, правивших с 661–750 гг. со столицей в Дамаске. После нанесенного им поражения на Востоке Аббасидами они были вынуждены переместиться в Андалусию (Испания), где правили с 756–1031 г. со столицей в Кордове (Кордоба). Число халифов в Андалусии — 16, в Сирии — 13.

² Аббасиды — династия правителей Аббасидского халифата, правивших с 750–1258 гг. Герб Аббасидов — черное знамя. В годы их правления исламская империя достигла наибольшего могущества. Род происходит от Аббаса Ибн 'Абд ал-Мутталиба — дяди пророка. Восстание Аббасидов началось в Хорасане под руководством Абу Муслима после полувековой тайной агитации. Первым халифом был ас-Саффаха (Кровавый). Аббасиды преследовали оставшихся из династии Омейядов и, убив Марвана Второго, последнего халифа в Сирии, ликвидировали их государство в 750 г.

³ 'Али Ибн Абу Талиб — четвертый халиф (656–661) воспитанник пророка, его племянник и зять — был женат. на его дочери Фатиме. Один из героев первых сражений, которые вели мусульмане при Бадре, Оходе, Хайбаре, ал-Хандаке и Хинине. Группой мусульман была заключена договоренность о выдвижении 'Али халифом, но после убийства третьего халифа — 'Усмана, сделка была сорвана. Ускорили дело мятеж в Басре и как результат — битва в г. ал-Джамал. Мятеж и сражение при Сефине почти завершили дело, если бы не подозрения *хариджитов*. Между тем 'Али приготовился к решительному выступлению, но был убит хариджитом. 'Али — Абу Тураб (Отец пыли) — считается основателем первой исламской школы.

Как сообщали мне те, кто видел и читал эти строки, не представляется возможным наличие в каких-то трудах предводителя Омейядских войск этого периода ничего такого, что упоминало бы или указывало на 'Али или имелась бы ссылка на него.

Несомненно, что это преувеличение, которого не знали люди того периода. И это в то время, когда между этим государством (Омейяды) была известная вражда, так что даже халифы этого государства ругали, поносили 'Али с трибун, проклинали его и велели делать это проповедникам. И продолжалось это до дней правления ('Умара) б. 'Абд ал-Азиза¹. Он прекратил это, а вместо этого *бейта* прочитал слова Всевышнего:

«Воистину Аллах, и только Он, вершит правосудие, наказывает за неповиновение, управляет добрыми делами чудом и знаменем» — и предложил своим наместникам и правителям руководствоваться этим.

А в отношении этого погребенного в Хунзахе я думаю, что он был одним из крупнейших деятелей по возвышению слова Всевышнего Аллаха. Он явился в эту страну и обновил в ней исламскую веру, оживил исчезнувшие обряды и возвысил тем самым слово Аллаха. Так как, если они (обряды) были открыты на заре ислама, то, вполне возможно, они могли быть неожиданными для народа после такого охлаждения к религии, трудности исполнения обрядов и слабости религиозных познаний, как это происходит повсеместно.

И явился этот шейх в Дагестан и обновил здесь религию и восстановил в ней былое величие и распространил религиозные знания среди людей Дагестана, поэтому они считали его первым, кто поднял знамя ислама среди них, и забыли того, кто был до него.

А он был, милостью Аллаха Всевышнего, из людей сунны и согласия общины², *шафиитского мазхаба* (правовой школы). Впрочем, когда распространялся *шафиитский мазхаб* в этой стране, имело место дуновение шиизма и преувеличения в отношении повелителя правоверных 'Али, да возвеличит его Аллах, иначе, почему он согласился, чтобы имя 'Али было на его мече и одежде в строке из этого *бейта* (речь идет об Абу Муслиме).

¹ 'Умар Ибн Абдал — Азиз Марван — восьмой омейядский халиф (717–720), славился своим благочестием и приверженностью сунне. Приступил к внутренней финансовой реформе. Проявлял снисхождение к Алидам, христианам и вольноотпущенникам.

² Ахл ал-Сунна ва ал-Джама'а — «люди сунны и согласия общины» — самоназвание большей части мусульман-суннитов, одного из основных течений ислама (наряду с шиитами и хариджитами).

А первым, кто принес знамя ислама в эту страну, был один из арабских военачальников. Рассказывают, что Салман б. Рабиййа ал-Бахили, который завоевал Дагестан во времена 'Умара б. ал-Хаттаба¹ — да будет доволен им Аллах, и завоевал Дербент и Баланджар. Его встретил Хакан, правитель (*малик*) хазар в лесу за рекой Баланджар. В этом бою Салман и его сподвижники пали, и было их четыре тысячи человек...

Вначале турки, было, боялись их (мусульман-арабов) и говорили, что этих ангелов не берет оружие. Однако затем условились, что один из турков спрячется в чаще леса и выпустит стрелу в мусульманина. Когда ему это удалось, и он убил его, он провозгласил среди соплеменников: «Они (мусульмане-арабы) умирают так же, как и вы, не бойтесь их». И они набрались храбрости и напали на мусульман-арабов, пока не пали Салман и его сподвижники. Абд ар-Рахман б. Джумана ал-Бахили, вспоминая Салмана ал-Бахилии Кутайба б. Муслима ал-Бахили, высоко отзывался о них.

Поистине, у нас есть две могилы: одна в Баланджаре, а другая — в Китае. Какие прекрасные могилы. Та, что в Китае — стали всеобщими ее завоевания. А та, что в Баланджаре, то вызываются с ее помощью дождевые капли.

Говорят, что Абу Муса ал-Аш'ари², когда завершил поход на Исфахан в годы правления 'Умара б. Хаттаба в 91 г.х., он послал Сурака б. Амра на Дербент, а в авангарде поставил Абд ар-Рахмана б. Рабийя. И он двигался, пока не завоевал его после многочисленных боев.

Затем следовали один за другим нашествия арабов в эту страну и многочисленные бои между арабами и хазарами. Дважды или трижды возглавлял их Маслама б. 'Абд ал-Малик³, брат Хи-

¹ 'Умар Ибн ал-Хаттаб, второй халиф (634–644). Наследовал Абу Бакру (632–634). Был известен своей преданностью Пророку. О его справедливости слагались легенды. В годы его правления мусульманские войска под руководством Амра Ибн ал-Аса, Абу 'Убайда Абн ал-Джараха, Йазида Ибн Абу Суфйана, Халида Ибн ал-Валида и Сада Ибн Абу Ваккаса завоевали Сасанидскую и большую часть Византийской империи. Составил «Диван» — свод положений для выдачи жалования армии и «ал-Амсар», где разработал основные принципы закладки городов и создания войск.

² Абу Муса ал-Аш'ари (ум. 655 г.х.) — сподвижник Пророка. Один из судей третейского суда, наряду с Амром б. ал-Асом, представлявшими соответственно 'Али и Муавию после битвы при Сеффине. После исполнения своих полномочий вернулся в Куфу, где и умер.

³ Маслама б. 'Абд ал-Малик Ибн Марван (ум. 738 г.х.) — крупный омейядский полководец и правитель.

шама 'Абд ал-Малика¹, тогдашнего халифа. Затем был Марван б. Мухаммад² — последний халиф династии Омейядов, при котором завершилось завоевание этой страны (Дагестана) и она покорилась арабам. Это продолжалось до тех пор, пока не появились турки-сельджуки и не отняли ее у них.

Дербент в эпоху Аббасидов был городом духовных наук и знаний. Его посетил однажды халиф Харун ар-Рашид³ со своими детьми. В нем возникли общества ученых и хадисоведов. Среди них — шейх Зухейр б. Нуам ал-Баби, Ибрахим б. Дж'афарал-Баби.

'Абд ал-Гани, когда сообщал о Египте, писал по поводу них двоих: «Я думаю, что Зухейр и Ибрагим происходят из Баб ал-Абваб, т.е. Дербента».

Также к этому обществу принадлежали шейх ал-Хасан б. Ибрахим ал-Баби, который изучал *хадисы* у Хамида ат-Та'вила, а у него учился *хадисам* 'Иса б. Мухаммад ал-Багдади. К этому обществу принадлежали также Хилал б. 'Ала ал-Баби — о нем есть упоминание у Абу Ну'айма ал-Хафиза. В том числе Зухейр б. Мухаммад ал-Баби и Мухаммад Ибн Хишам б. ал-Валид Абу ал-Хасан, известный как Ибн 'Умран ал-Баби. Он упоминает, в свою очередь, об Абу Саиде 'Абдаллахе б. Саиде ал-Хидже ал-Кинди, а о нем упоминает Мас'ар б. 'Али Барда'и.

В том числе Хабиб б. Фахд Абу ал-Хасан ал-Баби, который изучал хадисы у Мухаммада б. Дусти, а у него — Абу Бакр ал-Исмаили. Он упоминает, что слышал до 270 имен по типу — Мухаммад Ибн Аби 'Амран ал-Мукабири. И среди них — Мухаммад б. Аби 'Умран ал-Баби ас-Сакафи и имя Аби 'Умран Хишам Барда'и, родом из Баб ал-Абваб (осел в Барда'а), который упоминал об Ибрахиме б. Муслиме ал-Хорезми.

Затем наука угасла в Дербенте, и не осталось никого, о ком упоминалось. А что касается остального Дагестана до времени возникновения ислама здесь, то неизвестно ничего такого, что

¹ Хишам Ибн 'Абд ал-Малик, десятый омейядский халиф (724–743), брат Язида Второго, которому наследовал. В годы его правления территория Арабского халифата была наиболее обширной.

² Марван б. Мухаммад — последний омейядский халиф в Сирии (744–750). Халифствовал в Дамаске. Воевал с хариджитами и убил их вождя ад-Даххака Ибн Кайса аш-Шайбанийя в 746 г.х. Потерпел поражение от Аббасидов в сражении при аз-Забе (гора на юге Алжира).

³ Харун ар-Рашид — пятый аббасидский халиф (786–809). Сын халифа ал-Махди и берберской рабыни Хайзуран. Наследовал трон после убийства брата. Воевал с византийцами. Являясь халифом, продолжал управлять западными провинциями и достиг Константинополя. Установил мир в персидских провинциях и среди берберов (Сев. Африка). Установил связи с королем франков Карлом Великим. В эпоху его правления расцвела торговля, литература и наука.

здесь возникали какие-либо памятники науки и культуры или же города, достойные упоминания. А самый первый ученый, которого мы знаем, — это шейх Зайн ад-дин ал-хаджи ал-Гумуки, автор «*Мухтасара*», известной в Дагестане книги по богословию, *фикху* и суфизму.

Среди его трудов книга «*Дурар ал-азкар*». Кто прочитает это произведение, тот увеличит свои познания в *хадисе* и широту своих знаний. Он был, по милосердию Аллаха Всевышнего, современником шейха Ибн Хаджара ал-Хайтами¹, который умер раньше него. Говорят, что они встретились во время его ('Али ал-Гумуки) поездки в хаджж. Умер в Кази-Кумухе в 930 или 969 г.х. и был погребен там. Его могила и поныне там.

Затем, после него появился шейх Ша'бан ал-Убуди ал-Авари, автор «Танаких шарх ал-масабих» и *устаз* ал-Убуди, его сверстник.

Затем ал-Кудуки уехал в Хиджаз и учился у шейха Салеха ал-Йамани, возвратился в Дагестан и распространял здесь науки. Одними из известнейших его сподвижников были шейх Давуд из Усиша и шейх Мухаммад ал-Убри (из Убра).

Затем появились плеяда ученых в Дагестане. Неизвестно только, кто из них происходит ранее упомянутого выше шейха 'Али ал-Гумуки. Да, конечно, был среди ученых в Дагестане шейх Ахмад ал-Йамани, автор «Вафк ал-мурад», Зад ал-Ахират, который погребен в Кази-Кумухе. Его могила известна, однако неизвестно, был он родом из Кази-Кумуха или из тех, кто поселился и осел там.

(‘Али ал-Гумуки. «Джаридат Дагистан». 1918 г. № 6. С. 4).

НЕПРИГОДНОСТЬ СТАРОГО МЕТОДА ОБУЧЕНИЯ И РАЗЪЯСНЕНИЕ ПУТЕЙ ЕГО РЕФОРМИРОВАНИЯ

Мы много раз упоминали о непригодности нашего метода обучения арабским и другим наукам, о том, что он перестал соответствовать задачам обучения по многим аспектам. Мы говорили о некоторых из них много раз. Так давайте поговорим о них еще раз, а также о том, о чем не говорили, и о разъяснении всех путей их реформирования.

¹ Ибн Хаджара ал-Хайтами (Хайсами) (ум. 1567 г.х.) — *факих-шафиит*, учился в ал-Азхаре.

Одной из ошибок старого метода было то, что для обучения в начальных классах привлекали искусных в арабском языке преподавателей, знатоков основ обучения и воспитания, которых весьма мало в Дагестане. При этом синтаксис и морфология заключают в себе набор определенных правил арабского языка. Но знания этих правил не достаточно для овладения арабским языком. Необходимы другие методы, дополняющие их, — частое заучивание наизусть слов арабского литературного языка из поэзии, прозы; беседа на арабском языке; переписка на нем, пока обучающийся не достигнет такого уровня, как будто бы он жил и вырос среди них (арабов) и воспринял их обороты, фразы, приобрел способность разговаривать на их языке, подражать оборотам и фразам, которые арабы употребляют в своих беседах и разговорах. Это то, чем пренебрегают учителя и ученики в Дагестане с давних пор, и мы видим их ограничивающимися только обучением правилам и заучиванием их и не обращающих внимания на то, что следует за этим, за исключением немногих. Так что, если им встретится в книгах, которые они изучают, что-либо из стихов арабов, цитируемое в качестве доказательства чего-либо из правил синтаксиса и морфологии, — они ограничиваются знанием места цитирования. Затем оставляют это место и говорят о значении стиха по мысли поэта. И откуда им знать язык арабов и искусно владеть им.

Мы приводили в № 14 газеты «Джаридат Дагистан» в качестве примера слова Ибн Хазма, что высокое и низкое качество способностей в знании арабского языка зависит от высокого или низкого качества запоминаемых слов арабского языка. И что слова и фразы зависят от знания законов, которые определены в науке о красноречии (риторика). И если в уме обучающегося осело что-либо из законов этой науки и фраз из *фикха*, то изменяется вместе с ним его душа, вырабатывается способность, и фразы преломляются и становятся похожими на фразы арабов. Необходимо уделять внимание хорошему запоминанию слов предшественников и тех, кто был после из нового поколения; сторониться от запоминания плохих из них; запоминать больше *касыд* ученых Дагестана и их стихи, которые отличаются от стихов арабов и их *касыд* только по размеру и рифме.

(‘Али ал-Гумуки. «Джаридат Дагистан». 6 мая 1913 г. № 18. С. 2–3).

МЫ, НАШИ СЛУГИ И АЛФАВИТ УСЛАРА

Большинство из нас, горцев, не заметили в этой великой революции всего того, что было за пределами наших взоров; не заметили грозящих опасностей нам и нашей религии со всех шести континентов; не заметили всех козней и интриг самодержавного правительства, к которым оно прибегало с целью русификации и христианизации нас и разрыва всех связей и отношений между нами и всеми нашими братьями-мусульманами.

В том числе и те, кто знает действительное положение дел у нас. Одни из них помогают самодержавному правительству в этой ее политике, другие — с пылом и рвением чуть ли не наступают на свою религию, языки, нации. Однако они не могут что-либо сделать.

Чтобы произошла эта революция, и освободились языки (письмо), и все тайное стало явным, надо чтобы каждый, кто имеет какую-либо информацию в отношении этого, разъяснил бы людям и распространил бы все среди них до тех пор, пока у народа не будет правильное представление об этом. Мы здесь, в нашей газете, также затронули часть этого вопроса, остались еще другие проблемы, мы их рассмотрим в свое время и по порядку.

Сейчас мы расскажем о проблеме письма и алфавите, который мы используем сегодня, разъясним, в чем были козни и хитрости самодержавного правительства здесь.

Самодержавное правительство рассматривало это арабское письмо, которое мы используем уже более 1200 лет, сильным связывающим звеном между нами и всеми нашими братьями-мусульманами, которые используют его так же, как и арабы, и турки, и др., где каждый знает это письмо, читает на нем, знакомится друг с другом. [Так что. — А. Н.] каждой нации становится возможным знакомиться с тем, что есть у другой в области знаний и культуры, в чем она процветает, а в чем отстает.

Оно [самодержавное правительство. — А. Н.] хотело разорвать их — я имею в виду эти священные узы — запретить использование этих арабских букв, установив вместо них в наших школах русские буквы.

Для него не было секретом, какие последствия, вред и какое великое заблуждение есть спешка в этом деле. Но, однако, оно решительно и обдуманно, терпеливо и постепенно решило установить между арабским и русским письмами ступени, чтобы по ним подниматься от одного письма к другому и посредством этого

стремиться заменить одно письмо другим, да так, чтобы никто не догадался об этом и не зашевелился никто из жителей из-за этого.

И приказало профессору Услару создать для наших различных языков специальное письмо для каждого из них — не арабское и не русское — нечто среднее между ними. И это для того, чтобы отлучить нас от арабских букв и арабского письма и отрезать тем самым все наши отношения и связи с нашими братьями-мусульманами. Предполагая, что это специальное письмо для каждого народа будет на первом месте, а не арабский язык. И не будет тогда никакого страха перед религией и местными языками, как было бы в случае использования русских букв. А затем, после того как мы привыкли бы к ним и, видимо, забросили бы арабские буквы, перешли бы к русскому алфавиту, полагая, что русское письмо — письмо науки и письма большинства народов государства.

И этот профессор, придя и ознакомившись с нашими различными языками, создал для некоторых из них специальное письмо, установив для каждой соответствующую форму, на манер латинских букв. Он составил с их помощью [букв. — А. Н.] некоторые книги и исследования, напечатанные и, может быть, находящиеся в некоторых библиотеках. По этим книгам учились горцы. Затем в силу ряда причин они были забыты. И эти буквы, известные среди отцов просвещения и культуры Дагестана как буквы Услара, названы так по имени их первого изобретателя и основателя Петра Карловича Услара, немца по происхождению.

В эти дни мы случайно натолкнулись на письмо, которое написал один из тех, кто возглавляет просвещение и культуру, и, утверждая, что желает добра, он обращается от имени нашего народа к помощнику наркома просвещения Кавказа с намерением ввести в использование эти буквы Услара среди жителей Дагестана и в ее школах. Он предпочитает их настоящим русским буквам, с тем чтобы не пугались их, что они установлены одним разом. Он запрещает помощнику наркома просвещения Кавказа вводить арабские буквы в школах в виде эксперимента. Так как это удлиняет процесс русификации народов Дагестана и их отчуждения от арабского и турецкого языков.

Мы перевели его [письмо. — А. Н.] на арабский язык в том виде, как оно есть, и распространили его среди людей с тем, чтобы они остерегались его [автора письма. — А. Н.] и его лжи и приукрашиваний.

Это — копия письма Саида Габиева помощнику наркома просвещения Кавказа.

(Али ал-Гумуки. «Джаридат Дагистан». 1917 г. № 28. С. 3–4).

СВОБОДА И ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ УЧЕНЫХ

Свобода в практике газет и печатных изданий — это освобождение подданных и избавление их от оков самодержавного государства во всем и взятие государственных дел из рук деспотии и передача ее обремененным доверием из числа трудящихся.

Свобода может быть различных видов. Первая разновидность — это свобода вероисповеданий и течений. Это означает освобождение каждого подданного от ограничений государства в отправлении его религиозных заповедей в соответствии с его (подданного) убеждениями.

Вторая разновидность — свобода совести. Это означает свободу каждого в принятии желаемой религии.

Третья — свобода печати. Это свобода пишущей братии от ограничений цензора в газетах, книгах и переписке.

Четвертая — свобода слова. Это свобода каждого из нас от ограничений в беседе и разговоре в том, что каждый из нас считает наилучшим высказать.

Шестая разновидность свободы — свобода собраний и соглашений. Что означает снятие запретов на собрания, политические, религиозные и прочие соглашения.

Мы полагаем, опираясь на эту всеобщую для людей свободу, что достойным ученым из Дагестана необходимо собраться в эти дни, крепко держась за вервь Аллаха, и избрать в соответствии с этим законом научное сообщество. С тем чтобы у этого сообщества были две задачи. Первая — определение функций ученых. Вторая — заблаговременная подготовка требований своих прав. Истинно, сейчас время пробуждения, знаний и инициативы в делах.

(Б[илал] А[либек] из Казанище. «Джаридат Дагистан».

17 апреля 1917 г. № 15. С. 4).

КОГДА МЫ ПРОЧИТАЛИ ...

Когда мы прочитали то, что был написано в научном разделе № 5 газеты «Джаридат Дагистан», нам пришли в голову некоторые мысли и идеи, о которых мы говорили с молодыми и взрослыми студентами и учеными и написали Вам, надеясь, что Вы опубликуете их в газете.

Известно среди ученых, что функция искусного врача заключается в том, что он лечит больного только после того, как поставит диагноз и определит причину болезни, не иначе. То есть лечить больного без этого — значит вредить ему или убивать его. Потому что он, может быть, погубит больного, не зная болезни. Таким же образом обстоит дело в отношениях ученых с простыми людьми. То есть необходимо лечить болезни простых и невежественных людей после выяснения их болезней, которыми они заболевают время от времени, и выяснения причин, ведущих их к этому. И поэтому, автор статьи 'Али ал-Гумуки начинает объяснять причины вырождения науки и господства невежества в нашей стране (т.е. в Дагестане) в последнее время. Считаю среди из важнейших причин этого в Дагестане, **во-первых**, недостаток средств к жизни у ученых и плохое и бедственное положение ученых в сравнении с торговцами и ремесленниками. **Во-вторых**, расстройство в методах обучения и трудности обучения у нас. Что касается первой причины, то очевидно, не секрет, что мы не видели еще ни одного ученого в Дагестане, чтобы у него был достаток, необходимый для проживания и выполнения его научных функций, таких как обязанности *кадия*, *имама*, обучения и др. И когда умные люди видят свое состояние стесненности и нужды, их натура обязательно отвращает их от этого пути, и они остаются в невежестве и считают зазорным для себя следовать ему. А те, кто идет по этому пути, не достигает хорошего уровня, так как то, чего не хотят люди, и то из ремесел и торговли, что не имеет среди них хождения, регрессирует, не прогрессирует. То же самое происходит и в науке. А что касается второй причины, то это ясно так же, как признают беспристрастные люди. И какой же разумный человек станет изучать половину книги у десяти учителей, как это принято у нас. И какой разумный человек решит читать 10 книг по одной науке с использованием запутанных комментариев и субкомментариев с тем, что сказал этот и тот, и потерей жизни на то, в чем нет пользы. Да, хорошо сказал владелец журнала «Кушкуль»:

О люди, которые учатся в медресе!

Все, что вы получаете [из знаний] — это всего лишь нашенствования.

И какой ученый желает изучать некоторые следующие науки 15 лет и более: шариатские науки — год или два, как это принято у нас; какой разумный человек читает *тафсир* (комментарий к Корану) от начала и до конца за один месяц и ограничивается этим и тратит свою жизнь для чтения сочинения «Джихат ал-вахида» (т.е. Мулла Угли) многократно в год или более. И какой человек

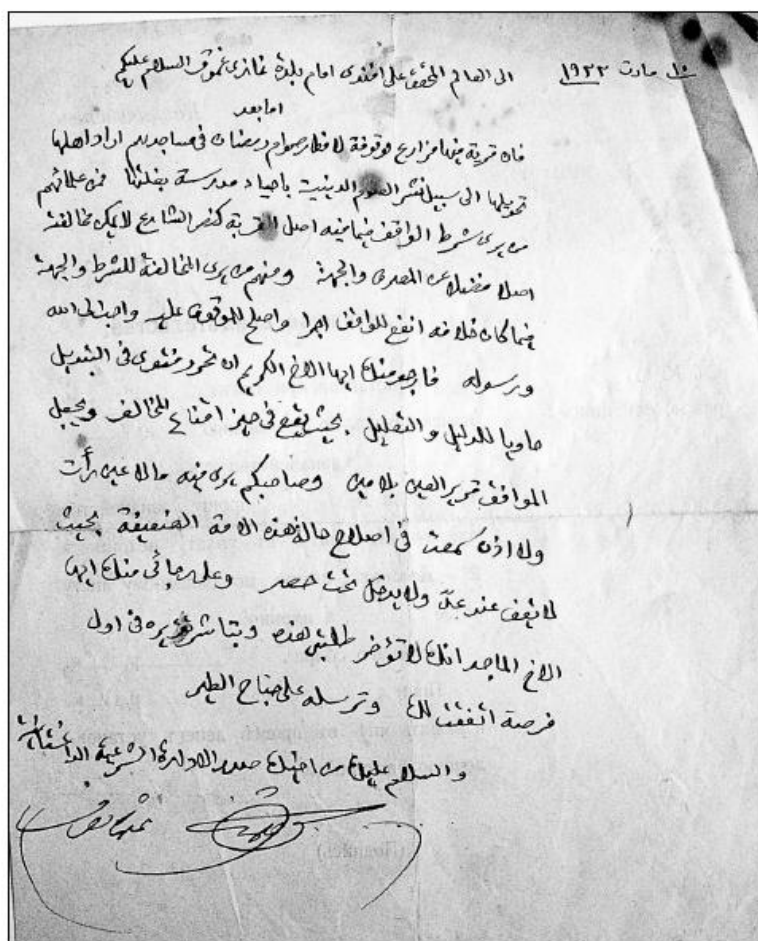
считает себя ученым, избегая *хадисов* и основ *фикха* (мусульманского права). Хотя это — является основой религии. Отраслевые знания только тогда понятны, когда есть понимание основ. Как хорошо сказал ученый ‘Абд ал-Барр:

*Достигает самых высоких вершин только тот,
Кто познает начала.*

Среди недостатков обучения у нас в Дагестане также то, что начинаем изучение книг морфологии вопросами и ответами. И это означает обременение [обучающихся] двумя задачами одновременно, не принимая во внимание принципа последовательности и постепенности [в обучении]. И поэтому не приучается обучающийся ни к одной из этих задач, так как он вначале нуждается в понимании и осмыслении языковых понятий фраз, а затем правил. А это недостаток обучения и трудность его. А наилучший метод обучения — это последовательность. Это означает начинать обучать с самого простейшего, двигаясь к самому сложному и трудному. Правильно в обучении арабскому языку неараба начинать с книг по языку, например книг по основам обучения, и устных уроков и др.

*(Билал, сын Алибека из Казанище. «Джаридат Дагистан».
27 февраля 1916 г. № 9. С. 4).*

Письма дагестанских улемов А. Каяеву

Письмо О. Османова Али Каяеву

10 марта. 1922 г.

Ученому-исследователю 'Али-эфенди, имаму Кази-Кумуха, да будет мир над Вами, а затем:

В селе имеются сельхозугодия, отданные в вакф, по условиям которого доходы с них должны быть направлены в мечети для разговенья строго соблюдающих пост в месяц Рамадан. А жители селения хотят переориентировать их на нужды распространения религиозных наук (знаний) посредством оживления деятельности *медресе*, используя доходы этих вакфов. Но среди ученых (селения) есть такие, кто считает, что условие вакфодателя, имеющееся в вакфе, является основой использования вакфа как текст законодателя и что нельзя его изменить ни в коей мере, не говоря уже об использовании вакфа (расходования доходов с него) на другие цели. Но среди них есть и такие, кто считает, что можно изменить (нарушить) условие вакфа и расходовать его на другие цели при условии, если это является полезней и выгодней для вакфодателя и вакфополучателя, что является обязанностью перед Аллахом и Его Посланником. Я прошу тебя, о мой благородный брат (по вере), написать *фетву* для (обоснования) изменения содержания вакфа, содержащую убедительные доводы, доказательства и мотивировки для этого. Так, чтобы они были в арсенале аргументации изменяющего вакф и чтобы он и давший согласие на это, был радостный и довольный безо всякого обмана. Ваш друг рассматривает данный случай как повсеместно распространенное явление, которому нет разрешения и которое, я (по крайней мере) уверен, было бы в пользу решения этой слабой общины (*уммы*).

Относительно моей просьбы к тебе, о, мой брат (по вере), то ты не откладывай ответ на нее, а приступи к ответу на нее сразу же, при первом удобном случае, который представится тебе, и пришли его побыстрее (на крыльях птицы).

Привет тебе от твоего брата (по вере).

Председатель шариатского подотдела

НКЮ ДАССР Османов

Подпись

6 января 1912 г.

Своему любимому брату (по вере) 'Али-эфенди, да будет мир над Вами.

С выражением признательности и уважения.

А затем:

Когда до меня дошел Ваш перевод «Новой астрономии», я безгранично обрадовался этому, и благодарил Вас, и просил Аллаха Всевышнего, чтобы Он вознаградил дела, подобные этому. Аминь.

Что касается меня, то я распоряжусь, чтобы подготовить необходимые мероприятия для принятия Вашего перевода, а затем, после их завершения, и для его скорейшего издания. И чтобы просто сообщить Вам об этом, я написал Вам это письмо.

У нас здесь не произошло ничего (из событий), требующих Вашего внимания. Если не считать того, что *кадий* Темир-Хан-Шуры снят и что, по общему мнению, будет назначен на его место *алим* (ученый) Сейфулла Башларов.

От Вашего покорного слуги Мухаммада-Мирзы Мавраева

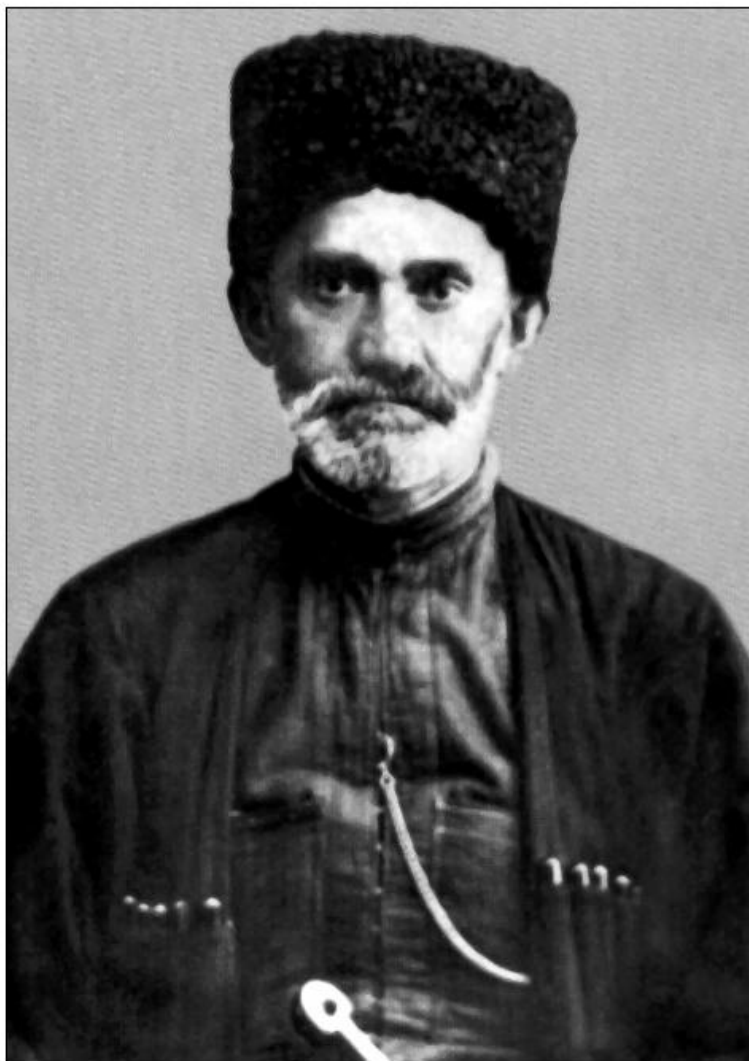
**ДАГЕСТАНСКИЕ ПРОСВЕТИТЕЛИ, В ТОМ ЧИСЛЕ
И АКТИВНЫЕ РЕСПОНДЕНТЫ ГАЗЕТЫ
«ДЖАРИДАТ ДАГИСТАН»**

Али Каяев (1878–1943)

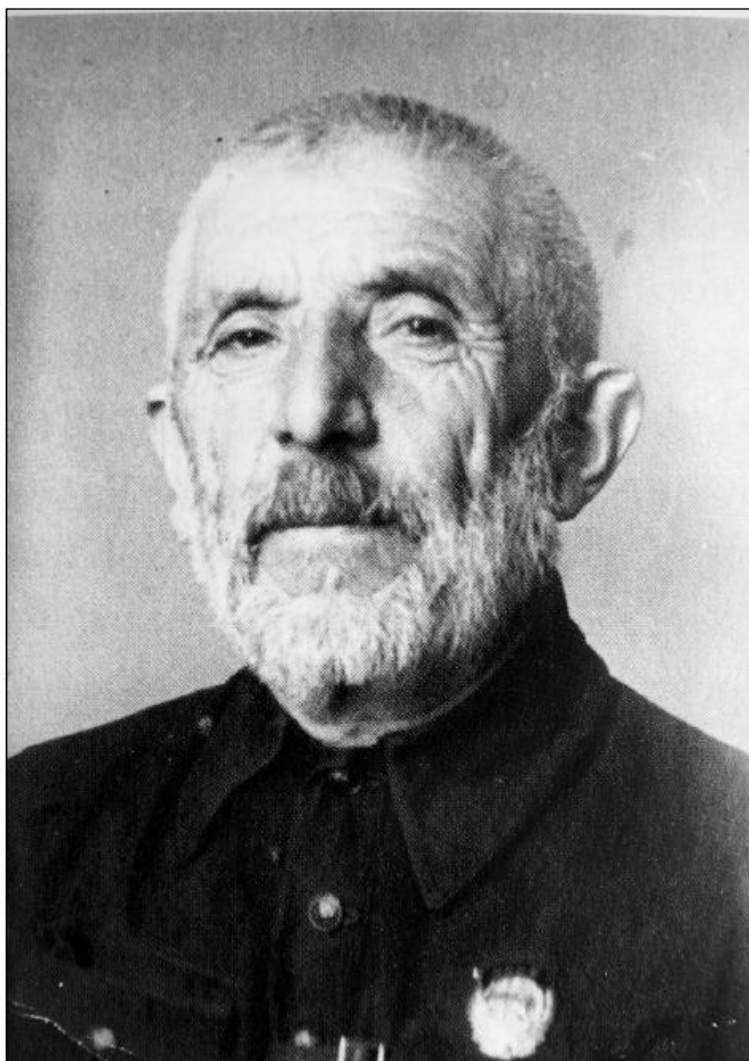
*Издатель и директор типографии
в Темир-Хан-Шуре Мухаммад-Мирза Мавраев (1878–1964)*

Абусуфьян Акаев (Арсланбеков) (1872–1931)

*Билал Алибеков из Нижнего Казанище (1876–1943),
кади Буйнакская, секретарь (катиб) Абусуфьяна Акаева
в бытность его редактором журнала «Байан ал-хака'ик»*

Гамзат Цадаса (1877–1951)

Сайфулла Кади Башларов (1850–1919)

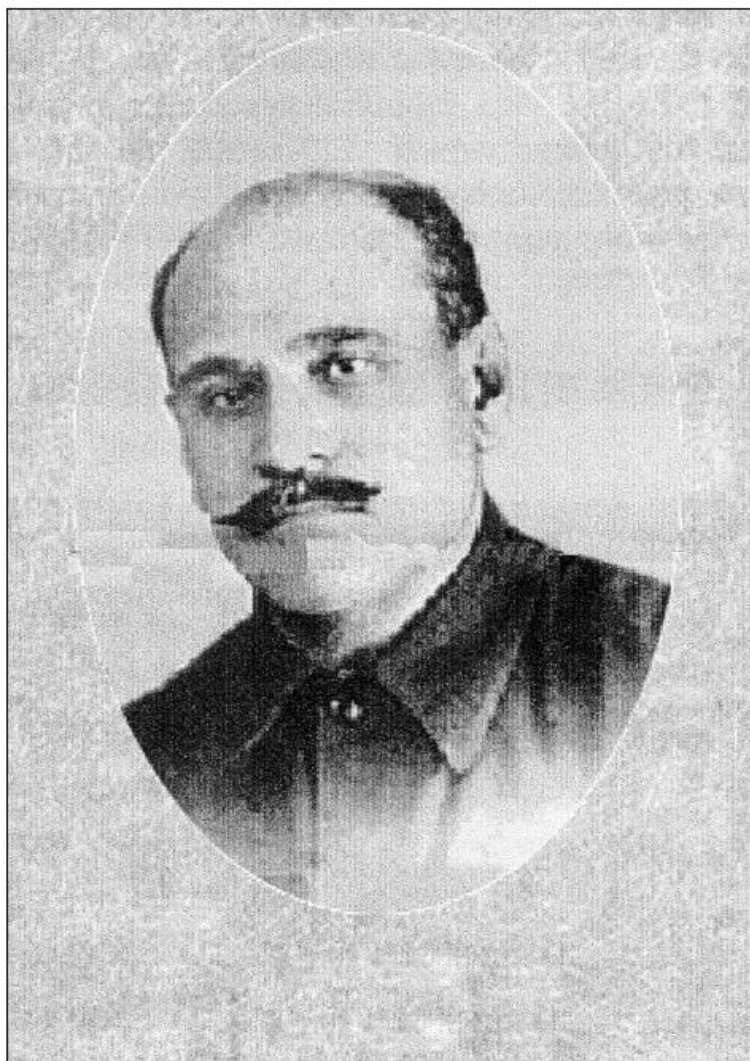
Юсуп Муркелинский (1860–1918)

*Дибиров Мухаммад-Кадил-Карахи (1877–1929)
из с. Гочоб общества Карах, ныне Чародинского района РД*

Гасан Гузунов (1854–1940)

Саид Ибрагимович Габиев (1882–1963)

Нухай Батырмурзаев (1865–1919)

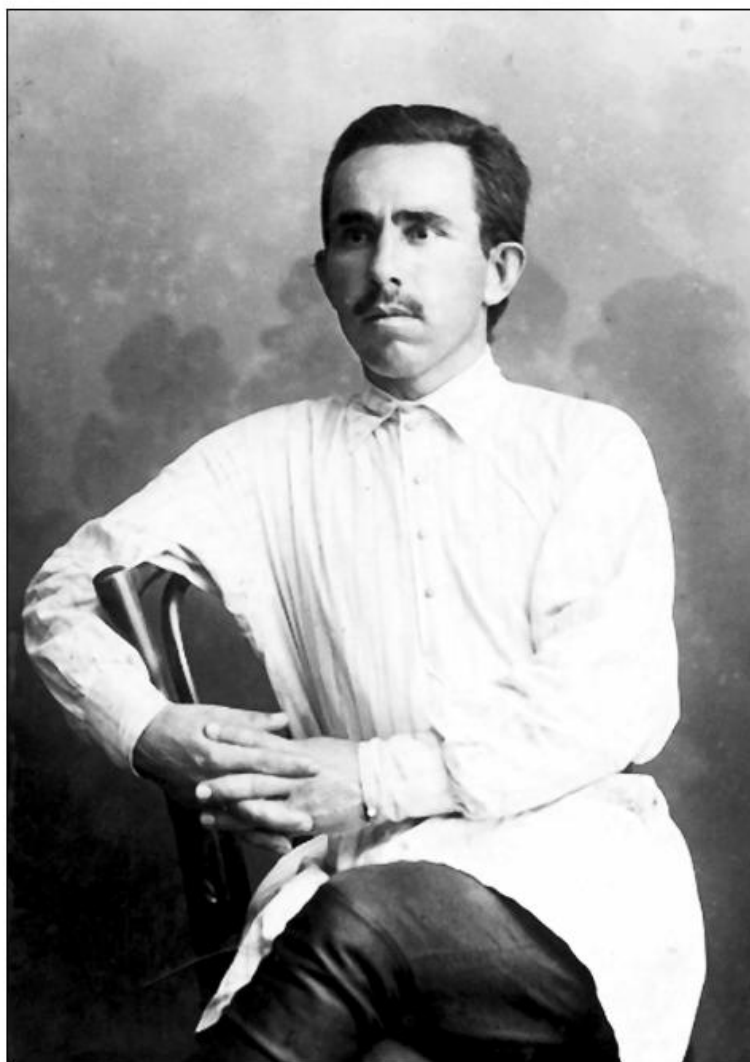

Зайналабид Батырмурзаев (1897–1919)

Манай Алибеков (1859–1920)

АЛИ КАЯЕВ И ЕГО УЧЕНИКИ

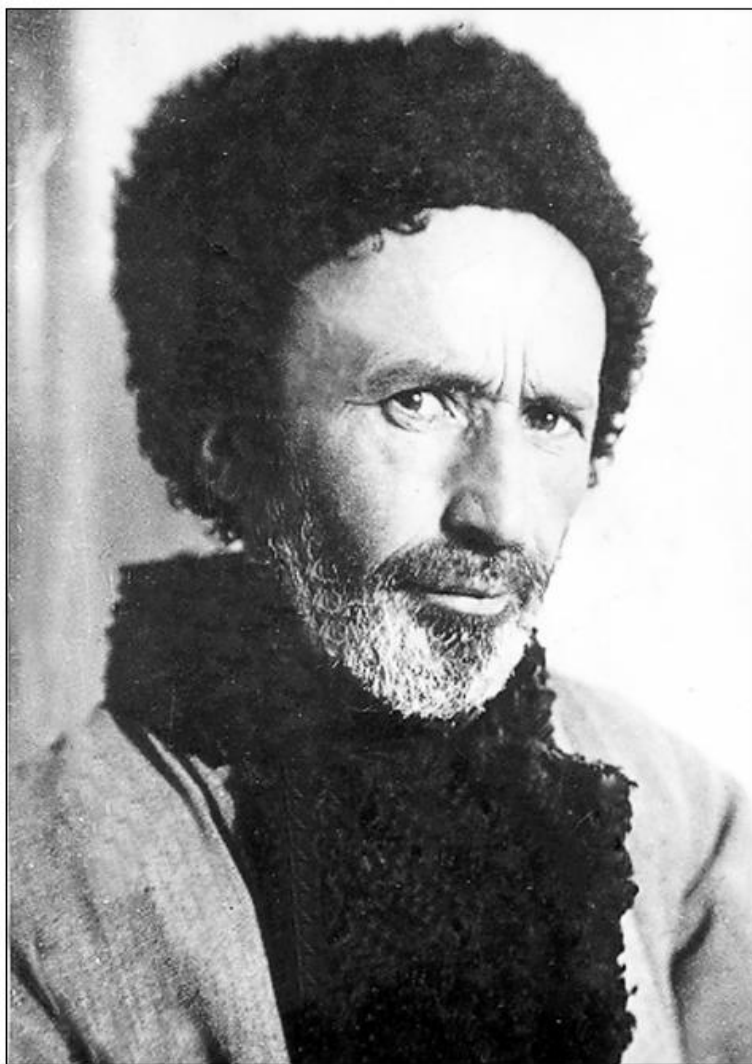
Ученик Али Каяева Шахбанилав Согратлинский. 1927 г.

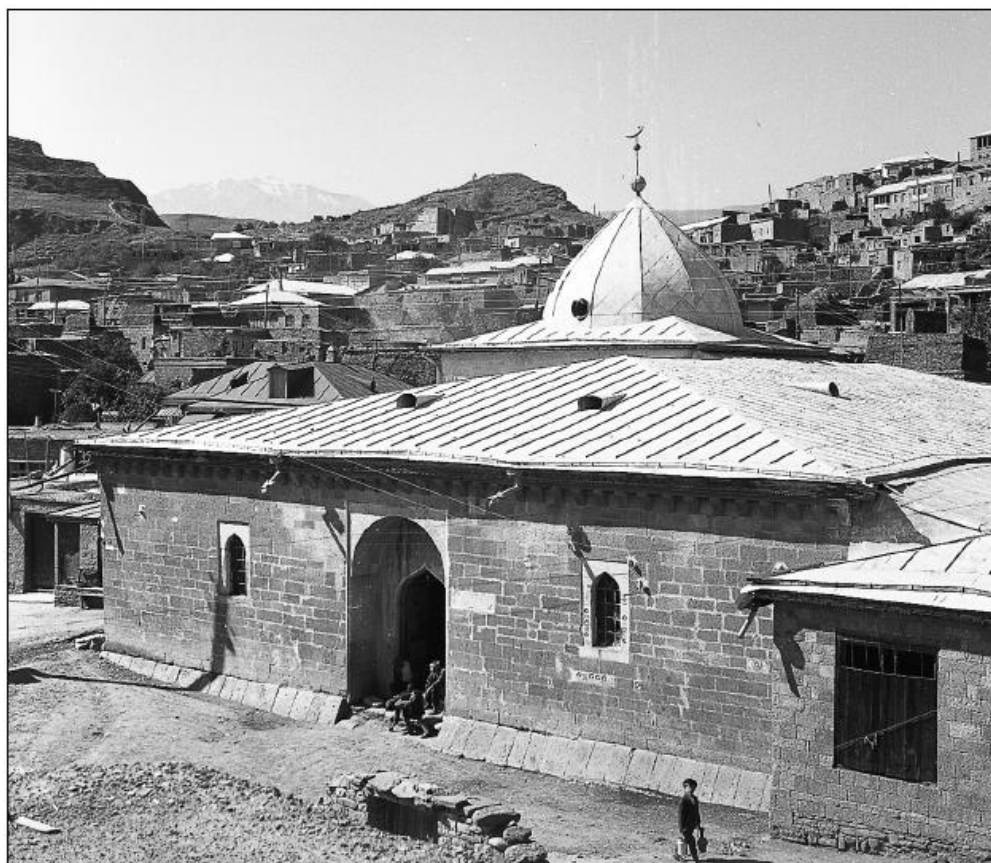
*Ученик А. Каяева Маллаев Муса из Сумбатля (сидит)
со своим братом Гаруном*

Али Каяев со своим учеником Ибрагимом Булушевым

Али Каяев (1930-е гг.)

Кази-Кумухская Джума-мечеть

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АКАК — Акты, собранные Кавказской археографической комиссией.

АН СССР — Академия наук СССР.

ЦГА РД — Центральный Государственный архив Республики Дагестан.

ДНЦ — Дагестанский научный центр.

КС — Кавказский сборник.

ИИЯЛ — Институт истории, языка и литературы.

РАН — Российская академия наук.

РФ ИИАЭ ДНЦ РАН — Рукописный фонд Института истории археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской академии наук.

ЦВ ИИАЭ — Центр востоковедения Института истории, археологии и этнографии.

ССКГ — Сборник сведений о Кавказских горцах.

Amir R. Navruzov
Jarīdat Dāghistān: Newspaper of the Caucasus Jadids
in Arabic Language

The monograph provides readers with a detailed survey of the unique periodical published in Arabic in the Dagestani town of Temir-Khan-Shura between 1913 and 1919. This was a social political, literary, and popular scientific weekly addressing Muslim Arabic-speaking intellectuals throughout the Caucasus. It was distributed in the provinces of Dagestan, Terek and Kuban', General-Governorates of Baku and Elizavetpol on the territory of today Dagestan, Chechnya, Ingushetia, Stavropol, Kuban in the North Caucasus and Azerbaijan in South Caucasus. There were also subscribers to the newspaper in towns of Russia's Turkistan.

The Russian administration of the Dagestani province attempted to turn the newspaper into its official organ. Military General-Governor of the Dagestani Province S. V. Volsky established *Jarīdat Dāghistān* in order to inform the literate Muslim populace of all manner of decrees issued in the general-governorate, provide them with useful news about happenings in Russia's Caucasus. As such the periodical was charged with the mission to "civilize" new Caucasus citizens of imperial Russia. Its first editor was Badawi Saidov (1877–1927), a Dagestani from the Avar village of Chokh who directed the governor-general's chancellery and chaired the Society for Enlightenment of native Muslims in the Dagestani Province. His fellow-countrymen Muhammad-Mirza Mavraev (1878–1964) printed all issues of the newspaper in his "Islamic publishing house" in Temir-Khan-Shura. In its first years, the newspaper was aimed mostly at native functionaries, whom it sought to keep abreast of the latest regulations and decrees.

Soon *Jarīdat Dāghistān* became the mouthpiece of Dagestani *Jadids*, the first generation of Muslim intellectuals who were eager to renovate (*jaddada*) local Muslim society, reform foundations of its culture and make it more convenient to challenges of modernity. The *Jadid* reformers gloried in the powers of print (printed books and newspapers) to spread knowledge and enlightenment, and publishing remained a significant field of endeavor for them. The newspaper helped them in creating a new public space that became the central venue for discussing culture and society. From the very beginning the newspaper was edited in fact by 'Ali from the Lak village of Qumuq more known as Ali Kaiaev (1878–1943), the prominent *Jadid* teacher, journalist and scholar. He wrote the majority of articles published in it, and also worked as the chief advice columnist. Kaiaev used the newspaper to propagate *Jadid* views on the school, enlightenment, modernity and Islam. Following the Revolution, in January 1918, he was appointed its editor in chief.

There were 4 pages and a number of main permanent columns in the *Jarīdat Dāghistān* including those of official administrative news, chronicle of recent events in the Caucasus and the World, pieces of fiction, correspondence, announcements and articles of popular science. The newspaper published letters and articles by its readers, as well as "useful information" about the modern world. The latter ranged from an account of the world's political geography and the names of important states, through descriptions of hot-air balloons, railways, and telephones, to agricultural instructions. Readers' contributions usually recounted local affairs and scandals, but they also began to air opinions about the shortcomings of Caucasus society. The newspaper also regularly touched upon controversial issues of Islamic law, dogmatics and local non-Sharia customs that agitated the Muslim society in Russia's Caucasus at the turn of the late imperial and early Soviet epochs.